

ՀԱՅՈՍՏԵՒՄ ՀԵՂԻՏԱԿԱՆ ՀՈՒՅՈՒՆԵՐԸ

Հ. Ա. ԶԱՊՈՒՅԻՆՅԱՆ
Ա. Ա. ՔԱՂԱՔՅԱՆ

ՄՊՎԱԿԱՐՅԱՆ ՀԱՅՈՍՏԵՒՄ
ԱՐԵԼՏՐՈՒԿԱՆ ԿԱԴԵՐԸ VI-XIII դ.
(ՀԱՅ ԽՈՒԹԻՄԾՈՒՅՈՒՆ ՏԵՇԱՆԻՑ)

ՀԱՅԿԱԿԱՆ ՍՈՒ ԳԻՏՈՒԹՅՈՒՆՆԵՐԻ ԱԿԱԴԵՄԻԱ
ՀԱՅԴՈՒԹՅԱՆ ԵՎ ԱԶԳԱԳՐՈՒԹՅԱՆ ԻՆՍԻՏՈՒՏ

ՀԱՅԿԱԿԱՆ
ՀԱՅԴՈՒԹՅԱՆ
ՀԱՅԱԳՐՈՒԹՅԱՆ

14

ՄԴԱԼԻՄՅԱՅ
ՀԱՅԱԳՐՈՒԹՅԱՆ

Պ Ը Ա - Կ

VI

Հ. Ի. ԶԱԼՈՒՄՅԱՅ
Ա. Ա. ՔԱՂՋԱԿՅԱՅ

ՄԴԱԼԻՄՅԱՅ ՀԱՅԿԱԿԱՆ
ԱԼԵԽԱՆԴՐԱԿԱՆ ԿԱԴԵՐԸ VI-XIII դ.
(ՀԱՅ ՊԱԿԵԴԻՇՏՈՒՅՈՒՆ ՏՎՅԱԼԵՐԻ)

ՀԱՅԿԱԿԱՆ ՍՈՒ ԳԱ ՀՐԱՏԱՐԱԿՉՈՒԹՅՈՒՆ

ԵՐԵՎԱՆ 1988

АКАДЕМИЯ НАУК АРМЯНСКОЙ ССР
ИНСТИТУТ АРХЕОЛОГИИ И ЭТНОГРАФИИ

АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ ПАМЯТНИКИ АРМЕНИИ

14

СРЕДНЕВЕКОВЫЕ
ПАМЯТНИКИ

ВЫПУСК

VI

Р. М. ДЖАНПОЛАДЯН
А. А. КАЛАНТАРЯН

ТОРГОВЫЕ СВЯЗИ
СРЕДНЕВЕКОВОЙ АРМЕНИИ В VI-XIII ВВ.
(ПО ДАННЫМ СТЕКЛОДЕЛИЯ)

ИЗДАТЕЛЬСТВО АН АРМЯНСКОЙ ССР

ЕРЕВАН 1988

Печатается по решению ученого совета
Института археологии и этнографии АН Армянской ССР

Ответственный редактор
академик АН АрмССР *Б. Н. Аракелян*

Книгу рекомендовали к печати рецензенты: докт. ист.
наук *Г. А. Тирацян*, канд. ист. наук *Г. О. Карабанян*

Джанполадян Р. М., Калантарян А. А.
Д401 Торговые связи средневековой Армении в
VI—XIII вв. (по данным стеклоделия) /Отв.
ред. Б. Н. Аракелян.—Ер.: Изд-во АН
АрмССР, 1988.—с. 48, 29 л. ил.—(Археол. па-
мятники Армении; 14 Средневековые памят-
ники; Вып. 6/АН АрмССР. Ин-т археологии
и этнографии).

При раскопках двух средневековых городов Дvinы
и Ани в слоях VI—XIII вв. обнаружено большое коли-
чество изделий из стекла как местного производства,
так и привозных из стран Переднего Востока. Эти
находки хорошо иллюстрируют данные письменных
источников относительно широких торговых связей го-
родов средневековой Армении почти со всеми круп-
ными государствами Переднего Востока.

Публикуются уникальные стеклянные изделия, най-
денные при раскопках в Армении, в то же время яв-
ляются полноценным источником для изучения стекло-
делия тех стран, откуда они были привезены.

Книга рассчитана на археологов и историков, пред-
ставляет также интерес для искусствоведов широкого
профиля.

Д 0507000000 36—87 ББК 63.3 (2Ар) 42—63.4 (2Ар)
703 (02)—88

© Издательство АН Армянской ССР, 1988

Благодаря своему географическому положению Армения играла важную роль в политической и экономической жизни Передней Азии. Ее экономические связи с другими странами расширились во время становления и развития феодальных отношений, особенно в условиях роста товарного производства. Через Армянское нагорье проходили магистральные стратегические и торговые пути, соединяющие запад с востоком, север с югом. Развитие культурно-экономической жизни страны в какой-то мере было связано с транзитной торговлей, в которой армяне принимали активное участие. Из Армении вывозили разного рода сельскохозяйственную продукцию, полезные ископаемые; особенно большим спросом пользовалась высококультурная продукция ремесленного производства. В Армению с Ближнего Востока, из Византии, Дальнего Востока, с севера ввозили пряности, благовония, китайский шелк, различные бытовые изделия, в том числе керамику и стекло.

В средние века на Ближнем Востоке и в Византии бурно развивается стеклоделие, и, естественно, что стекло становится одним из важных объектов международной торговли. Об этом свидетельствуют раскопки крупных городов Армении: Ани и Двина. Несмотря на то, что Армения славилась своей ремесленной продукцией, в которой большое место занимали изделия из стекла, в числе ввозимых товаров определенное место принадлежит продукции знаменитых египетских, сирийских, иракских, иранских и византийских мастеров. Основная цель настоящей работы — изучить этот материал и по мере возможности внести некоторые уточнения в вопросы, связанные с торговово-экономическими отношениями средневековой Армении с другими странами.

* * *

В раннем средневековье внутренняя торговля в городах Армении была развита сравнительно слабо. Еще в IV в. большой удар по городской жизни был нанесен походами Шапура II. Это был удар и по ремесленному производству и торговле, восстановление которых потребовало длительного времени. Некоторые сведения относительно внутренней торговли этого периода сохранились в церковных канонах, категорически запрещавших лицам духовного звания заниматься торговлей, которая считалась лишь светским занятием¹.

Будучи расположенной между двумя великими державами — Ираном и Византией — Армения стала одним из центров международной транзитной торговли. В кодексе Юстиниана, в императорском

эдикте 408/9 г., говорится о договоре, заключенном между Византийской империей и Сасанидским Ираном, согласно которому международный торговый обмен в Передней Азии разрешалось вести только в трех пунктах — Мцбине (Нисибин, Иран). Каллиниуме (Ракка на Евфрате, Византия) и Арташате (Армения). Впоследствии роль Арташата перешла к другой столице Армении, расположенной поблизости, — Двину².

Главные торговые пути Армении этой эпохи подробно отмечены на географической карте *tabula Peutingeriana*. По этой карте Арташат, а с V в. Двин магистралиями были связаны с Ираном, Малой Азией, Византией, Грузией, с восточным и северным портами Черного моря. Здесь указана также «царская дорога» (*«արքովի պողոտա»*) между Арташатом и Тигранакертом, которая была частью «Великого шелкового пути», идущего из Китая³.

Наряду со столицами в международной торговле принимали участие все города, расположенные на главных торговых путях, среди которых особо выделялись Феодосиополь (Карин) и Вагаршапат.

В V в. последняя столица Аршакидов, Двин, основанная в 30-х гг. IV в., становится крупным центром транзитной торговли. Впоследствии город был резиденцией армянских правителей, персидских и арабских наместников, а более четырех столетий — центром армянской церкви. Двин был крупнейшим культурно-экономическим центром Армении. Прокопий Кесарийский сообщает, что «Двин (Дубиос) — страна очень плодородная, имеет хорошую воду и воздух... Тут поля — ровные, удобные для конской езды, в окружении многоголюдные села, где проживают многочисленные торговцы, прибывающие сюда из Индии, соседней Иберии, почти от всех народов, подвластных персам, и даже из римских стран привозят туда товары, которыми тут же торгуют»⁴.

Согласно итингарю-дорожнику (по-арм. «мгоначапк» — «милемер»), составленному Ананием Ширакаци в VII в., из Двина в разных направлениях шли пять торговых путей. Северная дорога через Партав и Дербенд вела в Восточную Европу, западная — через Малую Азию в Константинополь, юго-западная — в Дамаск, Иерусалим и Северную Африку, юго-восточная — в Нахичеван, Ктесифон, к Персидскому заливу, восточная — в Пайтакаран, к Каспийскому морю и в Среднюю Азию⁵.

Средневековые армянские дорожники дают более подробную картину торговых путей, не ограничиваясь только административными пунктами.

Важный торговый путь, соединявший Индию с Закавказьем—Нахичеванью, Двином и Шираком и проходивший Бактрию, по южным берегам Каспийского моря, указан в другой работе Ширакци. По этой дороге возили жемчуг и другие драгоценные камни⁶.

Большой интерес представляют свидетельства о проникновении в Армению с торговыми целями несториан⁷, переселившихся сюда из области Хузистан (Хужастан), одной из крупных торговых и ремесленных центров Сасанидского Ирана. Несториане, игравшие большую роль в торговле Ирана, по-видимому, создали в Двине свою общину. Торговые общины в Двине, вероятно, имели и сирийцы, считавшиеся в Средиземноморье и на Ближнем Востоке умелыми торговцами⁸. Об этих общинах косвенно свидетельствуют археологические находки, в частности, буллы, некоторые оттиски которых явно иностранного происхождения⁹.

Глиняные буллы с оттисками различных печатей, найденные в Двине (табл. XLVII, 1—6), освещают некоторые детали организации торговли в раннесредневековой Армении. Буллы прилагались или подвешивались на веревочке на государственные документы, на торговые тюки, ими опечатывали двери кладовых. Наличие на предмете торговли буллы с оттисками печатей свидетельствовало о его юридической принадлежности. Печати на буллах были как государственные, так и личные. В Двине найдена 41 булла, причем некоторые из них имели до 24 печатей. Наличие большого числа печатей на одной булле, и тот факт, что те же печати встречаются и на других буллах, приводит исследователей к заключению о том, что в средневековой Армении купцы имели свои организации, свои купеческие товарищества, особенно необходимые при дальних путешествиях и внешнеторговых операциях¹⁰.

О роли торговцев в государственной и общественной жизни, о размерах их богатства свидетельствует историк VII в. Себеос. Во время похода византийцев армянские князья укрепились в замках, взяли себе как церковное, так и княжеское и купеческое имущество (сокровища)¹¹.

Особую ценность при изучении торговых связей представляет нумизматический материал, в частности, монетные клады V—VII вв. (табл. XLVIII). Наиболее ранними образцами денег, имевших обращение в Двине, являются сасанидские серебряные драхмы, бывшие основной платежной единицей по всему Переднему Востоку.

В VI в. в Двине имели хождение монеты тридцати монетных дворов иранских городов. Наряду с сасанидскими драхмами, имели обращение византийские медные и серебряные монеты, золотые динары, о чем свидетельствуют письменные памятники¹². Монетные находки ярко отражают картину торговли, которая велась между Востоком и Западом через Армению.

Прямое отношение к вопросу о денежном обращении и, в особенности, распространении византийских динаров имеют обнаруженные в Двине три небольших стеклянных диска с оттисками печатей,

изображающих кресты, концы которых отмечены буквой N, в двух случаях, и ε—в одном (табл. XLVI, 7—9). Это образцы византийских экзагий-эталонов весом 4,52; 4,52; 4,40 г.¹³, которые применялись для контроля и взвешивания византийских золотых динаров. Буквы на конце креста соответствуют первым буквам слов «номисма» и «экзагион». Экзагии имели широкое распространение в Византийской империи; ими пользовались также в тех странах, которые в V—VII вв. вели с ней оживленную торговлю. В Двине обнаружены также две византийские бронзовые гири весом в 2 и 12 номисмы, которые употреблялись ювелирами для взвешивания золота и золотых украшений (табл. XLVII, 7).

В начальный период арабского владычества, в конце VII—первой половине VIII вв. в monetной системе Армении особых изменений не наблюдается; по-прежнему имели обращение как сасанидские, так и византийские монеты. Одновременно в первой половине VIII в. появляются монеты халифата, и Армения входит в систему денежного обращения арабского халифата.

Экономический упадок, переживаемый Арменией во время арабского ига (конец VII—начало IX вв.), резко отразился на ее внешней торговле. Несмотря на условия, созданные для широкого обращения с разными областями халифата, роль Армении в международной торговле в этот период заметно ослабла. Непрерывные войны с Византией положили конец торговым сношениям стран Востока с Малой Азией, в частности, с Трапезундом¹⁴. Прекращение транзитной торговли через Армению стало одной из причин упадка и ее городов, превратившихся в военно-административные центры¹⁵. Главными городами по-прежнему оставались Двин—столица Армении и в некоторой степени Феодосиополь, о ремесленном производстве которых очень похвально отзываются арабские авторы (Иакуби, Иакут и др.). Однако, несмотря на ограничения, Армения продолжала вести внешнюю торговлю со странами халифата, с Ираном, Ираком. Имеются сведения о торговых сношениях с хазарами¹⁶.

Торговые пути реконструируются по находкам монет. Эти дороги упоминаются и в арабских дорожниках, в основном служивших военным целям.

Арабские дорожники были составлены в помощь военным и чиновникам. Они составлены четко и подробно, с отметками пунктов дневного перехода и остановок. Все пути сходились в административных центрах северной провинции арабского халифата—Двине, Партафе, Мараге и Ардебиле. Пути, указанные в арабских дорожниках, вполне соответствовали той задаче, которую ставили их авторы. Будучи призванными облегчить административное управление страной, они в основном отражают пути, связанные с арабскими центрами. Однако, естественно, что этими дорогами пользовались не только войска и сборщики налогов, но и торговые караваны¹⁷.

С начала VIII в. в Двине начинают чеканить свои монеты, которые, как показывают монетные на-

ходки, наряду с другими арабскими дирхемами имеют широкое обращение на международном рынке, и Армения как одна из провинций халифата также входит в ареал его торговых связей. Во многих кладах, найденных в Европе—в Старой Ладоге, Новгороде, Киеве, Москве, Рязани, в Швеции, Финляндии, Дании¹⁸—и относящихся к IX—X вв., имеются монеты, чеканенные на монетных дворах Армении.

В VIII—IX вв. в Армении имеют обращение денежные единицы соседних государств (Иран, Сирия, Табаристан, Фарс, Балх) и городов (Нишапур, Мерв, Герат, Бухара, Самарканд и многие другие), что свидетельствует о широких торговых связях с этими областями¹⁹. Наиболее характерными для торгового обмена в этот период были серебряные монеты Багдада и Рея. Судя по арабским дорожникам особо важными в экономическом отношении были восточные и юго-восточные торговые пути. Внутри же страны были в ходу основным медные монеты.

С IX в. во всех областях халифата, в том числе и в Армении, развитие получают производительные силы. Экономический подъем приводит к формированию феодального города, расширению товарного производства, отделению ремесленного производства от земледелия, росту внутренней и внешней торговли²⁰.

В IX в. политическая обстановка в Передней Азии меняется. Начинается распад некогда могущественного арабского халифата. Ослабление центральной власти Аббасидов создает возможность для политического оживления периферийных полуавтономных княжеств. В то же время на Западе усиливается Византийская империя, во главе которой становится новая Македонская династия. После длительной борьбы Армения обособляется от арабского ига, и во второй половине IX в. образуется армянское царство Багратидов. Армянские цари, добившись независимости, стремятся к упрочению экономического положения страны.

О торговых путях Армении при Багратидах много упоминаний имеется в армянских и арабских источниках. Они подробно исследованы Я. А. Манандяном²¹ и Б. Н. Аракеляном²². Через Армению проходили две главные линии международной транзитной торговли—северная и южная, со своими ответвлениями. Главным перевалочным пунктом оставался Двин, через который проходили дороги по всем направлениям. В X в. важную роль в транзитной торговле начинает играть город Ани, выполнивший также административные функции.

Одним из первых дипломатических шагов армянских Багратидов был торговый договор с Византийской империей, заключенный в конце IX в.²³, согласно которому армянские купцы получили возможность вести торговлю через черноморские порты—Трапезунд и Синоп.

В армянских дорожниках, составленных до заключения договора, отмечен только сухопутный путь, ведущий из Армении в Европу. Дорога начиналась в Двине и шла через Карин, Ерзин, Конию, Амасию, Константинополь и далее в Рим. В

конце IX—начале X вв. некоторые из этих городов находились под властью мелких полунезависимых от халифата мусульманских эмиров и были труднодоступны для торговых караванов. Согласно договору между армянским царем и византийским императором новый караванный путь должен был проходить через северные города Армении: Ани, Карс, Арци, Артанудж—и выходить к черноморским портам. Оттуда одна дорога вела морем к столице империи, а другая—на север, в Крым. Трапезунд, являвшийся центром византийской торговли на Черном море, был хорошо известным портом еще до владычества арабов в Армении; в нем сходились многие сухопутные и морские пути. В городе несколько раз в году устраивались ярмарки, на которые съезжались купцы из разных стран. На трапезундских ярмарках можно было купить всевозможные товары и, в первую очередь, знаменитые византийские ткани²⁴.

Таким образом, в конце X—начале XI вв. торговля в основном сосредотачивается на Западе, в Византии, в связи с чем города Карс, Арци, Артанудж, находящиеся на пути из Двина и Ани в Трапезунд, начинают процветать и богатеть. Современники с восторгом описывают несметные богатства, которые получали эти города от торговли «с моря и суши».

Благодаря оживленной торговле с Византией в Армению стекается большое количество византийских золотых монет, которые, как более твердая валюта, постепенно вытесняют арабский дирхем. Во всех золотых монетных кладах, найденных при раскопках Двина и его окрестностей, имеются монеты константинопольского чекана—дукаты.

Многочисленные лапидарные надписи на стенах армянских храмов являются своего рода документами денежных операций²⁵. Упоминания о золотых византийских дукатах встречаются и в конце XIII в. Они, по всей вероятности, и в это время считались наиболее стабильной денежной единицей.

Монетные находки из Двина дают определенную картину торговых отношений, характерную для всей Армении, и в то же время четко отражают политическую ситуацию в стране.

После падения царства Багратидов (1045 г.) и нашествия сельджуков (1048 г.) в Армении временно наблюдается экономический спад. Политическая и экономическая жизнь армян в основном сосредоточивается на средиземноморском побережье, где в XI в. было создано Киликийское армянское царство, которое на протяжении трех столетий играло важную роль в политических событиях Ближнего Востока. После первых же крестовых походов между Западом и Востоком завялась оживленная торговля, которая главным образом велась через Киликию²⁶. Благодаря своим морским портам и сухопутным дорогам, армяне принимали активное участие в этой торговле и поддерживали связи с коренной Арменией и мусульманскими восточными странами. Об этом свидетельствуют многочисленные находки киликий-

ских монет, а также предметов художественного ремесла в разных регионах²⁷.

Сельджуки, не сумевшие привить в Армении свой кочевой уклад, сами вынуждены были приспособиться к хозяйственной жизни завоеванных стран, где уже в XII в. наблюдается новый экономический подъем и дальнейший рост городов. Во второй половине XII и первой трети XIII вв. города Армении: Двин, Ани, Каин, Карс и др.—были крупными центрами ремесленного производства и торговли. Археологические раскопки в Двине и Ани, как и письменные источники свидетельствуют об оживленной торговле с разными странами. Здесь обнаружены великолепная фаянсовая посуда из центров Ирана (Рей, Кашан, Султанабад)²⁸, стекло из сирийских центров и др. Из восточных стран привозили драгоценные камни, золото, благовония и другие товары²⁹.

С конца XII в. наблюдается большой наплыв грузинских монет, особенно много найдено монет царя Тамары и Руслана, чеканенных в 1200 и 1227 гг³⁰. Развитию армяно-грузинских торговых отношений способствовала политическая обстановка, создавшаяся после освобождения армяно-грузинским войском части Армении, в том числе таких крупных городов, как Ани и Двин, от сельджуков.

В результате оживленной торговли, главным образом международной, в XII—XIII вв. в городах Армении выделяется прослойка богатых людей (*լիթունիք*), представителей торгового и ростовщического капитала. Об их огромных богатствах, крупных денежных операциях, купле и продаже больших земельных участков и недвижимого имущества, об их значительных дарах церкви мы узнаем из дарственных надписей, которые имеются в большом количестве на стенах архитектурных памятников Армении. До нас дошли и имена некоторых представителей торгового мира и финансовой аристократии того времени—Парона Уменка, Самадина, Тиграна Оненца и др.³¹

* * *

Основные правила и законы торговли в средневековой Армении нашли отражение в статье 240 раздела светских законов Судебника Мхитара Гоша³². Хотя свод был составлен в XII в., эта статья, как и многие другие, отражала традиционную организацию торговли, сложившуюся в Армении в течение веков.

Торговля в городах была монополией главы государства. Исполнителями на местах были князья, регулировавшие торговлю как в городах, так и в других пунктах, в обязанности которых входило установление мер и весов продаваемых товаров. Размер пошлин устанавливался государством и был единым для всех; взималась она только на месте торга и после продажи привезенного товара.

Как внутренняя, так и международная торговля требовала рынка. Одним из крупных торговых

мероприятий в средневековые были рынки-ярмарки, которые устраивались в заранее установленное время и в определенных местах. Ярмарки носили как местный, так и международный характер. Местные ярмарки, на которые собирались жители соседних городов и сел, устраивались часто: каждую неделю или месяц. Так, например, в закавказском городе Партаве большие ярмарки устраивались каждое воскресенье. Туда съезжались купцы со всего Закавказья, а также из Северного Ирана. Об этом арабский географ Истахри пишет: «...около ворот Бердаа (Партав), называемых «Воротами курдов», имеется рынок «ал-кюркий» от армянского *կիրքի*—воскресенье», величиною в фарах в квадрате. На него собирается народ каждое воскресенье, и стекаются сюда люди со всевозможных стран. Этот рынок значительнее рынка «Куль-сер»³³. Активное участие в воскресенных ярмарках в Партаве принимали купцы из Армении.

Международные ярмарки устраивались реже, но длились дольше—неделю и даже месяцы. Раз в году устраивались большие ярмарки в городе Трапезунде на берегу Черного моря, куда приезжали купцы из Византии, Европы, Ирана, Сирии, а также из Армении.

В больших городах, как правило, кроме главного, центрального, существовали и более мелкие, часто специализированные рынки, где торговали одним видом ремесленной или сельскохозяйственной продукции. На рынке для каждого вида товара имелось постоянное место продажи. Это были целые ряды или отдельные лавки. Из эпиграфического материала узнаем, что в городе Ани существовали ремесленные и торговые специализации рынков, улиц и кварталов (рынки для продажи скота, хлопка, улица кузнецов, квартал ковалей, ряды мануфактуристов).

В условиях средневековой политической раздробленности, частых войн и разбойничих набегов путешествия купцов в одиночку были не только трудными, но и опасными. Это обстоятельство привело к необходимости объединения купцов в большие организованные коллектизы, к комплектованию караванов со своим внутренним распорядком. Во главе каравана стояли должностные лица, как правило, из богатых купцов, при которых, в свою очередь, имелся определенный штат служащих (приказчики, писцы, нотариусы и др.). Каждый караван имел свой обычай и правила внутреннего распорядка. Существовали сборно-перевалочные пункты, где отряды из разных мест объединялись в большой караван. Купцы за специальную плату нанимали сопровождающих и охрану. Очень интересно, что организованные караваны независимо от национальной принадлежности и вероисповедания пользовались покровительством властей и даже при военном положении беспрепятственно продолжали свой путь. Неприосновенность торгового каравана, очевидно, была в то время наиболее целесообразной формой междуна-

родных экономических отношений. Даже самые воинственные правители, монгольские ханы, были в тесном контакте с представителями торгового капитала и покровительствовали им. Купеческие организации продолжали действовать и на местах назначения. Как правило, люди из одного города или одной национальности и вероисповедания селились вместе в определенной части города или поселка, за пределами городской стены. Там они устраивали общие подворья, складские помещения, занимали общую охрану.

Если торговля с каким-либо городом была систематической, то временные торговые фактории, где бы они ни были—за городом или в обособленном районе торговой части города—превращались в постоянные места жительства купцов. Вместо временных сооружений строились постоянное жилье, складские помещения. Для обеспечения торговцев и их караванов необходимыми удобствами вдоль дорог, как правило, на расстоянии дневного пути или на трудных перевалах строились каравансиры, постоянные дворы. Размеры и количество гостиниц для купцов были прямо пропорциональны роли и значению данного города как торгового центра. В них были созданы все условия для приезжих, имелись помещения для животных, склады для товаров и лавки для торговли.

В городе Ани было раскопано несколько таких объектов. Два из них, самых больших и богато оформленных, находились в центре деловой торговой части города, на базарной площади, недалеко от «Главной улицы» и центральных ворот.

На одном из участков городского квартала Двина частично раскопано общественное здание VII в., возможно, центрального рынка города. Помещение это занимало большое пространство и имело колоннаду в четыре ряда колонн, из которых открыто только 36³⁴.

* * *

Для уточнения ряда вопросов, связанных с внешними торговыми сношениями Армении, богатый материал предоставляет раскопки средневековых памятников, в особенности столиц Двина и Ани, где обнаружены художественная керамика и стекло. Здесь собрана большая коллекция уникальных образцов местных и импортных стеклянных предметов, представляющая значительную историческую ценность благодаря своей многочисленности и разнообразию форм и расширяющая наши представления о стеклоделии в Закавказье и на Переднем Востоке в IX—XIII вв³⁵. Она по праву считается одной из самых больших средневековых коллекций изделий из стекла, найденных при раскопках производственных центров Ближнего Востока.

Стеклоделие в Армении имеет очень глубокие корни. Ранние образцы стекла в виде пастовых бус найдены в погребениях II—I тыс. до н. э., а также в урартских памятниках³⁶. Высокого разви-

тия достигает стеклоделие в античный период³⁷. Следует отметить материалы последних раскопок из Артшата³⁸, среди которых имеется весьма интересная находка—гипсовая форма для отливки чаши с фасетками.

Средневековое стеклоделие продолжает лучшие традиции античного производства. Об этом свидетельствуют находки раннесредневекового стекла в Двине, Асаане, Айгеване, Гарни. Сведения о развитии стеклоделия в Армении сохранились в армянских и иноязычных письменных источниках. Впервые мы встречаем их у историка IV в. Агафангела в связи с описанием жизни св. Рипсиме³⁹.

Интересные упоминания о различных стеклянных сосудах и церковной утвари имеются у армянских историков⁴⁰. Товма Арцруни сообщает о метательных снарядах, представляющих собой суды, наполненные иофтью и серой, которые применялись во время военных действий⁴¹. В армянских рукописях XIV—XVI вв.⁴² сохранились весьма примечательные данные о технологии и рецептах изготовления стекла, которые, несомненно, переписаны из более ранних источников. Видимо, в Армении имелись богатые залежи сырья для изготовления стекла, на что и указывают источники⁴³. Очень ценные сведения о стеклоделии в Армении оставили византийские и арабские авторы. О производстве стекла в Басене пишет митрополит Трапезунда—Лазаропулос⁴⁴. Арабский историк Ибн-Хаукаль сообщает о производстве в Армении изделий из стекла и цветного хрусталия⁴⁵. При перечислении даров, посланных армянским царем Смбатом I арабскому наместнику, наряду с роскошной одеждой упоминаются кубки и сосуды из разноцветного стекла, украшенные золотом,—дело рук византийских мастеров⁴⁶.

Один из армянских историков сообщает, что царица Катраниде выписала из Индии дорогостоящую хрустальную люстру (10 000 дирхемов), которая наряду с серебряным крестом украшала Анийский кафедральный собор⁴⁷.

Одним из знаменитых центров стеклоделия был город Двин—крупный ремесленно-торговый, культурный и административный центр средневековой Армении⁴⁸. Изучение стеклянных изделий из раскопок Двина дает возможность не только ознакомиться с образцами местного производства, но и проследить пути его развития. В Двине, на месте разрушенного дворца V—VI вв. открыты остатки печей для выплавки стекла⁴⁹. Там же в большом количестве найден производственный брак стеклянных изделий: обломки лампад, оконного стекла и др. Химический анализ этих стекол показывает, что при их производстве широко употреблялся обсидиан, а также доломит, огромные запасы которых имеются неподалеку от Двина. По всей вероятности, в Двине в IX—XIII вв. действовало несолько мастерских, продукция которых отличалась своими характерными чертами, стилистическими и технологическими особенностями⁵⁰. Каждая мас-

терская пользовалась своим рецептом, что подтверждают химические анализы.

Для двинского стекла IX—XIII вв. характерно наличие большого количества алюминия.

Химический состав двинского стекла

Состав	№7*	№34*	По типу №1		По т. п. №3-13
			2416/8	2446/30	
S ₂ O ₃	69,80	65,58	65,25	65,01	68,90
Al ₂ O ₃	1,73	2,52	2,11	1,63	2,21
Fe ₂ O ₃	0,28	2,12	0,74	1,01	0,35
MnO	0,26	1,60	0,43	0,087	0,24
CaO	5,80	5,51	8,94	7,82	6,02
MgO	5,16	4,40	3,77	3,57	15,17
Na ₂ O	12,50	14,34	13,87	15,29	2,83
K ₂ O	3,73	2,68	2,87	3,12	3,64
Li ₂ O	0,46	0,44	0,32	0,41	0,46
CuO	H ₂ O	0,1	—	—	H ₂ O
SO ₃	0,40	0,37	0,67	—	0,47
TiO ₂	—	—	0,13	0,14	—

* По каталогу.

Видимо, это связано, в первую очередь, с местным сырьем. Сопоставление армянских и грузинских средневековых рецептов показывает, что для грузинского стекла⁵¹ характерно малое количество алюминия. Более того, химические анализы стекол двинских импортных изделий, проведенные выбороочно, указывают на разницу в рецептуре армянских и ближневосточных мастеров⁵². Однако некоторые исследователи считают, что двинские стеклодельни берут свое начало от средневосточного источника (Иран, Ирак); впоследствии оно развивалось на месте в различных направлениях⁵³.

Определение места производства стеклянных предметов, особенно при помощи химического анализа стекла, осложняется тем, что в средневековье существовала практика переселения ремесленников из одной страны в другую. Так, письменные источники рассказывают о переселении стеклодельцов из Сирии в Египет, Ирак (Самарру) и другие центры Ирана и Месопотамии. Эти ремесленники, разумеется, налаживали производство на новом месте в традициях своей страны. При этом стеклодельцы часто привозили с собой не только свое мастерство и инструменты, но и главные компоненты сырья⁵⁴. Это обстоятельство привело к тому, что изделия, найденные в разных странах, часто имеют близкий химический состав, и поэтому определение места их производства на основании химического состава встречает затруднения.

Мастера, умело используя местный материал и соблюдая старые традиции, создавали высококультурные изделия. Стеклянные сосуды — как хозяйственные, так и высокохудожественные изделия — прочно вошли в быт горожан. Однако несмотря на высокое качество изделий из стекла местного производства, жители Двина и Ани, особенно богатая прослойка, покупали работы прославленных мастерских Ирана, Сирии, Византии.

Двинская коллекция стеклянных изделий из

слоев V—VIII вв., содержащая большое количество первоклассных предметов, привезенных из этих стран, воспроизводит четкую картину торговых связей.

Древнейшие и лучшие образцы привозного стекла, найденные при раскопках, относятся к продукции иранских мастерских⁵⁵. Предметы эти малочисленны и в основном фрагментарны; они представлены различными формами, но имеют единую технику изготовления и декоровки. Это сосуды и чаши из толстого полупрозрачного стекла со шлифованными глубокими фасетками различной конфигурации (табл. I—II, XIV, 1—2). Подобные чаши изготавливались и в местных мастерских, но они отличаются от привозных по своей фактуре и технике.

В этой группе особо выделяется чаша, украшенная концентрическими кругами. Подобные чаши встречаются очень редко. В закавказских памятниках они найдены лишь в Двине⁵⁶ (три фрагмента) и крепости Ацараван⁵⁷ (один фрагмент). В ближневосточных стеклодельческих центрах, особенно в Сузах и Кише, эти чаши получили широкое распространение в V—VIII вв. По всей вероятности, двинские экземпляры происходят из этих производственных центров.

В группу ранних стеклянных изделий входит также флакон грушевидной формы с треугольными рельефными украшениями⁵⁸. Фактура стекла этого сосуда имеет сходство с фактурой стекла чаши с круглыми фасетками. Близкие параллели к этим сосудам нам не известны ни в закавказских, ни в ближневосточных центрах. Изредка сосуды с рельефными украшениями и флаконы подобной формы, датируемые IV—VI вв., встречаются в Сирии и Палестине.

Следующая группа привозных изделий — толстостенные стаканы цилиндрической формы (табл. IV, VI—XIII, XIV, 3—9, 11—12), распространенные в Передней Азии в IX—X вв. В специальной литературе они известны как продукция «аббасидских мастерских» Ирака (Багдада и Самарры), служившая предметом широкой торговли. Толстостенные цилиндрические стаканы с резным орнаментом встречаются на очень обширной территории: в Средней Азии (Афрасиаб, Кулдор-тепе, Карабулак); на Северном Кавказе и даже в Северной Европе, в частности в Бирке, археологически хорошо исследованном средневековом шведском торговом городе, раскопки которого выявили его широкие торговые связи с Востоком. Эти стаканы, как правило, входящие в один археологический комплекс с аббасидскими монетами, имели широкое распространение и хорошо известны по археологической литературе. Встречается несколько разновидностей таких стаканов; так, часть стаканов украшена круглыми фасетками, встречающимися и на сферических чашах, миндалевидными углублениями и ромбами сложной конструкции. Кроме ранее опубликованных образцов⁵⁹, за последние годы в центральном квартале Двина, где до конца IX в. находились кафедральный собор, дворец ка-

толикосы и дворцы богатых горожан, найдены первоклассные экземпляры таких стаканов из толстого бесцветного стекла, украшенные резными узорами. Особо выделяется образец, покрытый резным орнаментом, который по вертикали делит поверхность сосуда на четыре поля. В двух меньших полях помещены двулистные пальметки с отходящими в стороны завитками, рельефная часть которых окрашена в зеленый цвет (табл. IX, IXa), а в двух широких—спирали с трехлепестковой пальметкой в центре, лепестки которой были дополнительно гравированы. Уникальными можно считать три стакана из раскопок 1977 г. с орнаментом, выполненным с исключительным мастерством (табл. VII—VIII, X). На одном из фрагментов из высокачественного стекла, сносящемся к тулову, частично сохранилась куфическая надпись, которая условно читается как слово «ал-шараф»—«сохрани честь» (табл. XIII).

В двинской коллекции стекла имеется небольшая чаша также с арабской куфической надписью на борту. Она была вынута в форме, в результате чего надпись получилась крайне нечеткой. По стилистическим особенностям букв удалось установить время и место изготовления чаши: она относится к северомесопотамским изделиям IX в. (табл. XII).

Следующую группу стеклянных предметов из Двина составляют стаканы из сравнительно тонкого прозрачного стекла, расширяющиеся в верхней части (табл. XVI—XVII). Судя по более богатой декорировке, они относятся к дорогостоящим и редким изделиям. В коллекциях стекла, в основном Ирана и Ирака, они встречаются в единичных экземплярах. Подобные стаканы были обнаружены при раскопках Самарры, столицы Аббасидов.

Образцами международного торгового обмена уже давно считаются небольшие толстостенные фляконы с устойчивым дном и узким горлом, которые в значительном количестве находят при раскопках средневековых городов и замков (табл. XV). Они отливались в форме и дополнительно обрабатывались вручную в холодном состоянии. Эти фляконы были очень удобны для хранения и перевозки душистых масел и благовоний. Сравнение форм, деталей огранки, фактуры стекла этих сосудов с аналогичными изделиями из Сирии и Египта (Фустат) убеждает нас в том, что их следует считать привозными. Очевидно, именно об этих фляконах, предназначенных для «зелья и благовоний», упоминается в литературных источниках, сообщающих о специальной посуде, которой торгуют на рынках Сирии и Египта.

Коллекция двинского стекла обладает уникальной вазой с двумя щитовидными ручками, изготовленной из бесцветного толстого стекла и покрытой глубоким резным орнаментом (табл. V). Первоначально орнамент был нанесен при помощи формы, а затем дополнительно обработан резьбой

и шлифовкой. Аналогий к этим чашам единичны; нам известен лишь один экземпляр из зеленого стекла, хранящийся в Корнингском музее стекла (США) и определяемый как иранское изделие IX—X вв.

При раскопках городов IX—X вв. часто встречаются фляконы и их горловины, изготовленные из высококачественного стекла и обработанные сложной техникой гранения или огранки. В двинской коллекции имеется один целый флякон и несколько горловин (табл. XX—XXI). В большом количестве подобные фляконы обнаружены на довольно обширной территории Передней Азии и в городах: Самарре, Рее, Нишапуре, Афрасиабе. Особенно много их найдено в Хульбуке, торговом ремесленном городе в Средней Азии⁶. Это обстоятельство дает возможность исследователям предполагать, что место производства подобных фляконов могло находиться недалеко от этого города.

В собрании стеклянных предметов из центрального квартала Двина особо выделяется кувшин грушевидной формы из толстого кристаллического стекла (табл. XIX), по форме напоминающий металлические сосуды, пользующиеся особым спросом в предшествующую эпоху. Аналогичный флякон, почти совпадающий в деталях, найден в Нишапуре (Берлинский музей). Оба сосуда, несомненно, происходят из одной мастерской и по месту находки датируются IX в.

Указанные изделия, привезенные в Двину из различных городов Ближнего Востока, объединяются в одну группу по качеству стекла. Они были изготовлены из стекла особого состава, имеющего характерную структуру и имитирующего горный хрусталь. Неслучайно древние авторы часто терминологически путают горный хрусталь с «кристаллическим стеклом», называя то и другое «булур».

В центральном квартале Двина среди изделий, обнаруженных в слоях IX в. выделяется флякон из синего стекла сфероконической формы с узким горлом, покрытым серебряной патиной. На тулове сосуда был нанесен рисунок. Из-за фрагментарности сосуда восстановить рисунок полностью невозможно. Он выполнен коричневой краской. Сохранилась живописная фигура птицы, возможно орла, которая держит в когтях свою жертву, судя по сохранившейся нижней половине, зайца. Крылья и другие детали фигуры птицы украшены завитками и пальметками. Из арабских надписей, сделанных шрифтом куфи и помещенных между фигурами, удалось восстановить только несколько слов («фа алайни»—«и на нем», «ма массаун...ал м'а (?)»—«кто прилипнет...сто(?)», «йамассу'ун фиджунарини»—«прилипнет к бриллианту»)⁶. Очевидно, на этом сосуде, как и в других подобных случаях, полный текст содержал пожелания блага*. Аналогий к этому сосуду нами не обнаружено (табл. XXVIII, XXVIIIa).

* Надписи на всех сосудах прочтены доктором ист. наук А. Н. Тер-Гевондяном.

Неподалеку от этого участка центрального квартала среди других предметов IX в. в 1980 г. были обнаружены фрагменты трех тюльпанообразных стаканов с округлым дном.

На тулове одного экземпляра, на фоне растительного орнамента разноцветными красками было изображено фантастическое животное (табл. XXIII, 28); на борту желто-коричневой краской была сделана надпись, условно читаемая как «бисм иллах ал-рахман... /ва-х-даун»...—«во имя аллаха милостивого... единственный». На фрагменте второго небольшого стакана сохранились остатки растительного орнамента и пять букв надписи по верхнему борту—«ян'аму...»—«наслаждается»... (табл. XXIII, 29). Узор на тулове третьего стакана состоял из четырехлепестковых цветков; лепестки были выполнены зеленой краской и оконтузены коричневой (табл. XXIV, XXIVa). Можно разобрать отдельные слова надписи по борту, выполненной коричневой краской: «/а/над»—«один», «кайфа»—«как», «ирhamah»—«благословие», «куллу»—«все», «карifa»—«узнал». Аналогии к этим стаканам немногочисленны; схожий образец имеется в Гос. историческом музее в Москве, где он выставлен в витрине «Торговые связи Золотой Орды в XIII—XIV вв.» Место находки стакана неизвестно, а датировка, судя по нашим экземплярам, неверна. Более близкие аналогии можно встретить среди находок из Сирии и Египта, относящихся к VIII—IX вв. Стакан с подобной росписью, датируемый IX в. и предположительно происходящий из Египта, хранится в фондах Метрополитен-музея (США). Не исключено, что расписные стеклянные сосуды ввозились также из Самарры, где во время раскопок было обнаружено большое количество подобного стекла.

К рассматриваемой группе сосудов примыкает и глубокая чаша с отогнутым бортом, изготовленная из тонкого прозрачного стекла и также расписанная желтой, коричневой и зеленой краской. Узор на борту делится на четыре горизонтальные полосы. По верхней полосе проходит надпись, выполненная коричневой краской на желтом фоне («абкаhu аллаh нуva(?) амила»)—«сохрани аллах он сделал...», вторая полоса, самая широкая, содержит растительный орнамент, состоящий из четвердущихся трехствольных деревьев и небольших кустиков между ними. Третья полоса заполнена надписью, выполненной коричневой краской («нуva аллаh лисаибиин амамаиу»)—«он аллах своего господина впереди». Нижняя полоса, расположенная почти у дна, украшена ромбами и точками. На дне чаши помещены надписи («сталабан»—«попросив», «барака»—«благословение») и стилизованное изображение луны и солнца (табл. XXV, XXVa).

В двинской коллекции стекла имеется еще несколько обломков чащ из зеленого прозрачного стекла с росписью и надписями, выполненными коричневой краской (табл. XXVI, XXVII).

Техника росписи стекла эмалью, традиционная

для египетских мастерских, в Передней Азии входит в моду с IX в. и получает широкое распространение в XI—XIII вв. в византийских и сирийских мастерских. В этих мастерских еще с античного времени с египетской традицией росписи эмалью сочетали роспись золотом. По мере развития и усовершенствования этой техники в течение двух столетий появляются отдельные школы-мастерские с присущими им характерными чертами и особенностями художественного стиля. В отдельных случаях росписи на стеклянной посуде выполнены с высокой степенью мастерства. Отличительной чертой этих школ являются не столько форма сосудов и материал, сколько художественный стиль и техника росписи и декоровки. Некоторые мастерские специализировались только на росписи, а саму стеклянную посуду изготавливали в других мастерских. Поэтому лицо производства расписного сосуда определяет не форма, а стиль декоровки сосуда. Город Ракка (бывший Каллиникум) на берегу реки Евфрат, один из узловых пунктов переднеазиатской торговли, широко известный не только своими рынками, но и продукцией ремесленных мастерских, особенно из стекла, раньше других сирийских городов стал пользоваться способом расписывания прозрачных стекол эмалевой краской. В отличие от алеппских сосудов XII в., в дальнейшем—дамасских сосудов XIII в., в росписи которых стала преобладать пышность рисунка с использованием большого количества золота, сосуды в Ракке расписывали скромно и только эмалевыми красками, получавшими после обжига особый блеск.

Согласно армянским дорожникам, одной из оживленнейших артерий средневековья была торговая магистраль, которая вела из Двина в Иерусалим, к Средиземному морю и далее в Северную Африку и проходила через южные города Армении: Маназкерт, Хлат, Нпркерт у Амида—выходила к реке Тигр и шла в Алеппо, Дамаск и на юг. Этим путем везли дань в столицу халифов—Дамаск,шли военные и дипломатические отряды, паломники (мусульмане—в Мекку, христиане—в Иерусалим). По этим же путям постоянным потоком двигались торговые караваны. В международной торговле магистраль играла важную роль и сохраняла свое значение как при арабском халифате (VII—IX вв.), так и в последующие века (X—XIII вв.). Внутренняя жизнь городов, расположенных вдоль этих дорог, была довольно стабильной, так как на этой территории торговые связи независимо от политической ситуации оставались относительно постоянными. Эти города были многогодичными, благоустроенными, имели хорошие рынки.

В Двине и Анн найдены стеклянные предметы как из раккских (IX в.), так и алеппских (XII в.) и дамасских (XIII—XIV вв.) прославленных мастерских (табл. XLIV).

Весьма интересны находки византийских стеклянных предметов, которые не только способствуют выяснению вопросов, связанных с торговыми от-

ношениями, но и дают возможность изучить некоторые стороны развития византийского ремесленного производства и, в частности, стеклоделия.

В Двине найдены первоклассные образцы мозаичных чаш и фрагменты, имевшие распространение в IX—X вв. на Западе, в частности в Италии. Неглубокая чаша открытой формы изготовлена техникой «миллефиори» (черный стержень, белая окружность, черное окаймление, ячейки соединены между собой черными точками) (табл. XXIX, 37). Стекло глухое, толстое. Она была найдена вместе с византийскими монетами XI в. и синим фланком цилиндрической формы с резко очерченными плечиками, переходящими в невысокое широкое горло. Дно плоское. Сосуд расписан белой краской узором «птичьего пера» (табл. XXXIII).

Во время раскопок обнаружены также бусы, изготовленные аналогичной техникой, и множество фигурок конической и полусферической формы (табл. XLVI, 78), взвесив которые, мы пришли к предположению, что это—раннесредневековые византийские гири.

В центральном квартале города в слоях IX в. найден стакан из бесцветного прозрачного стекла с синими накладными нитями и волнистым узором (табл. XXXII).

В 1953 г. в одном из помещений цитадели города Двина были найдены фрагменты фланкона из тонкого стекла синего цвета, поверхность которого была покрыта росписью, нанесенной золотом и эмалью желтого, зеленого и красного цвета (табл. XXXV). Сосуд имел шаровидное тулово, узкое горло и кольцевой поддон. На тулове были расположены четыре медальона, состоящие из большого и малого кругов с изображением людей и зверей в центре. В одном медальоне, сохранившемся почти целиком, изображена фигура человека с поджатыми под себя ногами, одетого в свободное платье с длинными рукавами. В левой руке он держит скрипку, в правой—смычок. В центре второго медальона, сохранившегося хуже, изображена фигура льва с приподнятой правой передней лапой. В широком наружном поясе третьего медальона, от которого сохранился лишь небольшой обломок, вокруг центральной фигуры изображены шесть птиц, вписанных в кружки, заполненные растительным орнаментом. Поле между медальонами покрыто орнаментом, напоминающим виноградную лозу. Весь рисунок выполнен золотом. Этот сосуд является одним из немногих предметов высокохудожественной продукции византийских стеклоделов, дошедших до наших дней.

Не меньшее значение для науки имеют изображения на сосуде, особенно фигура человека, играющего на скрипке. Этот рисунок считается древнейшим изображением скрипки-фидели. Горизонтальное положение инструмента (играющий держит скрипку в левой руке, положив ее на плечо и опираясь на нее подбородком) характерно для Запада, тогда как на Востоке на смычковых музыкальных инструментах играли, держа их вертикально.

Специалисты считают, что смычковые инструменты на Западе были известны с IX в. Изображенный на нашем сосуде инструмент, во многом отличающийся от современной скрипки, только условно можно называть скрипкой: корпус ее шире, дека короче и имеет только три струны, однако следует обратить внимание на то, что в конце деки изображены четыре колки. Действительно, мы имеем очень редкое изображение прототипа современной скрипки-фидели. По техническим и стилистическим особенностям сосуд датируется XI в.

Раскопки Н. Я. Марра и его учеников в столице Армении—Ани показали, что центром торговой и ремесленной жизни города был «Новый город», выросший в течение небольшого времени за пределами оборонительных «шатовых» стен цитадели (постр. 963—964 гг.)⁶². Он имел свои торговые дома, рынки, гостиницы, которые, как и следовало ожидать, были расположены вдоль центральной артерии города—«Главной улицы» («Бун похօց»), тянущейся от главных ворот новых городских стен (т. н. «смбатовые стены» постр. 989 г.) до Вышгорода. Вдоль нее располагались и другие общественно-административные здания—церкви, мечети, бани.

Как правило, в средневековые в больших городах, какими являлись Двин и Ани, кроме главного центрального рынка, имелись более мелкие специализированные рынки. Так, например, согласно надписи 1198/99 гг. на центральном минарете мечети Кей-Султана-Шеддадида в Ани продажа хлопка, хлопчатобумажных изделий и шерсти разрешалась только на рынке, находившемся на площади у мечети Абул М' арамана⁶³. Интересен тот факт, что отец Кей-Султана, Абул-Сувар Шеддадид, эмир и богатый купец из Двина, в свое время (1072 г.) завоевал Ани не на поле битвы, как это делалось раньше, а купил город на наличные деньги у сельджуков.

Жители города Ани вели оживленную торговлю с Византией. В Государственном историческом музее Армении в Ереване хранится небольшая коллекция византийского стекла из раскопок Н. Я. Марра в Ани, состоящая из дорогостоящих предметов, которые были найдены или в дворцовом комплексе, или домах богатых горожан и храмах⁶⁴.

В коллекции имеется два целых предмета. Фланкон из прозрачного стекла марганцевого цвета с вытянутым туловом, небольшим круглым дном и высоким горлом был найден в 1907 г. в яме одной из парадных комнат дворца цитадели (табл. XLIII, 7). Второй сосуд представляет собой чашу-лампаду воронкообразной формы с небольшим дном, изготовленную из стекла молочного цвета и украшенную в средней части тремя вдавленными горизонтальными полосками и синими капельками (табл. XLII). Такие чаши, служившие лампалами, вставлялись в специальные оправы и подвешивались к люстрам. Среди фрагментов имеются два куска полусферических чаш, украшенных золотом и эмалью, одна из которых, сделанная из синего

стекла, хорошо реконструируется. Такие чаши также служили лампадками.

Два других фрагмента представляют собой обломки полусферических чащ, украшенных золотом и эмалью. Чаша из синего стекла реконструируется по небольшому фрагменту края, в верхней части украшенного золотой полоской и волнистой линией с подковками в изгиба. Согласно описанию в каталоге Анийского музея⁶⁵, к этой чаше относились еще два фрагмента, на одном из которых имелось изображение плывущего лебедя. Эти фрагменты, также найденные в дворцовом комплексе, не сохранились.

Вторая чаша, найденная в храме Гагика, была изготовлена из марганцевого стекла. Тулово ее украшали золотые трехлепестковые кресты «византийского типа», между которыми были помещены небольшие кресты, выполненные эмалью (табл. XLIII, 5, 6).

На двух фрагментах синего стеклянного фла-кона также сохранились остатки росписи, от которой уцелели лишь два эмалевых трилистника и следы золотой лилии. Заслуживает внимания и обломок цилиндрического стакана из бесцветного стекла с круглой шлифованной фасеткой и остатками росписи золотом и эмалью. Кроме того, имеется фрагмент браслета из синего стекла, украшенного контурным изображением летящей птицы, выполненным желтой эмалью. Этот фрагмент найден при раскопках главной улицы города у мечети Мануче (табл. XLIII, 1—4).

Выделенную нами группу стеклянных изделий XI в., найденных при раскопках двух городов—Двина и Ани, объединяют признаки, характерные для византийских стеклоделательных мастерских: фактура стекла, мотивы, стиль и техника росписи эмалью и золотом.

Несмотря на многочисленные высказывания в письменных источниках о высоком уровне византийского стеклоделия, до последнего времени были известны лишь отдельные экземпляры стеклянных изделий, несомненно, изготовленные в мастерских обширной Византийской империи. Мастерские, где произошли стеклянные сосуды с росписью золотом и эмалью, были открыты сравнительно недавно; наиболее крупная из них была исследована Г. Р. Давидсоном в 30-х гг. нашего века в Коринфе.

За последние два десятилетия стеклянные византийские изделия были обнаружены при раскопках в Старой Ладоге, Новгороде, Турове, Херсонесе. Особенно интересная коллекция разнообразных высокохудожественных стеклянных византийских сосудов найдена в Новогрудке⁶⁶. Английский археолог А. Мегав при раскопках греческой крепости Пафос на Кипре обнаружил стеклянные изделия византийских мастеров, весьма близкие по формам и рисункам к новогрудским. Все они датируются XI в. Таким образом, археологическая наука сразу стала располагать целым набором хорошо документированных стеклянных византийских предметов, о которых ранее судили лишь по

одной знаменитой вазе из Константинополя, хранящейся в соборе св. Марка в Венеции, да по нескольким фрагментам из Фустата (Египет), которые подтверждают обстоятельное и точное описание техники изготовления цветных стеклянных сосудов с росписью золотом и эмалью в трактате монаха Теофила, жившего в XI в.⁶⁷

Ныне, располагая уже сравнительно большим количеством предметов из стекла этого типа, мы имеем возможность более подробно говорить о художественных и технических особенностях этих предметов, более точно характеризовать стиль, а в некоторых случаях появляется возможность говорить и о локальных особенностях отдельных групп или установить наличие разных школ и мастерских византийских стеклоделов.

Так, обе восстановленные по фрагментам полу-сферические чаши из Ани имеют свою близкую аналогию с чашами, найденными в Старой Ладоге, Новогрудке и на Кипре. Двинский фла-кон с изображением скрипача имеет много общего с изделиями из Коринфа. Сосуды из Новогрудки и Кипра, возможно, были изготовлены в одной мастерской⁶⁸.

Как находки византийских монет часто дают возможность определять торговые пути, так и находки стеклянных изделий византийского производства могут быть показателями ареала распространения имперской торговли.

На основании изучения большой коллекции стеклянных браслетов из раскопок столицы Хазарского государства Саркела (Северный Кавказ) были сделаны весьма интересные наблюдения о торговых связях этого города. В X—XI вв. браслеты из черного стекла привозили в Саркел из городов Закавказья, в частности из Двина, тогда как расписные и мозаичные браслеты доставлялись из византийских мастерских Херсонеса и Коринфа.

В средневековых дорожниках отмечены еще две дороги, ведущие на север к ближайшему соседу, в Грузию, с которой Армения имела довольно оживленные торговые связи. Одна из Двина через Бджни по ущелью реки Ахтев-Хунан вела в Тифлис, другая шла из Ани через Лори и Дмансис. Необходимо отметить, что в IX—XIII вв. стеклоделие было в Грузии одним из распространенных и развитых ремесел. Раскопками выявлены многочисленные стекольные мастерские, высококачественная продукция которых не только реализовывалась у себя дома, но была и предметом вывоза.

Среди стеклянных предметов из раскопок Двина имеется прекрасный кубок на высокой ножке из бесцветного стекла, украшенный накладными нитями и налепами марганцево-красного и желтого цвета (табл. XL). Как известно, подобные кубки производились в городе Рустави⁶⁹.

Очень интересны два фрагмента донышек сосудов с рисунками, составленными из разноцветных эмалей и покрытыми сверху толстым слоем прозрачного стекла, ближайшие аналогии к которым мы находим среди материала стекольной мас-

терской грузинского города Орбети (табл. XXVII, 16, 17).

В конце XII и начале XIII вв. в связи с оживлением торговли с северным соседом наблюдается большой приток в Армению грузинских монет. Наиболее часто встречаются медные монеты времен царя Тамары и Русудан.

В 30-х годах XIII в. тяжелый удар Армении нанесли монгольские завоевания. В последующие века Армения стала ареной беспрерывных войн и набегов, вследствие чего страна пережила глубокий политический и экономический упадок: разорялись и опустошались цветущие города и ценные облас-ти⁷⁰. Начинается массовое переселение городских жителей-ремесленников и купеческого сословия.

В создавшейся новой политической обстановке в Средней и Передней Азии (Монгольское ханство, Золотая орда) в международной торговле стали играть важную роль северные торговые пути, которые шли из Туркмении в Хорезм, через золотоордынские города к Балтийскому морю. Это перемещение тоже пагубно отразилось на жизни армянских городов. Торговля в основном была сосредоточена в армянских колониях, которые образовались в Дербенде, Трапезунде, в Крыму, на Северном Кавказе, Львове, Киеве и других местах по путям торговых дорог⁷¹.

Подводя итоги нашего исследования можно отметить, что работа, кроме цели публикации очень

ценного и важного материала импортного стекла, найденного в Двине и Ани, ставила перед собой задачу на основании комплексного изучения археологических письменных источников показать схему торговых отношений Армении VI—XIII вв.

В работе использован археологический материал из двух средневековых городов Армении—Двина и Ани. При работе над коллекциями древностей из раскопок этих городов для данной работы основное внимание было направлено на выявление привозных стеклянных предметов с возможным определением места их происхождения.

Наиболее плодотворные результаты в этом отношении дает анализ монетных находок, стеклянных изделий и художественной поливной керамики. К сожалению, металлические предметы при раскопках этих городов были найдены в небольшом количестве.

Для уточнения и дополнения основных выводов археологического материала были использованы дошедшие до нас письменные источники, армянских, арабских и византийских авторов, а также армянский эпиграфический материал.

Таким образом, при сопоставлении всех источников, касающихся средневековой Армении, вырисовывается картина широкой и интенсивной торговли, которую в VI—XIII вв. вели города Армении, крупные центры ремесла и торговли.

ПРИМЕЧАНИЯ

- Կանանդյան Հայրաց, Ա, Երևան, 1964, էջ 490; Բ, Երևան, 1971, էջ 150, 264, 265.
 - յ. Ա. Մանանդյան, О торговле и городах Армении в связи с мировой торговлей древнейших времен, Ереван, 1954, с. 108.
 3. Там же, с. 143—153. Հայ ժողովրդի պատմություն, հ. II, Երևան, 1984, էջ 150—151.
 4. Прокопий Кесарийский, История войн римлян с персами, СПб., 1880, кн. II, с. 181—182.
 5. Երակացու մատենագրությունը, Երևան, 1944, էջ 855.
 6. Ի. Ա. Օրբելի, Вопросы и решения варданата Анания Ширакаци, армянского математика VII в., Избранные труды, Ереван, 1963, с. 514.
 7. Գիրք Քիլիմ, Քիլիմ, 1901, էջ 70, 72; Եր. Տեր-Մինասյան, Անտառականությունը Հայաստանում 5—6-րդ դարերում, Գրական-բանագրական հնագույնություններ, գիրք 1, Երևան, 1946, էջ 214—215.
 8. Ի. Պուղուևская, Сирийские источники по истории народов СССР, М.—Л., 1941, с. 5.
 9. Ա. Ա. Կալանդրյան, Раннесредневековые буллы Давида, Ереван, 1982, с. 29—30.
 10. Там же, с. 20—31.
 11. Պատմութիւն Սևրոսի, աշխատափրությամբ Գ. Արքարյանի, Երևան, 1979, էջ 166.
 12. Խ. Ա. Մշեցյան, Денежное обращение Давида, Ереван, 1962, с. 122—138.
 13. Ռ. Հ. Վաղարշյան, Ա. Ա. Քալարեքարյան, Կաղ բուզանդական դրամականին միավորների նույնընթաց Նվիրին պեղսամերդը, Զեկուցումների թիվներուն Հայկ, ՍՍՀ 1981—1982 թթ. պաշտամին հնագույնան հայաստանությունը արդյունքներին նվիրված գիտական նաև արշավանդներ, Երևան, 1983, էջ 38—39.
 14. յ. Ա. Մանանդյան, Ուկաց. соч., с. 194; Ա. Ի. Տեր-Գևոնդյան, Армения и арабский халифат, Ереван, 1977, с. 203.
 15. Ա. Ի. Տեր-Գևոնդյան, Ուկաց. соч., с. 203.
 16. յ. Ա. Մանանդյան, Ուկաց. соч., с. 199.
 17. Ա. Ի. Տեր-Գևոնդյան, Ուկաց. соч., с. 208—209.
 18. Խ. Ա. Մշեցյան, Ուկաց. соч., с. 50, 156—166.
 19. Там же, с. 48—49.
 20. յ. Ա. Մանանդյան, Ուկաց. соч., с. 200—212; Բ. Ն. Առաքելյան, Քաղաքաբեր և արհեստները Հայաստանում IX—XIII դդ., հ. I, Երևան, 1958, հ. 2, 1984;
 21. Հ. Ա. Սահանյան, Հին Հայաստանի վկանքը ճանապարհությունը, Երևան, 1986; յ. Ա. Մանանդյան, Ուկաց. соч., с. 200—259.
 22. Բ. Ն. Առաքելյան, նշվ. աշխ., հ. 2, էջ 32—34.
 23. Ցավէննեն կաթողիկոսի Պահապանակերտեցույթ Պատմութիւնը Հայոց, Թիֆլիս, 1912, էջ 158—160.
 24. յ. Ա. Մանանդյան, Ուկաց. соч., с. 204.
 25. Բ. Ն. Առաքելյան, նշվ. աշխ., էջ 126—138.
 26. յ. Ա. Մանանդյան, Ուկաց. соч., с. 262—264; Բ. Ն. Առաքելյան, նշվ. աշխ., էջ 40.
 27. Ի. Ա. Օրբելի, Կիլикийская серебряная чаша конца XII века, Избранные труды, с. 323—330; Ե. Պ. Լավրյան, Միջազգային Հայաստանի գեղարվանական մետաղ IX—XIII դդ., Երևան, 1981, էջ 16—19;
 28. Ա. Ա. Ֆավազյան, Միջազգային Հայաստանի հարմապակին IX—XIV դդ., Երևան, 1981;
 29. Более подробно см.: Բ. Ն. Առաքելյան, նշվ. աշխ., էջ 42—46.
 30. Խ. Ա. Մշեցյան, Ուկաց. соч., с. 53.
 31. Ի. յ. Մարր, Ани. Книжная история города и раскопки на месте городища, Л., 1934, с. 103; Բ. Ն. Առաքելյան, նշվ. աշխ., էջ 121—137.
 32. Միքայել Գոշ, Գիրք Դատաստանի, Երևան, 1975, էջ 148, 410—411.
 33. ԾՄՕՄՓԿ, թ. XXXIX, 1901, с. 8—9; Բ. Ն. Առաքելյան, նշվ. աշխ., էջ 29.
 34. Կացար Ղափարյան, Դիմի քաղաքը և նրա պեղսամերդը, հ. II, Երևան, 1982, էջ 106—108.
 35. Հ. Ա. Զանինովյան, Դիմի միջազգային պատկին IX—XIII դդ., Երևան, 1974, էջ 25.
 36. Բ. Մ. Ջանոլուձյան, Օ трех образцах стекла из Кармир-Блуря, СА, 1964, №1, с. 307—312.
 37. Բ. Ն. Առաքելյան, Ա. Ս. Տիրացյան, Ժ. Դ. Խաչատրյան, Արտաշատակին պատկին, Երևան, 1969; Ժ. Դ. Խաչատրյան, Արտաշատակին պատկին, Երևան, 1981, էջ 155, 168.
 38. Բ. Ի. Արաքելյան, Արտաշատ, Ի, Ереван, 1982, с. 48—50;
 39. Ժ. Դ. Խաչատրյան, Արտաշատ, ԻI, Երևան, 1981, էջ 155—169;
 40. Սովորսի Կաղաքակառացույթ Պատմութիւն Աղոստանից աշխարհի, Թիֆլիս, 1912, էջ 49, 65, 88; Դրասանաներացի, էջ 285 և ուրիշներ;
 41. Պատմութիւն Բավարյանի Արծրունություն, Կ. Պոլիս, 1852, էջ 147;
 42. Կ. Ղափարյան, Արթիմին պատմական Հայաստանում, Երևան, 1940.
 43. Միքայել Գոշ, էջ 47; Սատրի Շնօնեալի, Մէկնութիւն Խօսնաց թիվուղիկեալց, Կ. Պոլիս, 1826, էջ 190; Կ. Ղափարյան, նշվ. աշխ., էջ 125.
 44. Հ. Ա. Բարբեկյան, Հայ-բյուզանդական նոթեր, ՀՍՍՀ ԳԱ «Ենթագիր», 1960, մ. 7—8, էջ 133; անհ. Խան Պալածուլու Կերամևս, Сборник источников по истории Трапезундской империи, СПб., 1897, с. 107—108.
 45. ԾՄՕՄՓԿ, вып. XXXVIII, Թիֆլис, 1908, с. 99.
 46. Դասախանքակերպից, էջ 198.
 47. Սատրին Ուսենյացի, Ժամանակագրութիւն, Վաղարշապատ, 1898, էջ 149.
 48. Բ. Ն. Առաքելյան, Քաղաքները և արհեստները Հայաստանում IX—XIII դդ., հ. 1, էջ 256—264; Հ. Ա. Զանինովյան, Դիմի միջազգային պատկին և սրբիներ;
 49. Կ. Ա. Կոստանյան, Ա. Ա. Կալանդրյան, Следы стекольного производства в раннесредневековом Давите, ИФЖ, 1977, №4, с. 166—174.
 50. Հարփում Զանինովյան, Դիմի արհեստագործության շուրջ (IX—XIV դդ.), «Ուսաներ» հասարակական գիտություններից, 1982, մ. 3, էջ 67.
 51. Մ. Ի. Հշագրաւանի, Стеклянная посуда средневековой Грузии, Тбилиси, 1978, с. 76—81.

52. С. І. Lamm, Das Glas von Samarra, Berlin 1928, p. 129—130.
53. Հ. Ա. Ջանովարյան, Դպիք միջնադարյան ապակին, էջ 11, 20.
54. Ю. Л. Шапова, Древнерусские стеклодельные изделия, ВВ, XIX, 1961, с. 60—75.
55. Публикации и литература в основном приведены в каталоге настоящего издания.
56. Արամ Քալաբրացյան, Ապակեգործությունը Հայաստանում V—VIII դդ., «Երարք Հասարակական գիտությունների», 1980, № 7, էջ 89—90.
57. Գ. Ա. Տրցուան, Հացական ամրացի 1963 և 1965 թթ. պեղամ-ների լուսաբերությունը, ՊԶ, 1968, № 1, էջ 290.
58. Արամ Քալաբրացյան, նով. աշխատանք, էջ 92.
59. Р. М. Джанполадян, Резное стекло из Двина, СА, 1968, № 1, с. 268—274; Հ. Ա. Ջանովարյան, Դպիք միջնադարյան ապակին, էջ 13, ԱՀ 39—41.
60. Э. Гулямова, Стекло с городища Хульбук, Изв. общ. наук АН ТаджССР, 1961, вып. I.
61. Все надписи на сосудах были расшифрованы доктором ист. наук А. Н. Тер-Гевондяном.
62. Н. Я. Марр, Ани. Книжная история города и раскопки на месте городища.
63. Л. Т. Гюзальян, Персидская надпись Кей-Султана Шедадида в Ани, Сборник АН СССР, посвященный акад. Н. Я. Марру, М.—Л., 1935, с. 633; Բ. Ե. Անդրեյսի, Թաղավորը և արհեստները Հայաստանում IX—XIII դդ., հ. 2, էջ 19.
64. Р. М. Джанполадян, Византийское стекло из раскопок Ани, КСИА, № 150, М., 1977, с. 85—88.
65. Каталог Анннского музея древностей, вып. 1, Сост. И. Орбели, СПб., 1910, с. 81.
66. Ф. Д. Гуревич, Р. М. Джанполадян, М. В. Малевская, Восточное стекло в Древней Руси, Л., 1968.
67. Манускрипт Теофила «Записка о разных искусствах», Сообщения ВЦНИЛКР, 7, М., 1963.
68. Р. М. Джанполадян, Новые материалы по истории византийского стеклоделия, ВВ, XXVII, М., 1967, с. 248—257.
69. М. Н. Чхатаравили, Указ. соч., табл. VII—VIII.
70. Բ. Ե. Անդրեյսի, նով. աշխատանք, էջ 265—290.
71. Р. М. Джанполадян, О двух тканях из Ани и Болгар, КСИА, 1972, вып. 132, с. 46—52.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

1. ВВ—Византийский временник.
2. ВЦНИЛКР—Всесоюзная центральная научно-исследовательская лаборатория по консервации и реставрации музейных художественных ценностей.
3. ИФЖ—Историко-филологический журнал АН АрмССР.
4. КСИА—Краткие сообщения Института археологии.
5. СА—Советская археология.
6. СМОМПК—Сборник материалов по описанию местностей и племен Кавказа.
7. ՊՃՀ—Պատմա-բանափական հանդես:

КАТАЛОГ

1. Чаша полусферическая на кольцевом поддоне украшена сложным орнаментом, состоящим из двух рядов вставленных друг в друга концентрических кругов, соединенных между собой круглыми и овальными фасетками. Стекло толстое (4 мм); в.* 9 см, д. в. 10 см, д. д. 4 см, Двин, цитадель, инв. № 2305/24, VI—VII вв. Чаша эта встречается очень редко и известны нам лишь из Двина (два фрагмента в коллекциях 1966 и 1975 гг.) и крепости Азаван. Публикация: Средневековое стекло, с. 32, № 2; Вестник, 1980, № 7, с. 89—90, табл. II, 1. Аналогия: Иран, Ирак. Литература: ИФЖ, 1968, № 1, с. 290; *Dieulafoy*, pp. 420, 421, 432, fig. 290; Gläser, taf. 52₁₂; Syria, 1931, pp. 360—361, pl. LXXX, 4; Glass, IX, 16; XI, 18; *Fukai*, pp. 306—312, fig. 12, 13.

Табл. I

2. Фрагмент полусферической чаши без поддона. На стенке—примыкающие друг к другу фасетки: в верхней части—глубокие, шестиугольные, в нижней—круглые, одна большая круглая—на дне. Стекло бесцветное, глухое, толстое (4 мм). Двин, цитадель, инв. № 2305/115, V—VII вв. В цитадели Двина найдены в большом количестве фрагменты чаши с фасетками. Подобные фрагменты известны и из ранних слоев центрального квартала города.

Табл. II, XIV, 1—2

a. реконструкция формы.

Табл. II, 2

Публикация: Средневековое стекло, с. 31—32, № 1, 1а; Вестник, 1980, № 7, с. 87—89, табл. I; CA, 1968, № 1, с. 269—270.

Аналогия: Иран, Вавилон, Азаван, Урбниси, Рустави, Судигилан, Шемаха, Кабала (V—VIII вв.).

Литература: Gläser, taf. 54; Pinder-Wilson, XXVII, № 1—2; Fukai, fig. 4; Ghirshman, p. 239, fig. 292; Iraq, vol. I, part 2, 1934, pp. 131—132, fig. 4—6, 9; ИФЖ, 1968, № 1, с. 287—289.

3. Сосуд сфероконический с треугольными выпуклостями на корпусе, на кольцевом поддоне, устье узкое, горловина разбита. Выдут в форме. Стекло бесцветное, чуть желтоватое тол-

* Здесь и далее в Каталоге приняты следующие сокращения: в.—высота; д. в.—диаметр венчика; д. д.—диаметр дна; д. т.—диаметр туловища; МАБ—музей археологической базы.

тое, покрыто серебристой патиной; в. 9 см Двин, цитадель, инв. № 2575/17, VI—VII вв. Публикация: Вестник, 1980, № 7, с. 92, табл. 1, 8; Сфероконические сосуды, № 60. Аналогия: Иран, Сирия.

Литература: Gläser, s. 73, taf. 20, 8—23; JNES, XIV, № 3, 1965, tabl. 45, B.

Табл. III, 1, 2

4. Стакан цилиндрический с плоским дном, сошлифованными фасетками на корпусе. Стекло толстое, прозрачное иризирующее; в. 9 см, д. д. № 123—82 г., IX в.

Аналогия: Предполагается Иран—Ирак.

Табл. IV, 2

- a. Такой же стакан, стенки украшены полигональными шлифованными фасетками. Стекло толстое (бесцветное) (4 мм); в. 7,5 см, д. в. 8 см. Двин, центральный квартал, инв. № 2046/162, IX в.

Табл. XIV, 3

5. Фрагмент чаши, большой, открытой, с сегментными стенками и щитовидными ручками. Стенки, ручки украшены растительным орнаментом. Стекло бесцветное, глухое, толстое (5—6 мм), иризирующее. Чаша была изготовлена в форме. Орнамент дополнительно обработан резьбой; в. 10 см, д. в. 21 см. Двин, цитадель, инв. № 2048/397, IX—X вв.

a. реконструкция формы.

Табл. V, 1

Табл. V, 2

Публикация: CA, 1968, № 1, с. 233; Средневековое стекло, с. 34, № 8.

Аналогия: форма редкая, один экземпляр подобной чаши без ручек имеется в Корнигском музее стекла (США), куплена в Иране, датируется IX—X вв. Другая чаша с одной ручкой без орнамента хранится в Берлинском музее. Место находки неизвестно (предположительно—Сирия или Египет, XII в.).

Литература: Smith, 532; Glass, VI, 19; Oliver, fig. 30.

6. Стакан цилиндрический, большой. Украшен резным орнаментом, состоящим из вписанных друг в друга ромбиков, кружков и завитков. Стекло бесцветное, толстое (4 мм); в. 9 см, д.

в. 8,5 см. Двин, центральный квартал, инв. № 1913/183, IX в.

Табл. VI, 1—3

В коллекции имеется несколько фрагментов подобных стаканов (коллекция 1965 г.).

Табл. XIV, 4, 5, 6

Публикация: СА, 1968, № 1, с. 270—271; Средневековое стекло, № 40.

Аналогия: Иран (Нишапур IX—X вв.), Восточный Туркестан IX в., Самарра IX в., Бирка (Швеция, иранского происхождения, IX в.), Средняя Азия X—XI вв.

Литература: Gläser taf. 59; Samarra, № 185—187; Oriental Glas, tabl. III; Pinder-Wilson, 18; Birka, 1a, b.

7. Стакан цилиндрический с плоским дном. На тулове—резной орнамент в виде стилизованных птиц с овальными разделителями. Стекло толстое, прозрачное; в. 6 см, д. в. 6 см. Двин, центральный квартал, обнаружен в 1977 г., инв. № 134—1981 г., IX в.

а. реконструкция формы.

Публикация: ИФЖ, 1979, № 2, с. 269.

Табл. VII, 1—3

8. Стакан цилиндрический с плоским дном. На тулове—резной орнамент в виде растительных побегов с парными пиками на стыке. Стекло толстое, прозрачное; в. 6 см, д. в. 6 см. Двин, центральный квартал, обнаружен в 1977 г., инв. № 135—1981 г., IX в.

Публикация: ИФЖ, 1979, № 2, с. 268—269.

Табл. VIII

9. Стакан цилиндрический с плоским дном (фрагментарен). Корпус рельефно украшен резным орнаментом. Вертикальные парные линии делят поверхность стакана на четыре неравных поля, в которых помещены два чередующихся орнаментальных мотива. В двух меньших отсеках изображены двулистные пальметки с боковыми сложными завитками. Стекло толстое, бесцветное; в рельефной части узора стекло окрашено в зеленый цвет; в. 8 см, д. в. 8 см. Двин, центральный квартал, инв. № 2660/86, IX в.

Публикация: АО, 1975 г., с. 508—509; Вестник, 1978, № 2, с. 99—106.

Табл. IX, IXa

10. Стакан цилиндрический с плоским дном. На корпусе—резной орнамент дважды повторяющийся: геометрические пальметки на зеленом фоне с двумя резными ромбиками между ними. Стекло толстое, бесцветное с зелеными накладками под орнаментом; в. 9,5 см, д. в. 9,5 см. Двин, центральный квартал, МАБ, № VI—11, IX в.

Публикация: ИФЖ, 1979, № 2, с. 267—268.

Табл. X, Xa

11. Стакан цилиндрический на кольцевой ножке, корпус украшен узором, состоящим из горизонтальных и вертикальных линий и фестонов. Орнамент формован, дополнительно обработан холодным способом. Стекло толстое, полупрозрачное, покрыто патиной; в. 7 см, д. в. 7 см. Двин, центральный квартал, инв. № 1617/70, IX в.

Публикация: Средневековое стекло, с. 61, № 41.

Табл. XI

12. Чаша полусферическая с отогнутым устьем на круглом поддоне. На борту, ниже рельефного узкого пояса—орнамент, имитирующий куфическую надпись. Чаша вынута в форме. Стекло бесцветное, полупрозрачное, призирующее; в. 7 см, д. в. 12 см. Двин, цитадель, инв. № 2158/255, IX в.

Публикация: Средневековое стекло, с. 57, № 7

Аналогия: Иран—Нишапур.

Литература: Glass, X. 21.

Табл. XII

13. Фрагмент стакана цилиндрической формы с плоским дном. Стекло толстое, прозрачное, покрыто серебристой патиной. На тулове—резная, куфическая надпись («ал шараф»—«сохраня честь»); в. 9 см, д. в. 9 см. Двин, центральный квартал, МАБ, инв. № VI—4, IX в.

а. реконструкция формы.

Публикация: ИФЖ, 1979, № 2, с. 266, табл. 1, 5.

Табл. XIII

14. Фрагменты такого же стакана. Дно плоское, стекло украшены резным орнаментом в виде кружочков. Стекло толстое, бесцветное. Двин, центральный квартал, инв. № 1543/567, IX в.

Табл. XIV, 6

—Фрагменты такого же стакана. Двин, центральный квартал, инв. № 1617/126, IX в.

Табл. XIV, 11

—Фрагменты толстостенного, широкогорлого флякона с резным орнаментом в виде кружочков. Стекло бесцветное. Двин, центральный квартал, инв. № 1543/741, IX в.

Табл. XIV, 10

15. Стакан цилиндрический с плоским дном. Стены украшены орнаментом в виде арок. Стекло бесцветное, покрыто бурой патиной; в. 7,5 см, д. в. 7,5 см. Двин, цитадель, инв. № 1917/294, IX в.

Публикация: Средневековое стекло, с. 61, № 37.

Табл. XIV, 7

16. Стакан цилиндрический, дно плоское, венчик—косым срезом, стекло украшены двумя рядами миндалевидными накладками, внутри которых помещена шлифо-

ванная фасетка. Стекло бесцветное, толстое (4 мм); в. 9,5 см, д. в. 9 см. Двин, центральный квартал, инв. № 1917/293, IX в.
Публикация: Средневековое стекло, с. 60, № 36.

Табл. XIV, 9

17. Фрагмент стакана цилиндрической формы с резным орнаментом. Стекло толстое, прозрачное, патинированное. Двин, центральный квартал, инв. № 122—1982 г., IX в.

Табл. XIV, 12

18. Флаконы четырехгранные на четырех ножках с отбитым горлом. Формованно-выточенные, Стекло прозрачное, покрыто патиной; в. 4,5—5,5 см. Двин, цитадель, инв. № 1913/24, 1980/164, VIII—X вв.

Публикации: Шелковников, с. 22, СА, 1968, № 1, с. 271; Материальная культура, с. 50; Вестник, 1980, № 7, с. 92; Средневековое стекло, № 72, 73. Аналогия: Иран, Ирак, Египет, Закавказье, Средняя Азия.

Литература: Iran, pl. 36; Samarra, s. 60. № 217—218, Taf. VII; Glaser, pl. 59, 61; Smith, 592; Honey, p. 41; "Orientalia", vol. 33, fasc. 2—3, p. 342, pl. XXIV, fig. 6.

Табл. XV

19. Стакан с расширяющимися кверху стенками. Орнамент на корпусе сложный, резной. Стекло прозрачное, бесцветное; в. 13 см, д. в. 7 см. Двин, цитадель, IX—X вв.

Табл. XVI

20. Стакан с расширяющимися кверху стенками. Орнамент на корпусе—резной, сложного рисунка. Стекло тонкое, прозрачное, бесцветное; Двин, цитадель, IX—X вв. Хранится в МАБ.

Табл. XVII

21. Стакан с расширяющимися кверху стенками, дно плоское, орнамент на корпусе резной: два ряда сложных ромбов, соединенных кружочками. Стекло бесцветное, прозрачное; в. 15,5 см, д. в. 7,5 см. Двин, цитадель, инв. № 1913/26, IX—X вв.

Табл. XVIII, 1, 3

а. Такой же стакан меньшего размера. В коллекции имеются фрагменты подобных стаканов с резным орнаментом. По фрагментам можно определить форму стакана, но не всегда—размеры и рисунок орнамента. Инв. № 2048/19.

Табл. XVIII, 2

Публикация: СА, 1968, № 1, с. 271; Средневековое стекло, № 42—44. Аналогия: Египет, Мункет-Абу (VIII в.), Самарра, Рей (IX в.).

Литература: Glaser, Taf. 55—56; Samarra, № 176, 177; Iran, pl. 38; Glass, XXIII, p. 92, № 7, Oliver, p. 18—20, fig. 19, 21.

22. Кувшин грушевидный на высоком кольцевом поддоне с узкой небольшой горловиной, с клювообразным сливом. Ручка массивная (с серединой туловища до венчика). Форма сосуда напоминает металлическую посуду. Стенки украшены орнаментом, выполненным техникой глубокой резки. Рисунок сложный, занимает 2/3 поверхности сосуда. Стекло бесцветное, полу-прозрачное, толстое (4 мм), хорошей сохранности; в. 15,5 см, д. д. 6,5 см. Двин, цитадель, инв. № 2158/261, IX в. Известен еще один обломок подобного кувшина, найденного в центральном квартале; инв. № 1543/562.

Публикация: СА, 1968, № 1, с. 271, Средневековое стекло, с. 33, № 98.

Аналогия: Нишапур, Сирия, Ирак.

Литература: Glaser, Taf. 56.; Glass, V, p. 146, № 18, 24.

Табл. XIX

23. Флакон с конусообразной горловиной, с большим расширяющимся кверху резервуаром, плечики крутые, дно плоское. Горловина украшена шлифованным узором в виде квадратов, расположенных в трех поясных зонах, венчик дисковидный. Стекло бесцветное, полукруглое, иризирующее; в. 17 см, д. корпуса 9 см. Двин, цитадель, инв. № 2047/115, IX—X вв.

Табл. XX

24. Горловина подобного флакона конической формы с дисковидным венчиком. Украшена шлифованным узором. Стекло бесцветное, прозрачное, толстое. Двин, цитадель, инв. № 1917/83, IX—X вв.

Табл. XXI, 1, 2

25. Горловина подобного флакона конической формы с огранкой и шестигранным венчиком. Стекло толстое, бесцветное, иризирующее. Двин, цитадель, инв. № 1794/489, IX—X вв.

Табл. XXI, 3, 4

Публикация: СА, 1968, № 1, с. 271; Средневековое стекло, с. 33, № 80—82.

Аналогии к этим флаконам имеются на широкой территории Ирана (Рей, Нишапур), Ирака (Самарра), Сирии, Египта, Средней Азии (Хульбук). Датируются IX—XI вв.

Литература: Samarra, № 202, 204—207; Glaser, Taf. 59, 2, 3; Iran, pl. 33, 34, b, c, d, Glass, V, p. 145, VI, 16; Smith, 555, 557; BMM, 1965, vol. XXIII, № 6, pp. 198—208.

26. Фрагменты чаши трапециевидной формы. Стенки украшены рельефно-резным орнаментом в виде поставленных друг на друга пальметок с побегами. Этот мотив повторяется на чаше шесть раз, выполнен редкой техникой удаления фона. Дно плоское, имеет три концентрических желобка. На стыке стенки с дном—резные зубчики.

Стекло бесцветное, полупрозрачное, Двин, центральный квартал, инв. № 1794/486, IX в.

а. реконструкция чаши.

Табл. XXII, 1
Табл. XXII, 2

Публикация: Шелковников, с. 11—13, Средневековое стекло, с. 57—58.

Аналогия: Самарра, Фустат, Афрасиаб, Нишапур. Литература: Gläser, Taf. 68; Samarra, № 243—246; Oliver, p. 23; Pinder-Wilson, p. LXII.

27. Чаша цилиндрическая с узорчатым дном, вынута в форме. Стекло толстое (2,5 мм), покрыто бурой патиной; в. 4,5 см, д. в. 9 см. Двин, центральный квартал, инв. № VI—2, IX в. Хранится в МАБ.

Публикация: ИФЖ, 1979, № 2, табл. II, 5.

Аналогия: Египет, Ирак.

Литература: Gläser, s. 51, Taf. 9, 11, 13; Samarra, № 158—161.

Табл. XXII, 3, 4

а. Обломок подобной чаши с аналогичным узором. Двин, центральный квартал, инв. № 1543/667, IX в.

Табл. XXII, 5

28. Стакан, фрагменты тюльпанообразного стакана с округлым дном. Стекло тонкое, прозрачное, зеленоватое. Тулово расписано желтыми, коричневыми и зелеными красками. Был изображен сюжет с фантастическими животными в растительной среде. По борту стакана—надпись, выполненная желто-коричневой краской. Предположительно читается: «бисм иллах ал-рахман»—«во имя аллаха милостивого»..., «ва/ндаху»—«единственный» Двин, центральный квартал, инв. № 10—1980 г., IX в.

Табл. XXIII, 1

29. Стакан, фрагменты тюльпанообразного стакана. Стекло тонкое, прозрачное, бесцветное. Корпус был расписан коричневой краской. По верхнему борту имелаас арабская надпись, сохранились только несколько букв «йана-му»—«наслаждается». Стакан найден рядом с предыдущим в центральном квартале города в слое IX в. инв. № 12—1980 г.

Табл. XXIII, 2

30. Стакан тюльпанообразной формы, фрагментарен, с округлым дном. Стекло прозрачное с зеленоватым оттенком. Корпус расписан зеленой и коричневой краской, узор составлен из четырехлепестковых цветочков, лепестки зеленые, оконтуренные коричнево-желтой линией. По верхнему борту—арабская надпись, выполненная коричневой краской, читаются отдельные слова: «/а/нда»—«один», «кайфа»—«как», «ирнамах»—«благослови», «куллу»—«вссе», «арифа»—«узнал». Двин, центральный квартал, инв. № 11—1980 г., IX в.

Табл. XXIV, XXIVa

31. Стакан цилиндрический, глубокий, дно плоское, край отогнут. Стекло тонкое, прозрачное, светло-зеленое. Корпус и дно стакана покрыты расписным орнаментом и надписью, выполненным коричневой и желтой краской. Орнамент на борте сосуда состоит из четырех зон, чередующихся с надписью. На дне также имеется стилизованная надпись, выполненная коричневой краской с желтым и зеленым заполнением; верхняя строка: «абкаху аллан һувә (?) амилла»...—«сохрани аллах он сделал»...

нижняя строка: «һувә аллан һисән ибн и амамаһу»—«он аллах своего господина впереди»

на дне сосуда: «талабан»—«попросив», «барақа»—«благословение».

В. 9 см, д. в. 13 см, д. д. 8 см. Двин, центральный квартал, инв. № 136—1981 г., IX в. Обломок этого стакана был найден в 1973 г., инв. № 2614/63.

Табл. XXV, XXVa

32. Фрагменты стакана неглубокого, с отогнутым венчиком, стекло зеленое, прозрачное. Борт стакана был украшен росписью краской зеленого и коричневого цветов, по борту—надпись, также выполненная коричневой краской. Двин, центральный квартал, инв. № 2243/305, IX в. На сохранившихся обломках читаются отдельные слова: «сауфа»—«может быть», «хайрун фаалаһу»—«сделал блага», «амара»—«приказал».

Табл. XXVI, 1

а. Фрагмент сосуда из тонкого прозрачного зеленоватого стекла, по борту—арабская надпись, выполненная коричневой краской.

Табл. XXVI, 2

33. Небольшие фрагменты сосудов с росписью, остатки которой свидетельствуют об их переднеазиатском происхождении. Двин, цитадель, центральный квартал, инв. № 2449/100 (1—9), 1794/198 (10), 1979/24 (11), 1794/424 (12), 2449/100 (13), 1794/321, IX в.

Табл. XXVII, 1—14

Публикация: Средневековое стекло, № 70; Вестник, 1982, № 12, с. 92.

Аналогия: Египет, Иран, Ирак. Стакан с похожей росписью имеется в Гос. историческом музее в Москве, инв. № 2460. он. 104221 № 1, происхождение неизвестно. Выставлен в витрине «Горговые связи Золотой орды» и датируется XIV в. Датировка ошибочная. Ближайшие аналогии этим стаканам имеются в Пенджикенте (ТаджССР), найденные в завале гл. 1,60 см в слое VIII в. с monetой Тургара. Фрагменты второго аналогичного стакана были найдены в Сирии, в замке Каэрл Хаир. По месту находки эти фрагменты датируются IX в., происхождение предположительно—Египет или Ракка. Третий целый стакан имеется в коллекции Метрополитенского музея (США). Мес-

то находки—неизвестно, предположительно датируется IX в.

Литература: Glaser, Taf. 44, 45, 48; Qasr al Hayr, tab. G, 1, 8, 9; The Metropolitan Museum of Art Bulletin, Spring, 1975; Glass, vol. XXXIII, p. 92, №6.

34. Флакон фрагментарный, яйцеобразной формы с узким горлом. Стекло синее, глухое, толстое. Тулово расписано коричневой краской сюжетным рисунком. Сохранилась фигура фантастической птицы (орла?), державшей в когтях животное. В нескольких местах сохранились остатки арабской надписи. Удаётся восстановить отдельные слова и фразы.

«фа алайни»—«и на нем», «ма массаи... алми'а (?)»—«кто прилипнет... сто (?)», «йамас-суу фи джаунарини»—«прилипнет к бриллианту». Двин, центральный квартал, инв. № 2670/17, IX в.

Публикация: ИФЖ, 1979, № 2, с. 269.
Аналогия: Предположительно Ирак, Египет.

—Фрагмент такого же флакона. Стекло белое и зеленое. Инв. № 1794/489.

Табл. XXIX, 4

Публикация: Средневековое стекло, № 78—79.
Аналогия: Были найдены на всех археологических объектах Переднего Востока.

Литература: Smith, №509; Glaser, Taf. 29—32.

40. Стакан тюльпанообразный, дно круглое, венчик оттопленный, с густым косым рифлением, с выпуклыми точками на стыке линий. Стекло тонкое, желтое, прозрачное; в. 9,5 см, д. в. 6,9 см. Двин, центральный квартал, инв. № 2326/135, IX в.

Табл. XXX, 1

41. Стакан тюльпанообразный с круглым дном, венчик утолщен. Стекло тонкое, прозрачное, желтое; в. 11 см, д. в. 10 см. Двин, центральный квартал, инв. № 2326/134, IX в.

Табл. XXX, 2

42. Стакан тюльпанообразный с круглым дном. Корпус состоит из квадратных ячеек. Стекло толстое, темно-коричневое; в. 9 см, д. в. 9 см. Двин, центральный квартал, инв. № 2326/133, IX в.

Табл. XXXI

Публикация: КСИА, 1969, вып. 120, с. 28—31.
Средневековое стекло, с. 36, № 66—68, Двин I, с. 101.

Аналогия: Сирия, Ирак, Северный Кавказ.

Литература: MAK, т. VIII, табл. CXIV, 4, 5; КСИИМК, 78, с. 116—117; Glaser, Taf. 8; Glass, vol. IV, pp. 20—21, fig. 13—15.

43. Стакан цилиндрический с округлым дном, стекло прозрачное, тонкое с голубым оттенком. Тулово стакана украшено накладными ребристыми нитями из синего стекла; в. 10 см, д. в. 11 см. Двин, центральный квартал, инв. № 2660/87, IX в.

Табл. XXXII

Публикация: АО, 1975 г., с. 508—509.

Аналогия: Византия

44. Сосуд цилиндрической формы с резко очерченными плечиками, переходящими в невысокое, широкое горло. Дно плоское. Поверхность сосуда расписана белой краской узором «птичье-го пера». Стекло прозрачное, синее; в. 12 см, д. в. 4,5 см, д. д. 5 см. Сосуд найден вместе с мозаичной чашей (№ 37) и византийскими монетами X—XI вв., Двин, цитадель.

Публикация: Средневековое стекло, № 113.

Аналогия: Византия.

Литература: Glaser, s. 100—101, Taf. 31.₃₆.

Табл. XXXIII

45. Сосуд с округлым резервуаром и плоским, вогнутым вовнутрь дном. Горловина невысокая,

35. Фрагмент сосуда, стекло глухое, синее с процарапанным узором. Двин, центральный квартал, инв. № 137—1981 г., IX в.

Аналогия: Египет, Ирак.

Табл. XXVII, 15

36. Фрагмент чаши, изготовленной техникой мillefiore, коричнево-белыми ломанными линиями. Стекло глухое, толстое. Двин, центральный квартал, инв. № 2614/62, IX в.

Табл. XXIX, 2

37. Чаша открытая, неглубокая. Изготовлена техникой мillefiore (черный стержень, белая окружность, черное окаймление, ячейки соединены между собой черными точками). На дне три ячейки окаймлены оранжевой полоской. Стекло глухое, толстое; в. 4,5 см, д. в. 14,5 см. Двин, цитадель, инв. № 2158/258.

Табл. XXIX, 1

Два фрагмента чаши, изготовленной мозаично-мillefioreвой техникой, фон зеленый, ячейки желтые с желтым ободком. Стекло глухое. Двин, цитадель, инв. № 1794/483, IX в.

Публикация: Средневековое стекло, № 10, Вестник, 1980, № 7, с. 96—97.

Аналогия: Иран, Ирак, Византия.

Литература: Smith, p. 243—244, pl. 484; Oriental Glass, Taf. XIIIa; Samarra, s. 108, 110, Taf. VII—IX; SPA, p. 1480, pl. 561 b.

38—39. Фрагменты небольшого флакона четырехгранных снаружи, а изнутри имеющего форму круглого резервуара. Дно плоское, горло узкое. Флакон сделан из глухого, толстого стекла с белыми и черными прожилками в виде папоротника. Инв. № 2158/265.

Табл. XXIX, 3

широкая с растробом и раздутой средней частью. Под растробом—овальные насечки. Стекло тонкое, прозрачное, марганцового цвета с темными разводами; в. 12,5 см, д. д. 7,5 см. Двин, цитадель, X—XI вв.

Публикация: Средневековое стекло, № 112.

Табл. XXXIV

46. Флакон с округлым резервуаром, с узким горлом на кольцевом поддоне из синего прозрачного стекла. Поверхность корпуса расписана золотом и цветными эмалями (желтой, зеленой, красной) с богатой орнаментацией. На тулове сосуда изображен человек со смычковым инструментом в медальоне. На двух других медальонах сохранились изображения зверей (один из них—лев). Каждая центральная фигура окружена пояском из кружочков с изображением птиц и растительного орнамента; выс. сохранившейся части 6,5 см, д. т. 8,5 см. Двин, цитадель, инв. № 2158/262, XI в.

Публикация: КСИИМК, 1955, вып. 160, с. 120—124, Средневековое стекло, № 83.

Аналогия: Стеклянные изделия византийского производства: чаша в соборе св. Марка в Венеции, фрагменты из Египта, Ирана, Коринфа.

Литература: Glaser, s. 105—109, Taf. 34, 1; Philippe, p. 104.

Табл. XXXV

47. Фрагменты стакана, расширяющегося кверху, Стенки расписаны цветными эмалями. Рисунок не восстанавливается. Сохранились только следы двух алтарей серого и красного цвета и двух людей возле них, одетых в хитоны. Руки протянуты к алтарю, над головами—нимбы. Техника росписи и композиция рисунков напоминают «раккскую группу» художественной росписи стекла X—XI вв. Стекло тонкое, прозрачное. Двин, цитадель, инв. № 1794/349.

Публикация: Средневековое стекло, с. 62, № 52. Аналогия: Сирия, Египет.

Литература: Glaser, Taf. 90, 96, 112, 15.

Табл. XXXVI

48. Фрагмент дна сосуда, форму которой установить не удается. На черном фоне сделан узор из стекла желтого и зеленого цвета при горячем состоянии стекла. Стекло черное, глухое, толстое. Двин, цитадель, инв. № 1794/478, X—XI вв.

—Фрагмент дна сосуда, аналогичного по технике предыдущему. Стекло черное, глухое. Двин, цитадель, инв. № 1847/110, X—XI вв.

Публикация: Средневековое стекло, с. 60, № 34а, в. Аналогия: встречаются в Рустави и в материалах из раскопок стекольной мастерской в Орбети. Возможно грузинское происхождение.

Табл. XXVII, 16, 17.

49. Кувшин грушевидной формы с широким горлом и слегка округлым венчиком, на кольцевом узорчатом поддоне. Украшен накладными ни-

тями: прямыми—в верхней части, ломанными—в середине корпуса, с двух сторон которого помещены большие капли из стекла зеленого и марганцовового цвета. Стекло прозрачное, светло-зеленое; в. 15 см, д. в. 6 см, д. д. 6 см. Двин, цитадель, инв. № 2121/24, XII—XIII вв.

Табл. XXXVII

а. В коллекции имеется такого же типа сосуд с ручкой. Инв. № 2292/227, XII—XIII вв.

Табл. XXXVIII

50. Фрагмент сосуда, горловина которого состояла из двух, соединенных между собой перегородкой трубок с двумя сливами, одной тонкой ручкой из тонкого стеклянного прутка с тремя петельками. Сосуд был украшен накладными нитями и разноцветными налепами. Стекло тонкое, прозрачное с желтым оттенком. Двин, цитадель, инв. № 1917/297, XIII в.

—В коллекции имеется несколько экземпляров подобных сосудов, раскопанных в жилищах цитадели в слоях XIII в. Инв. № 1617/108, 201, 209; 1917/35; 363; 2046/131.

Табл. XXXIX

51. Кубок с воронкообразным резервуаром, переходящим в вытянутую ножку на дискообразном поддоне. Верхняя часть резервуара слабо рифленая. Украшена накладными нитями и налепами желтого и марганцовового цвета стекла. Стекло бесцветное с желтоватым оттенком, прозрачное; в. 19 см, д. в. 7 см. Двин, цитадель, инв. № 2121/131, XII—XIII вв.

Публикация: Средневековое стекло, № 71, 95, 101, 102.

Аналогия: Рустави XII—XIII вв., Сиони (Грузия).

Литература: Чхагарашвили, табл. VII—VIII; Glass, XV, p. 23, fig. 22—23; Samarra, s. 91, № 261—263; Glaser, Taf. 27.

Табл. XL

52. Деталь ручки в виде диска с тремя острыми выступами. В центральной части—штампованная имитация арабской надписи. Стекло прозрачное, бесцветное. Двин, цитадель, инв. № 1794/489, IX—X вв.

Табл. XLI, 1, 2

а. Деталь ручки в виде овального медальона. Лицевая сторона гладкая со штампованной арабской надписью: «Сделал Али, сын Абдаллаха». Такие медальоны прикреплялись к нижней части сосуда у стыка ручки с сосудом. Стекло бесцветное. Двин, цитадель, инв. № 1917/265, VIII—IX вв.

Табл. XLI, 1, 4

—Круглый диск-штамп (мера веса) с тисненой арабской надписью. Стекло бесцветное. Двин, случайная находка, инв. № 2305/18, VIII—IX вв.

Табл. XLI, 1, 3

—Круглый диск-штамп (мера веса). С одной стороны—выпуклый. Имеет арабскую надпись. Двин, цитадель, инв. № 2588/75, VIII—IX вв.

Табл. XL, I, 5

Публикация: Средневековое стекло, № 120, 121.

Аналогия: Египет, Иран, Средняя Азия.

Литература: Iran, Taf. 28; Glass, XIII, pp. 66—76; Безбородов, с. 134.

53. Чаша-лампада воронкообразная, с узким дном и расширенной верхней частью. Украшена тремя вдавленными горизонтальными полосками и овальными налепами из синего стекла. Стекло матовое, молочного цвета. Такие чаши вставлялись в специальные оправы и подвешивались к металлическим каркасам люстры; в. 10 см, д. в. 10 см, д. д. 1,5 см. Считается: Ани, инв. № 516. Дар акад. К. Мелик-Оганджаняна, который приобрел ее где-то в районе Ани.

Публикация: КМК, с. 151, табл. XLVI, 1.

Аналогия: Иран. Чаши, изготовленные подобной техникой, известны в Южной России.

Литература: Iraq, 1934, vol. I, part. 2, fig. 5, 14; Тмутаракань 1963.

Табл. XLII

54. Флакон с вытянутым туловищем, коническим дном, крутыми плечиками с перехватом, высоким горлом. Стекло прозрачное, марганцового цвета; в. 9 см. Ани, цитадель, дворцовый комплекс, инв. № 123/781, XI в.

Публикация: КСИА, 150, с. 85—89; Реестр, 1907 г., с. 20; КАМ, с. 67; КМК, с. 76, № 743; Аракелян, т. I, с. 260.

Табл. XLIII, 7

55. Фрагменты полусферической чаши, украшенные золотом и эмалью, край сосуда был украшен золотой полоской и волнистой линией с подковками на изгибах. Стекло синее, прозрачное. Ани, цитадель, дворцовый комплекс, инв. № 123/795, XI в.

Табл. XLIII, 5

56. Фрагмент чаши сферической формы, туло во было украшено трехлепестковыми крестами «византийского типа», выполненными золотом и небольшими крестиками между ними, выполненными белой эмалью; д. в. 11 см. Ани, храм Гагика, инв. № 123/799, XI в.

Табл. XLIII, 6

57. Фрагменты флакона с остатками росписи золотом и эмалью. Стекло синее, прозрачное. Ани, цитадель, дворцовый комплекс, инв. № 123/818, 819, XI в.

Публикация: КСИА, 150, с. 85—89

Табл. XLIII, 1

58. Фрагмент цилиндрического стакана, украшенного круглой шлифованной фасеткой и остатками росписи золотом и эмалью. Стекло проз-

рачное, бесцветное. Ани, цитадель, дворцовый комплекс, инв. № 123/808, XI в.

Табл. XLIII, 4

59. Фрагмент браслета, украшенного изображением летящей птицы, выполненной желтой эмалью. Стекло синее, бесцветное. Ани, ул. Марра, участок мечети Мануче, инв. № 123/801, XI в.

Табл. XLIII, 3

60. Фрагмент сосуда с рельефно-резным узором в виде растительного побега. Стекло бесцветное, толстое. Ани, цитадель, дворцовый комплекс, инв. № 123/813, XI в.

61. Фрагмент флакона. Устье круглое, зубчатое. Стекло прозрачное, синее. Ани, цитадель, инв. № 123/787, XI в.

Публикация: КАМ, с. 83.

Табл. XLIII, 2

62. Фрагменты кувшина с высоким горлом, на поддоне. Украшены накладными нитями и налепами из красного и синего стекла. Инв. № 123/821, XI—XII вв.

Публикация: КАМ, с. 68, Реестр, 1907 г., с. 22, 179; Аракелян, т. I, с. 260; КСИА 150, с. 85—89, КМК, с. 77—79, № 749, 756, 770, 773—775.

Аналогия: Византия, Египет.

Литература: См. Восточное стекло.

63. Фрагмент сосуда с рельефными украшениями из накладных нитей марганцового и синего цвета. Стекло бесцветное, прозрачное. Ани, цитадель, инв. № 123/800, XI—XII вв.

Табл. XLIV, 4

64. Фрагмент сосуда с изображением лебедя. Фигура птицы оконтурена красными линиями. Ани, город, инв. № 123/803, XI—XII вв.

Табл. XLIV, 8

65. Фрагмент стакана, верхний борт украшен узором из золотых и красных штрихов. Ани, цитадель, инв. № 123/786, XI—XII вв.

66. Фрагменты сосуда, возможно, стакана, украшенного сюжетным рисунком, выполненным красной, синей, желтой, зеленой эмалью и золотом. Стекло бесцветное, толстое. Ани, цитадель, дворцовый комплекс, инв. № 123/807, XI—XIII вв.

Табл. XLIV, 3

67. Фрагмент стакана с орнаментальным фризом на борту, выполненным эмалью красного и зеленого цвета с золотым заполнением. Стекло тонкое, бесцветное. Ани, цитадель, дворец, инв. № 123/806, XI—XIII вв.

Табл. XLIV, 6

68. Фрагмент стакана с орнаментальным фризом, выполненным эмалью и золотом. Стекло тонкое, прозрачное. Ани, цитадель, дворец, инв. № 123/807, XI—XIII вв.

Табл. XLIV, 1

69. Фрагменты стакана с изображением рыб, выполненных золотом, оконтуренных красной

краской. Стекло прозрачное, бесцветное. Ани, город, инв. № 123/793, XII в.

Табл. XLIV, 9

70. Фрагмент стакана, украшенного золотом и эмалью. Стекло бесцветное, толстое (3 мм). Инв. № 123/805.

Табл. XLIV, 7

71. Фрагменты (три) стакана, украшенного эмалью и золотом. Стекло бесцветное, прозрачное. Ани, город, гостиница, инв. № 123/808, XII в.

Табл. XLIV, 5

72. Фрагменты стакана с орнаментальным фризом, состоящим из надписи, выполненной золотом на синем фоне. Часть надписи прочитывается: «Салям...» Ани, цитадель, инв. № 123/808, XIII в.

Табл. XLIV, 2

73. Фрагмент лампады с остатками надписи, выполненной золотом и эмалью. Ани, церковь Апостолов, инв. № 123/804, XIII в.

74. Фрагмент лампады, украшенной орнаментальным фризом и арабесками, золотом и эмалью. Ани, церковь Апостолов, инв. № 123/783, XIII в.

75. Фрагмент венчика чаши, расписанной позолотой и синей эмалью. Горизонтальные пояса окаймлены узкими линиями коричневой краски. Гарни, цитадель, инв. № 2234/170a. XII—XIII вв.

76. Фрагмент сосуда из тонкого, бесцветного стекла с такой же росписью золотом. Гарни, цитадель, инв. № 2234/170 в. XII—XIII вв.

- Публикация: Mapp, 1913, с. 61; Аракелян, т. I, с. 260; КМК, с. 77—79, № 783, 786, 793, 800, 803—808, 816.

Аналогия: Сирия, Египет.

Литература: Gläser, S. 243—392, Taf. 89—166; Lane, 73—74.

77. Сосуд-колба с грушевидным туловом высокой, вытянутой горловиной и чашевидным устьем. Сосуд опирается на дисковидную ножку с косыми линиями. Переход от туловка к горловине обозначен волнообразными нитями. Стекло тонкое, прозрачное желто-зеленого цвета. Особенность этого сосуда состоит в том, что внутри его, на дне закреплен второй миниатюрный кувшинчик такой же формы, с короткой горловиной и с четырьмя ручками. В. 22 см, д. д. 5,5 см, д. г. 11 см. Этот сосуд является уникальным образцом ближневосточного стеклоделия. Для изготовления его способом свободного дутья требовалось большое умение мастера-стеклодува. Гарни, инв. № 1—1965 г.

Публикация: Петросян, с. 123—124.

Табл. XLV

78. Конические и полусферические фигуры из глухого стекла, некоторые из них—мозаичные; д. д. 1—2 см, в. 1,5—2,5 см. Двин, цитадель, центральный квартал, инв. № 1906/201, 1906/

76, 2305/4, 2326, V—VII вв. Подобные фигуры известны в Северной Европе (Швеция) и на Руси в X—XI вв. Считается, что они являются фигурами для игры и условно называются «шашками». Возможно, эти предметы служили гирями (мера веса).

Публикация: Матер-альная культура, табл. XXIX, 2—5; Средневековое стекло, № 131; Варданян, Калантарян, с. 38—39.

Литература: Корзухина, с. 85—102; Birka, t. 147—148, 149.

Табл. XLVI, 1

79. Три небольших стеклянных диска с оттиснутым изображением креста, концы которого отмечены греческой буквой τ в двух экземплярах и N в одном случае. Это были стеклянные эталоны, весовые единицы византийской эсагии, они применялись для контроля веса византийских золотых динаров. Буквы на конце креста соответствуют первым буквам Номисмы-Эсагионам. Этапоны весят 4,52, 4,52 и 4,40 грамма. В коллекции древностей из Двина имеются еще две византийские гири из бронзы (2 и 12 номисма). Двин, цитадель, инв. № 2197/307, 2588/73, 74, VI—VII вв.

Публикация: Варданян, Калантарян, с. 38—39.

Аналогия: Египет, Византия.

Литература: Smith.

Табл. XLVI, 1; XLVII, 7

80. Глиняные буллы с различными оттисками печатей. Двин, цитадель.

Публикация: Калантарян, Буллы, табл. XV, 13, 15—18.

Табл. XLVII, 1—6

81. Сасанидские и византийские серебряные монеты. Двин, город. V—VII вв.

Публикация: Мушегян, с. 122.

Табл. XLVIII

82. Фаянсовые чаши, расписанные кобальтом. Двин, центральный квартал, IX в.

Публикация: Жамкочян, Фаянс, с. 89—90, табл. I, Ia.

Аналогия: Иран, Ирак.

Табл. XLIX, 1, 2

83. Люстрорезная чаша из Самарры. Двин, IX в.

Публикация: Жамкочян, Фаянс, табл. Ia.

Табл. L

84. Люстрорезная ваза в виде сирина, иранского происхождения. Двин, XII—XIII вв.

Публикация: Жамкочян, Фаянс, табл. VIIa

Табл. LI, I

85. Фрагмент полихромной люстрорезной чаши с изображением вельможи. Иран, XII в.

Публикация: Жамкочян, Фаянс, с. 111—112, табл. VI.

Табл. LI, 2

86. Кувшин полихромный, люстрорезный. Иран, XII в.

Публикация: Жамкочян, Фаянс, цв. табл. 2.

Табл. LII

ЛИТЕРАТУРА К КАТАЛОГУ

- АО, 1975—Джанполадян Р. М., Калантарян А. А. Стеклянные сосуды из раскопок Двина, Археологические открытия 1975 г., М., 1976, с. 508—509.
- Аракелян—Аракелян Б. Н. Города и ремесла Армении в IX—XIII вв., т. I, Ереван, 1958; т. II, Ереван, 1964 (на арм. яз.).
- Безбородов—Безбородов М. А., Стеклоделие Средней Азии в древности и средневековье, Ташкент, 1963.
- Варданян, Калантарян—Варданян Р. О., Калантарян А. А. Образцы византийских денежных весовых единиц из раскопок Двина, Тезисы докладов на научной сессии, посвященной итогам полевых арх. иссл. в АрмССР (1981—1982 гг.), Ереван, 1983 (на арм. яз.).
- Вестник, 1978—Кафадарян К. Г., Калантарян А. А. Раскопки Двина в 1975—1976 гг., «Вестник общ. наук» АН АрмССР, 1978, № 2, с. 99—106 (на арм. яз.).
- Вестник, 1980—Калантарян А. А. Стеклоделие в Армении в V—VIII вв., «Вестник общ. науки АН АрмССР», 1980, № 7, с. 85—98 (на арм. яз.).
- Вестник, 1982—Калантарян А. А. Основные итоги раскопок Двина в 1980 г., «Вестник общ. наук» АН АрмССР, 1982, № 12, с. 87—94 (на арм. яз.).
- Восточное стекло—Гуревич Ф. Д., Джанполадян Р. М., Малевская М. В. Восточное стекло в древней Руси, Л., 1968.
- Гамбашидзе—Гамбашидзе Г. Раскопки Тхобо-Ерида (Ингушетия), «Декоративное искусство СССР», М., 1970, № 7/152.
- Гулямова—Гулямова Э. Стекло из городища Хульбук, Известия отл. общ. наук ТаджССР, 1961, вып. I.
- Двин, I—Калантарян А. А. Двин, I, раскопки центрального квартала (1964—1970 гг.), Ереван, 1976 (на арм. яз.).
- Жамкочян—Жамкочян А. С. Фаянс средневековой Армении IX—XIV вв., «Археологические памятники Армении», вып. 10, Ереван, 1981 (на арм. яз.).
- ИФЖ, 1968—Тирасян Г. А. Из материалов раскопок крепости Ацаван в 1963 и 1968 гг., «Историко-филологический журнал», 1968, № 1, с. 282—291, (на арм. яз.).
- ИФЖ, 1979—Калантарян А. А. Работы двинской археологической экспедиции 1977 г., «Историко-филологический журнал», 1979, № 2, с. 263—269 (на арм. яз.).
- Калантарян—Калантарян А. А. Раннесредневековые буллы из Двина, «Археологические памятники Армении», вып. 13, Ереван, 1982.
- КАМ—Каталог Анийского музея древностей, вып. 1, СПб., 1912.
- Кафадарян—Кафадарян К. Г. Город Двин и его раскопки, т. I, Ереван, 1952 (на арм. яз.).
- КМК—Мушегян Е. Каталог музейных коллекций, вып. II. Предметы, выявленные раскопками Ани, Ереван, 1982 (на арм. яз.).
- Корзухина—Корзухина Г. Ф. Из истории игр на Руси, «Советская археология», 1963, № 4, с. 85—102.
- КСИА, 120—Джанполадян Р. М. Новые данные о стеклоделии Двина, «Краткие сообщения Института археологии АН СССР», М., 1969, вып. 120, с. 28—31.
- КСИА, 150—Джанполадян Р. М. Византийское стекло из Ани, «Краткие сообщения Института археологии АН СССР», М., 1977, вып. 150.
- КСИИМК, 60—Джанполадян Р. М. Стеклянный сосуд из Двина, «Краткие сообщения Института истории материальной культуры АН СССР», вып. 60, 1955, с. 120—124.
- КСИИМК, 78—Крупнов Е. И. Новые источники по древней и средневековой истории Северного Кавказа, «Краткие сообщения Института истории материальной культуры АН СССР», № 78, М., 1960.
- МАК—Уварова П. С. Могильники Северного Кавказа, «Материалы по археологии Кавказа», т. VIII.
- Mapp, 1913—Mapp H. J. XI анийская археологическая кампания, СПб, 1913.
- Материальная культура—Калантарян А. А., Материальная культура Двина IV—VIII вв., «Археологические памятники Армении», вып. 5, Ереван, 1970.
- Мушегян—Мушегян Х. А. Денежное обращение Двина по нумизматическим данным, Ереван, 1962.
- Петросян—Петросян Г. Л. Гарни в IX—XIV вв., диссертация, на правах рукописи, Ереван, 1984, с. 123—124.
- Реестр, 1907—Mapp H. J. Реестр предметов древностей из VI (1907 г.) археологической кампании в Ани, «Анийская серия», № 2.
- СА, 1968—Джанполадян Р. М. Резное стекло из Двина, «Советская археология», 1968, № 1, с. 268—274.
- Средневековое стекло—Джанполадян Р. М. Средневековое стекло Двина IX—XIII вв., «Археологические памятники Армении», вып. 7, Ереван, 1974.
- Сфероконические сосуды—Джанполадян Р. М. Сфероконические сосуды из Двина и Ани, «Археологические памятники Армении», вып. 12, Ереван, 1982.
- Тмутарақань—Керамика и стекло древней Тмутарақаны (сборник статей), М., 1963.
- Шелковников—Шелковников Б. А. Керамика и стекло из раскопок гор. Двина, «Труды Гос. исторического музея Армении», т. IV, Ереван, 1952.
- Чхатаравиши—Чхатаравишвили М. Н. Стеклянная посуда средневековой Грузии, Тбилиси, 1978 (на груз. яз.).
- Birka—Arbman H., Birka, I, Uppsala, 1940—1943.
- Dieulafoy—Dieulafoy M., L'acropole de Suse, t. III, Paris, 1893.
- Fremersdorf—Fremersdorf G. F., Römische Gläser aus Köln, Leipzig, 1939.
- Fukaj—Fukajl Shlnjl, Persian Glass, New York, 1977.

- Chirshman—Chirshman R.*, Parthians and Sassanians, London, 1962.
- Gläser—*Lamm C. J.*, Mittelalterliche Gläser und Steinschnittarbeiten aus Nahen Osten, Bd I, II, Berlin, 1929—1930.
- Glass, XIII—*Miles G. C.*, Umayyad and Abbasid Glass Weights and Measure Stamps in the Corning Museum, Journal of Glass Studies, vol. XIII, 1971, pp. 66—76.
- Glass, XV—*Pinder-Wilson R. H.*, and Scanlon G. T., Glass Finds from Fostat, Journal of Glass Studies, vol. XV, 1973, pp. 12—30.
- Glass, XVII—*Weinberg C. D.*, A Medieval Mystery: Byzantine Glass Production, Journal of Glass Studies, vol. XVII, 1975, pp. 127—141.
- Honey—*Honey W. B.*, Glass. A Handbook and Guide to the Museum Collection, London, 1915.
- Iran—*Lamm C. J.*, Glass from Iran, London, 1935.
- Iraq, 1934—*Harden D. B.*, Glass from Kish, „Iraq“, 1934, vol. I, part 2, pp. 131—136.
- JNES—*Ettinghausen*, The Uses of spherocconical vessels in the Museum East, Journal of Near Eastern Studies, XXIV, №3, 1965.
- Lana—*Lane Arthur*, Medieval Finds at Al Mina in North Syria, „Archaeologia“, LXXXVII, London, 1938.
- MMB. 1965—*Marie G. Lukens*, Medieval Islamic Glass, „Metropolitan Museum of Art Bulletin“, 1965, vol. XXIII, num. 6, pp. 198—208.
- Oliver—*Oliver P.*, Islamic Relief Cut Glass: A Suggested Chronology, „Journal of Glass Studies“, III, 1961.
- Oriental Glass—*Lamm C. J.*, Oriental Glass of Medieval Date Found in Sweden and the Early History of Lustre Painting, Stockholm, 1941.
- Orientalia—*Legland J.*, Fouille et Travaux en Egypte et Soudan, 1962—1963, „Orientalia“, vol. 33, fasc. 2—3.
- Philippe—*Philippe Joseph*, La Monde byzantin dans l'histoire de la verrerie (V—XVI siècle), Bologna, 1970.
- Pinder-Wilson—*Pinder-Wilson R.*, Cut-Glass Vessels from Persia and Mesopotamia, „The British Museum Quarterly“, vol. XXVII, №1—2, 1963.
- Qasr al Hayr—*Oleg Grabr, Renata Halod, James Knustad*, Wm. Transdels, City in the Desert Qasr al Hayr, East, Cambridge, 1978. I. I—II.
- Samarra—*Lamm C. J.*, Das Glass von Samarra, Berlin, 1928.
- Smith—*Smith R. W.*, Glass from the Ancient World, New York, 1956.
- Syria, 1931—*Lamm C. J.*, Les verres trouves a Suse, „Syria“, vol. XII, 1931, pp. 358—367.

ՄԵԴԱԿԱՐՅԱՆ ՀԱՅԱՍՏԱՆԻ ԱՌԵՎՈՏՐԱԿԱՆ ԿԱՊԵՐԸ VI—XIII ԴՊ.

(Հստ ապակեգործական տվյալների)

Հայաստանը իր գովազած աշխարհագրական դրբե
շնորհիվ կարող դիմ էր խաչում Առաջավոր Ասիայի
քաղաքական և տնտեսական կյանքում, Ֆեոդալական
հարաբերությունների ձևավորման և զարգացման շըր-
շանում, հատկապես ապրանքային արտադրության աճի
պայմաններում, ընդունակ վեցին Հայաստանի տնտես-
կան կապերը տարբեր երկների հետ: Հայկական բարձ-
րավանդակով էին անցնում ստրատեգիական և առև-
տրական կարևոր ուժները, որոնք կապում էին Արևել-
քը Արևմտաթիվ և Հարավը Հյուսիսի հետ: Երկիր տնտե-
սական և ծագութային կյանքի զարգացումը ինչ-որ
չափով կապում էր նաև միջազգային տարանցիկ
առևտուրի, առևտուրական ճանապարհների ուղղություննե-
րի և նրանց ինտենսիվության ասահիմանի հետ: Հայերը
ակտիվ մասնակցում էին այդ առևտուրին՝ արտահանելով
գուղատնտեսական և անասնապահական մթերքներ,
բնական հանքային հարստություններ և հատկապես
բարձր ճաշակով պատրաստված արհեստագործական
արտադրանք:

Մերձափոք արևելքից, Բյուզանդիակից, Հեռավոր
արևելքից, Հյուսիսից Հայաստան էին Ներմուծվում Հա-
մեմունքներ, անուշանու յուղեր, լինական մետաքս,
մորթեղեն, կենցաղալին աւարեր առարկաներ, այդ
թվում խեցեղեն և ապահովեն:

Ապահեգործությունը Մերձավոր արեւելքում և Բյուլ-
զանդիայում մէջին դարերում բռուն զարգացում էր
ապրում և շատ բնական է, որ այն միջազգային առև-
տրում դարձավ փոխանակության կարևոր մասերից մե-
կը: Այդ են ցուց տախու Հայաստանի խոշորագույն
քաղաքների Անիի և Դվինի պեղումները: Զնայած Հա-
յաստանը հայտնի էր իր արհեստագործական արտա-
դրանքով, որի մէջ կարու ճյուղերից մեկը ապահեգոր-
ծությունն էր, այսուանենայնին Ներուոժված ապահնք-
ները թվում զգալի քանակ էին կազմում Եղիպատոսի,
Ասորիի, Թրաքի, Իռանի, Բյուզանդիայի հոչվագած
արհեստանոցներում՝ պատրաստած ապահ անոնթները:
Ներկա աշխատանքը նպատակն է տարբեր մէթոքերի
կիրառմամբ և կրկայացնել այդ նյութը և հնարավորու-
թյան սահմաններում որոշ ծառառմներ մտցնել տարբեր
երկրների հետ միջնապարյան Հայաստանի առևտրա-
տնտեսական կապերին առնելող հարցերում:

Հայաստանի կաղմիշնադպրյան քաղաքներում ներքին առևտուրը համեմատաբար թույլ էր զարգացած և իր ինտենսիվությամբ զգալիորեն զիջում էր արտաքին առևտորին։ Դեռևս IV դարում քաղաքային կյանքին խոչըն հարած ձասցիկց Շապոհ Բ-ի արշավանքների ժամանակ, երբ անկման եղրոն հասան արհեստագործությունը և առևտուրը, որոնց վերականգնման համար պահանջվեց երկարատև ժամանակ և քաղաքային կյանքին նոր վերինք։ Այդ շշանի ներքին առևտորի վերաբերյալ որոշ վկայություններ պահպանվել են եկեղեցական կանոններում։ Այդ կանոններից մեկում հօգուր դասին խստիվ արգելվում էր զրադաշտ առևտորվ, որը համարվում էր աշխարհիկ զրադամումք։

Երկու հզոր տերությունների՝ Իրանի և Բյուզանդիա-
յի միջև գտնվող Հայաստանը միշտպային տարանցիկ
առևտորի կենտրոններից էր: Լուսատինիանոսի կողերում,
408/9 թթ. կայսերական հրովարտակում խոսվում է
Բյուզանդական կայսրության և Սասանյան Իրանի միջև
կնքած պայմանագրի մասին, ըստ որի Առաջավոր
Ասիայում միշտպային առևտորափոխանակությունը բույ-
լարափում էր միայն սկզբնապես որոշված երեք կետե-
րում՝ Մերքինում (Իրան), Կալիխիկումում (Մաքքան՝
Եփրատի վրա, Բյուզանդիա) և Արտաշատում (Հայաս-
տան): Հետագայում վերջինիս զերե իր վրա է վերցնում
Արտաշատից ոչ ճեռու գտնվող Դվինը:

Հայաստանի ալդ շրջանի առևտուրական գիեպոր ճանապարհները նշված են tabula Peutingeriana կոչված քարտեզում: Հսկա ալդ քարտեզի Արտաշատը, իսկ V Դարից Դիմին հիմնական ճանապարհներով կապված են եղել Իրանի, Փոքր Ասիայի, Վրաստանի, սևծովյան Հյուսիսային և արևելյան նավահանգիստների հետ: Այստեղ նշված է նաև «Արբայական ճանապարհ» («արքունի պղողուա») Արտաշատ—Տիգրանակերտ հատվածը, որը Զինաստանից եկող և Մետաքսի մեջ ճանապարհից մասն էր կազմում:

Առևտրական գլուխվոր ուղիների վրա գտնվող բոլոր քաղաքները մայրաքաղաքների հետ միասին ակտիվ մասնակցում էին միջազգային առևտրին: Այստեղ հաստակ առանձնանում էին թերողութպիսը (Կարին), Վաղարշապատը:

Վ դարից Արշակունիների վերջին մայրաքաղաքը՝ Դպինը, որը հիմնադրվել է IV դ. 30-ական թվականներին, գտնում է տարանցիկ առևտորի խոչըր կենտրոն, հստակապն հայ մարզպանների, արար ոստիկանների և մահմելական մահրանների նստոց, շորջ շոր հարյուր տարի:

Դպինը Հայաստանի մշակութային և տնտեսական խոշորագույն կենտրոններից էր VI դարի պատմի Պրոկոպիոս Կեսարացին գրում է. «Դովինինը շատ բերքատու երկիր է, ոնի հարքեսան ոգ և լավ չուր թեռուուղուց հեռու է ութ օրվա ճանապարհով Այստեղ դաշտերը հարթ են և հարմար ծխավարության Միմյանց շատ մոտիկ գտնվող բաղմամարդ գուղերը բնակեցված են առևտորականներով, որովհետ Հեղիկաստանից, Հարեւան իրերիցից պարսիկների և նույնիսկ հոռմեացիների հպատակության ներու գտնվող գրեթե բոլոր տեղից այստեղ են բերվում ապրանքներ, որոնցով նրանք առևտուր են անուում»:

VII դ. Աննահա Շիրակցու կազմած «Աղոնաշափեր»-ի տվյաններով Դպինից տարերե ուղղությամբ գումար էր հինգ առևտորական ճանապարհ: Հյուսիսի այսին ճանապարհը Դպինից ձգվում էր Պարտավի և Դիլենդի վրայով Արևելյան եվրոպա: Դեպի արևմուտք ճանապարհն անցնում էր Փոքր Ասեմյով մինչև Կոստանդնուպոլիս, հարավարևմտյան ուղին՝ Ռաքքայով Աֆրիկա, հարավարևմտյան՝ Նախշեան, Տիգրոն, Պարսից ծոց, արևելյան՝ Փայտակարան, Կասպից ծով, Միջին Ասիա: Հայկական միջնադարյան մղոնաշափերը ավելի լայն են ներկայացնում առևտորական ճանապարհները, շահմանափակվելով միայն վարչական կենտրոններով: Առևտորական կարևոր ուղիներից մեկը, որը Հնդկաստանի, Բակտրիայի վրայով, Կասպից ծովի հարավային ափերով ավելի էր Անդրկովկաս (Նախշեան, Դիլի, Շիրակ), հիշատակվում է Շիրակցու մեկ այլ երկում: Այդ ճանապարհով էին ներմուծվում գոհարեղին և այլ ապրանքներ:

Հետաքրքիր են առևտորական նպատակներով նեստորականների Հայաստան ներթափանցման մասին վրակալությանը նրանք վերաբնակեցվեցին Խուժաստանից, որը Սասանյան Իրանի առևտորական և արհետագործական խոշորագույն կենտրոններից էր: Նետորականները մեծ զեր էին խաղողու Իրանի սահմաններամբ: Բնակվելով Հայաստանում, նրանք, հավանաբար, Դպինում կաղմակերպում են իրենց համայնքը և սկսում ակտիվ առևտորական գործունեությունը: Դպինում լսու երեւլիթին իրենց առևտորական համայնքներն ունեն նաև աստղիները, որոնք առևտորի մեջ հմտացած ժողովորդ էին համարպակում Մեծածագությունը արևելքում և միջերկածովլյան ավաղանում: Այդ համայնքների մասին թեսակնորեն վկայում են հնագիտական գտածոները՝ մասնավորապես կնքաղրոշմները, որոնց կնիքը մի մասը ու հայկական ծագում ունի:

Վաղմիջնադարյան Հայաստանի առևտորի կազմակերպման հարցերի վերաբերյալ հետաքրքիր նյութեր են ընձեռում Դպինում Հայաստաներեված կավել կնքաղրոշմները, որոնք իրենց վրա կրում են տարբեր կնիքների դրամներ (աղ. XLVII, 1—6): Դրանցով վակերագում էին պետական նշանակության փաստաթիվեր, նամակագրություններ, ինչպես նաև կնքվում էին առարտի համար առանձնացված ապրանքային հակերը: Այդ կըսները սոսկ պետական չէին, այլև անձնական: Դպինում գտնված 41 կնքաղրոշմներից մի քանիսը կրում են 20-ից ավելի դրամների: Տարբեր կնքաղրոշմների վրա միշտույն կնիքների բարձարթիվ արտատպությունը ցուց է տալիս, որ միջնադարյան Հայաստանում վաճառականները ունեցել են իրենց կաղմակերպությունները, որոնք, հատկապես անհրաժեշտ էին հեռավոր արտաքին ճանապարհներու համար:

Առևտորական կապերի ուսումնասիրության և պարզաբանման ուղղությամբ առանձնապես կարևոր են դրամադիտուական նյութերը, մասնավորապես դրամական գանձերը (աղ. XLVIII): Ամենանվազ դրամը, որը Դպինում շրջանառության մեջ էր V—VII դդ. սասանյան արծաթի զանեկանն էր, վճարման հիմնական միավորը Առաջավոր Ասիայում:

Դպինում VI դարում շրջանառության մեջ էին գտնվում իրանական 30 քաղաքների փողերանցների դրամները, բացի այդ, քաղաքի պեղումներից գտնվել են նաև բրուզանդական պղնձե և արծաթի դրամներ, ոսկե զինարներ, որը արտացոլված է նաև գրավոր ազգություններում: Դրամների գտածներում իր վառ արտացոլումն է գտնել Հայաստանի վրայով Արևելքի և Արևմուտքի միջներու միջև կատարված միջազգային առևտորի պատկերը:

Հայ-բյուզանդական առևտորադարմային հարաբերությունների առողջությամբ հանաձնապես հետաքրքիր են Դպինում գտնված ապակե և բրոնզե կղուազիքերը: Ապակե դրոշմները, որոնցից մեկի վրա կա Է տառը, իսկ երկուսի վրա՝ N, ոսկե դրամներ կշռելու էտալոններ են, այսպես կոչված էքսպակիաներ (աղ. XLVI, 79): Սրանք իրենց քաշով (4,52, 4,52 և 4,40 գրամ) համապատասխանում են բյուզանդական մեկ ոսկե դրամի քաշին (նոմինամ): Բրոնզե կղուազիքերը շահ է 12 նոմինամ են, որոնք համաստվում են համապատասխան նշաններով (աղ. XLVII, 7): Արարական տիրապետության սկզբանական շրջանում (VII դ. վերջ և VIII դ. I-ին կես) Հայաստանի դրամական համակարգում էական փոփխություններ չեն նկատվում: VIII դ. առաջին կեսից երեսան են գալիք նախիթաթի դրամները և Հայաստանի մտնում է Արարական հալիթաթի դրամական հարաբերությունների ընդհանուր համակարգի մեջ:

Արարական տիրապետության շրջանում (VII դ. վերջ—VIII դ. սկիզբ) Հայաստանի տնտեսական անկումն իր ազդեցությունն է բողնում նաև տարանցիկ

առևտորի վրա Հայաստանը այդ շրջանում կորցնում է իր տեղը միջազգային առևտորում: Սկզբնական թշանում, Բյուզանդական կայսրության հետ անընդհատ պատերազմների ընթացքում, առևտորական կապերը Արևելքի և Փոքր Ասիայի միջև խասանակեցին: Տարածքի առևտորի խզումը անդամարձակ նաև Հայական քաղաքների վրա, որոնք տնտեսական անկույլ ապրեցին և վերածվելին ուղամաքարչական կենտրոնների: Մական Դվինը մնաց որպես գլխավոր բաղադր՝ ձայրաքարագործ և ինչ-ու տեղ Քեռոսուպուլսը, որի արքեստագործական արտադրանքի մասին մեծ գովեստով և խոսում արար յատենապիրները (Ցակուտ, Ցակորի և ուրիշներ): Զնայած արտաքին առևտորում տեղ գտած սահմանափակումներին, այն շարունակվում էր Խալիֆաթի տարրեր երկրների հետ: Տեղեկություններ կան նաև խաղարների հետ առևտորական կապերի մասին:

Առևտական երթուղիները հնարավոր է զառնում վերաբանգնել դրամների գյուտերով։ Այդ ճանապարհները, որոնք հիշատակված են արարական մղղնաշափերում, հիմնականում ունեին ուազմական նշանակություն։

Արարական մղոնաշափերը կազմվում էին օժանդակելու համար արար դինվորականներին և աստիճանավորներին; Դրանք շատ մանրամասն են. տրված են բոլոր կանգառները և օրվա ճանապարհի երկարությունը թույլ ուղիները, ի վեցու, հատում էին Արարական հալիքաթի Հյուսիսային մարզի վարչական կենտրոններին՝ Դվինին, Պարտավին, Մարաղային, Սրբարդիին; Բնականարար, այլ ճանապարհներով անցնում էին ոչ միայն զորքն ու հարկածավաքները, այլև առևտրական քարավանները:

VIII դ. սկզբից Դվինում սկսվում է սեփական դրամի հատումը, որը արաբական մյուս դիրքենքի հետ լայն տարածում է ստանում միջազգային շուկայում: Հայաստանը, որպես Արաբական Խալիֆաթի պրովինցիաներից մեջը, նույնական մտնում էր առևտորական կապերի ոլորտի մեջը: Նույնիսկ կրաքապական երկրների VII—VIII դր. գրամական առնձեռքում կան Հայաստանի փողերանցիքի համապատասխան գրամմաներ (Ծփեփիա, Ֆիննանգիա, Դանիա): Այդ գրամմերից գտնվել են Հնի լառոգայում, Նովգորոդում, Կիևում, Մոսկվայում, Բյազանում:

VIII—X դր. Հայաստանում շրջանառության մեջ էին նաև հարկան պետությունների և քաղաքների դրամական միավորները (Երան, Ասորիի, Թարարիստան, Ֆարս, Նորշապուհ, Մերլ, Հերատ, Բուփարա, Սամարանդ և այլն), որը վկացմ է հիշյալ երկրների հետ առևտորի լամբ կապերի մասին: Մեծ տարածում ունեին Թաղդապի և Ռեյի դրամները: Հայաստանի ներքին առևտորում այդ ժամանակ հիմնականում օգտագործվում էին պղնձե դրամները:

Այսպիսով, Խ. դ. վերջում և XI գարի սկզբում, նոր ճանապարհի վրա գտնվող քաղաքները սկսում են ծաղկել և բարգավաճել: Ժամանակակիցները հիացմունքով են նկարագրում այն անհաշիվ ճարտարախումները, որնք ստանում էին այդ քաղաքները «ծով» և ցածրաքա» առեւթորի:

Բյուզանդիայի հետ առևտրի աշխուժացման հետեւ՝ վանքով Հայաստան է Ներհոսում մեծ քանակով լամբ բյուզանդական ոսկե դրամեր, որը լինելով ավելի կարուն վայրուտա, աստիճանաբար դրվու է մղում արաբական դիրհեմը։ Դվինի պեղումների ժամանակ գտնված բյուզանդական ոսկե դրամները հատվել են Կոստանդնուպոլիսում։

Թագրատումնաց թագավորության անկումից (1045 թ.) և սեղլուկան արշավանքներից (1048 թ.) հետո, Հայաստանում նկատվում է տնտեսական ժամանակավոր անկում։ Հայերի քաղաքական և տնտեսական կյանքը կենտրոնանում է Կիլիկիայում։ XI դ. այստեղ ստեղծվում է Հայկական թագավորություն, որը շորջ եղեց դար կարևոր դեր է խաղում Մերձավոր արևելյան։

Հայերը իրենց նավահանգիստներով և ցամաքային ճանապարհներով ակտիվ մասնակցում էին Արևմտի և Արևմտաթի միջն կատարվող առևտորին և կապեր ունենի բոլոր Հայաստանի և Արևմտի մահմեդական երկրների հետ: Դրանք վկայում են տարբեր վայրերում գտնված կիլիլյան դրամներով և արհեստագործական արտադրանքի նմուշներով:

XII դարից Հայաստանում նկատվում է տնտեսական նոր վերելք: Կ քաղաքների հետագա աճ: XIII դարում Հայաստանի քաղաքները առևտորի և արհեստագործության խոչոր կենտրոններ էին (Դիլի, Անի, Կարին, Կարս և այլն): Անիի և Դիլիի հնագիտական պեղումները, ինչպես նաև գրավոր աղբյուրները վկայում են տարբեր երկրների հետ աշխույժ առևտորի մասին: Հայտնի են համապատակության հիմանալի անոնքներ իրանի կենտրոններից (Տիել, Քաշան, Սուլիմանքաղ), շինական ժագում ունեցող սերպոս, սիրիական պապիկն և այլն: Արևմելքի երկրներից ներմուծվում էին թանձրժեք քաշեր, սոկի, համեմունքներ և այլ պարանիներ:

XII—XIII դդ. Հայաստանի քաղաքներում տեղական և միջազգային աշխույժ առևտորի հետևանքով առանձնանում է առևտորական և վաշխառուական կապիտալը ներկայացնող մեծահարուստների («մեծատունք») մի խափ: Նրանց հարստության, դրամական խոշոր գործառնության, հոգակտորների առուժաբի, նեկուցիների նվիրատվության մասին են հաղորդում ճարտարագիտական հուշարձանների վրա պահպանված վիմագիր արձանագրությունները: Մեզ են հասել այդ ժամանակա առևտորական աշխարհի և ֆինանսական վերնախավի ներկայացուցիչների անուններ, որոնցից կարելի է հիշատակել Պարս Ումեկին, Սահմադինին, Տիգրան Ըոնեցին և ուրիշների:

XII դ. Վերցից կրաստանի: Հետ կապված աշխույժ առևտորի հետևանքով նկատվում է վրացական դրամների մեծ հոսք Հայաստան: Հաճախ են հանդիպում Թամարի և Ռուսուանի պղնձի դրամները: Հայ-վրացական կապերը հետևանք լին քաղաքական այն իրադրության, որ ստեղծել էր Հայաստանի մի մասի պատագումից երկու ժողովուրդների ուղղագաղաքական համագործակցության հետևանքով: Այն գլխավորում էին Զաքարյանները:

* * *

Միջնադարյան Հայաստանում առևտորի հիմնական կանոնները արտացոլում են գտել Միկիթը Դոլի դատաստանագրի համապատասխան հոդվածներում: XII դարում ստեղծված դատաստանագրի շատ հոդվածներ իրենց մեջ արտացոլել են այն վիճակը, որը տիրում էր երկրում ավելի վաղ ժամանակներում և ավանդաբար անցել էր զարգացած ֆեոդալիզմի շրջանին: Նույնը վերաբերում է նաև առևտորի կազմակերպմանը:

Քաղաքներում առևտորը երկրի գերագույն սյուզերնի մենաշնորհն էր և կատարվում էր գերագույն իշխանության միջոցով: Տեղերում առևտորին հսկում էին նախարարները, որոնք այն կարգավորում էին քաղաքներում և այլ բնակավայրերում նախարարների պարտականությունների մեջ էր մտնում նաև վաճառվող ապրանքների շափ ու շիղների հաստատումը: Գետության ողջ տարածքում սահմանվում էր միասնական մաքսա, որը զանձվում էր միայն առևտորի վայրում բերված ապրանքի վաճառքից հետո:

Ներքին և միջազգային առևտորը պետք է ունենար իր կազմակերպությունը՝ շոկան: Միջնադարում առևտորական խոչոր միջոցառումների տեսաններից մեկը շոկա-տոնավաճառներն էին, որոնք անցկացվում էին նախօրոք որոշված ժամանակ և որոշակի տեղերում: Տոնավաճառները ինսում էին տեղական և միջազգային նշանակության: Տեղական նշանակության տոնավաճառները, որը հավաքվում էր իր հարժանքների ուղղագայում էր անցկացվում էին ամեն շաբաթ կամ ամիս: Այսպիսով, Անդրկովկասի խոչոր քաղաքներից մեկում Պարտավում, տոնավաճառները կազմակերպվում էին լուրաքանչյուր կիրակի: Այսեղ հավաքվում էին վաճառականները ողջ Անդրկովկասից և հյուսային երանեցից: Ասրա աշխարհագիր նստահրին գոռում է: Եթերայի (Պարտավի) զարբասի մոտ, որը Կովկաս էր քրդերի զարբաս, կա «ալ-քյուրքի» (Հայերեն պարագակի բառից) անունով շոկան, մեկ փարասի քառակուսի տարածքով: Այստեղ յուրաքանչյուր կիրակի հավաքվում են մարդկի: Այս շոկան ավելի մեծ է առող-սերկից: Պարտավի կիրակնօրյա տոնավաճառներին մասնակցում էին նաև հայ վաճառականները:

Միջազգային նշանակության տոնավաճառները կազմակերպվում էին ոչ հաճախ, բայց ավելի երկարատև՝ շաբաթով, ամսով: Տարին մեկ անգամ մեծ տոնավաճառ էր կազմակերպվում Սկ ծովի ափին՝ Տրավիդոնում, որը ժամանում էր նաև վաճառականները յուլանդիակից, իրանից, Ասորիից, նաև Հայաստանից:

Մեծ քարաքներում, որպես կանոն, գլխավոր շոկայից բացի կային ավելի փոքր շոկաններ, որոնք մասնակիությամբ էին արհեստավորական արտադրանքի և գուղատանեսական մթրիքների առանձին տեսակների վաճառքի համար: Շոկայի ներսում յուրաքանչյուր ապանք վաճառվում էր որոշակի տեղերում: Դրանք ամբողջական շաբեքը էին կամ առանձին կուղակե-խանութներ: Վիմագրական նյութերից գիտենք, որ Անի քաղաքությունը ունեին արհեստավորական և առևտորական մասնագիտացացած շոկաններ, փողոցներ և թաղամասեր: Կային շոկաններ անսատների և բամբակի վաճառքի համար, զարդինների փողոց և թաղամաս, զորժվածքի վաճառքի շաբեքու

Միջնադարյան քաղաքական մասնատվածության, հաճախակի պատերազմների, ավագակային հարձակումների պայմաններում, առանձին վաճառականների ուղղությունը դժվարին էր և վտանգավոր: Այդ նպատակով անհրաժեշտություն էր ծագում միավորել վաճառականներին որոշակի խմբերով, քարավանների համարլման ասպարեզով ոնեննարկ՝ իրենց ներքին կարգությանոր: Քարավանի գործառնությունը կազմում էր ապահովությունը, որպես կանոն հարուստ վաճառականները, որոնք իրենց ձեռքի տակ ունեին բազմաթիվ պաշտոնյաններ (գործափառար, գրագիր, նոտար և այլն): Ցուրաքանչյուր քարավան ուներ իր ներքին սովորովներն ու ավանդությունները: Վաճառականները վարձում էին ուղեկցողներ և պահակախումբ Կազմակերպաված քարավանները, անկախ աղջային պատկանելությունից և դաշտանանից, օգտվում էին իշխանությունների հովանակությունից և նույնիսկ պատերազմական գործողությունների ժամանակ անարգի շարունակությունին:

Առևտրական քարավանի անձեռնմխելիությունը, հավաքարար, այն ժամանակվա միջազգային հարաբերությունների մեջ ամենանպատակահարմար ձեռն էր: Նույնիսկ այնպիսի պամատեն տիրականներ, ինչպիսիք մոնղոլական խաներն էին, սերու կապարել մեջ էին առևտրական կապիտալի ներկայացուցիչների հետ և նրանց հովանակությունը էին: Վաճառականների կազմակերպությունը գործառնություն էր ծագալում նաև տեղերում: Որպես կանոն նույն քաղաքից եկած, նույն ազգությամբ և դաշտանանից մարդիկ բնակվում էին քաղաքի կամ բնակավարի որոշակի մասերում, հիմնականում, քաղաքային պարհաներից դրւու Անտեղ նրանք ունեին իշխանատուն, պահեստային շինություններ, վարձում էին պահակախումբ:

Եթե առևտուրը տվյալ քաղաքի հետ կրում էր մըշտական բնույթ, ապա ամենակարենոր առևտրական ավանները վիրածվում էին վաճառականների մշտական ապրեատեղի և կազմակերպվում էին առևտրական գաղութներ: Վաճառականների և քարավանների կարիքները հոգալու նպատակով, ճանապարհների և լեռնանցքների վրա հասուցվում էին հատուկ քարավանատներ և հյուրանոցներ: Քարավաներում նույնական եկվոր վաճառականների համար կառուցվում էին հյուրանոցներ, որոնց քանակը և շափերը պայմանավորված էին տվյալ քաղաքի որպես առևտրական կենտրոն խաղացած դերով: Այդուղի նախատեսվում էին բոլոր պայմանները մարդկանց և քարավանների ապրենությունը ու հանգստի համար, կային հատուկ պահեստային բաժանմունքներ և կրապակներ առևտուրի համար:

Անիում պեղվել են մի քանի արդարիս շինություններ: Երկուսը, որոնք ամենամեծն են և հարուստ հարդարված, գտնվում են քաղաքական մասին:

Կենտրոնում, ոչ հեռու «Գլխավոր փողոցից», կենտրոնական դարպանների մոտ:

Դիմին քաղաքային թաղամասերից մեկում մասնակի պեղված է մի մեծ հասարակական շինություն, հնարավոր է քաղաքի կենտրոնական շուկան: 36 այունը ունեցող այդ շինությունը (4 շարք) վաղմիջնադարյան մոնումենտալ ճարտարապետության կարևոր կոթողներից է:

* * *

Հայաստանի արտաքին առևտուրի մի շարք հարցերի ուրաքարանման համար հարուստ նյութեր են տալիս միջնադարյան հուշարձանների պեղումները: Հատկապես ներկա և Դիմինից գտնված նյութերի մեջ առանձնաւում են գեղարվեստական ինեցելնը և ապակին: Պեղումները տվել են տեղական և ներմուծված ապակյա իրերի հազարայում նմուշների մի հավաքածու, որն իր բազմանակությամբ պատմական մեծ արժեք է ներկայացնելու, ընդլայնում է մեր պատկերացումները Անդրկովկասի և Առաջավոր Ասիայի պականեգործության մասին IX—XIII դր.:

Հայաստանում պականեգործությունը շատ խոր արմատներ ունի: Վաղ ապակու նմուշները հայտնի են մ.թ.ա. II—I հազ. զարգարաններում և ուղարտական հուշարձաններում: Ապակեգործությունը բարձր զարգացման է հասնում անտիկ ժամանակաշրջանում (Գառնի, Արտաշատ):

Միջնադարյան պականեգործությունը շարունակում է անտիկ արտադրության լավագույն ավանդությունները: Այդ են վկայում վաղմիջնադարյան ապակու գյուտերը Դիմինից, Հացավանից, Այգեվանից, Գառնիից:

Հայ և օտար աղբյուրներում պահպանվել են բազմաթիվ վկայություններ Հայաստանում պականեգործության զարգացման մասին: Առաջին անգամ այն վկայությունը է Աստվանակեռոսի մոտ Հոփիսիմեի վարդի նկարագրության մեջ: Բազմաթիվ են հիշատակությունները տարբեր անոթների և սպասքի վերաբերյալ Հետաքրքրությունները են միջնադարյան հայ ձեռագրերում պահպանված տրվյանները պապակու բաղադրության մասին: Հայաստանը պապակու հումքի հարուստ հանքավարդի մենքու: Այդ մասին արժեքավոր վկայություններ են պահպանվել բյուզանդական և արաբական աղբյուրներում: Հիշատակություններ կան նաև ներմուծված ապակու վերաբերյալ Այսպես, Սմբատ Բագրատունի թագավորը արարամիրային նվիրում է բյուզանդական ծագում ունեցող գունավոր պապակներու մասին: Սատթեռու Ռուճայեցին հաղորդում է, որ հայոց Կատրանիդի թագուհին Հնդկաստանից բերել է տալիս շատ թանկ գնահատվող բյուզանդակայա մի շահ, որը զարգարում էր Անիի Կաթողիկե տաճարը:

Միջնադարյան Հայաստանի ապակեգործության հոչակավոր կենտրոններից էր Դվինը: Դվինի ապակեցինի ուսումնասիրությունը հնարավորություն է տալիս ոչ միայն առանձնացնել տեղական ապակեգործության նմանները, այլև պարզել նրա զարգացման պատճերը: Դվինում V—VI դդ. ապատական շինության պեղումների ժամանակ բացվել են ապակեգործական արհեստանոցի մնացորդները: Այստեղ մեծ քանակությամբ գտնվել են արագարական խոտան, լուսամտութ պապակինի ու զամարաների բեկորներ և այլն: Ապակու բարիական անալիքը ցուց է տվել օրսիդաքարի և դումիթի լայն կիրառություն բաղադրության մեջ: IX—XIII դդ. Դվինում գործում էին մի քանի արհեստանոցներ, որոնց արագարանը հատկանշվում էր ընորոշ գծերով, ոճական և տեխնոլոգիական առանձնահատկություններով, կապված ապակու տարրեր բաղադրությունների հետ:

Դվինի IX—XIII դդ. ապակուն ընորոշ է ալյումինի մեծ պարունակությունը Հավանաբար դա կապվում է տեղական հումքի հետ: Հայկական ապակու համեմատությունը վրացականի և մերձավորաբելյանի հետ ցուց է տալիս, որ վերջիններին մեջ շատ քիչ է ալյումինը:

Ապակի անոթների արտադրության վայրի որոշումը, հատկապես քիմիական անալիքի միջոցով, և լորջ դժվարությունը է ներկայացնում կապված արհեստափորների տեղափոխումների հետ մեկ երկրից մյուսը: Այդպիսի վկայություններ են պահպանվել Մեծավոր արեւելքի երկրներում բնակող արհեստավորների վերաբերյալ: Այդ վարպետները իրենց հետ բերում էին միայն ավանդությները, այլև հումքի հիմնական մասերը: Այդ պատճառով տարրեր երկներում գտնված ապակիների բաղադրամասերը իրար շատ նման են:

Արհեստավոր վարպետները, հմտորեն օգտագործելով հին ավանդությունները և տեղական հումքը, ստեղծել են բարձրարիկաստ առարկաներ: Ապակիները հաստատում են գրապահությունը կենցաղության վերաբերյալ: Հարաբերական առարկաները առաջանային անդամներների համար համարական առարկաները համար համարական առարկաները էին բերում և պահում իրենց տներում իրանի, Ասորիքի, Բյուզանդիայի հոգակալու ապակեգործ վարպետների պատճառով:

Դվինի VI—XIII դդ. ապակու ժողովածում իր մեջ ընդգրկում է այլ երկներից բերված հիանալի առարկաներ, որոնք հաստատում են հասակ ուղղագործությունները:

Դվինի պեղումներից գտնված ներմուծված ապակու ամենահին և լավագույն նմուշները պատկանում են Իրանի վարպետների արտադրանքին: Այդ առարկաները (հիմնականում կենցաղային) ներկայացված են տարրեր ձևերով, բայց պատրաստված և հարդարված են նույն տեխնիկայով: Դրանք հաստ կիսաթափանցիկ ապակի

թասեր են, որոնք կրում են տաշված տարրեր զարդեր (աղ. I—II): Նույն թասերից պատրաստված են նաև աղում, սակայն դրանք տարրերվում են իրենց մշակումով:

Ներմուծված անոթների հաջորդ խումբը ներկայացված է գլանաձև բաժակներով, որոնք Առաջավոր Ասիայում լայն տարածում ունեին IX—X դդ. (աղ. IV, VI—XIII, XIV, 3—9, 11—12): Մասնագիտական գրականության մեջ դրանք հայտնի են որպես իրաքի «արքայական արհեստանոցներ» արտադրանք (Բաղդադ, Սամանա) և արտահանելում էին: Նման բաժակները են գանվել Միջին Ասիայում (Աֆրասիար, Կուրդու թեփի, Ղարաբուղաղ), Հյուսիսային Կովկասում և նույնիսկ Հյուսիսային եվրոպայում (Թիրիկա—Շվեդիա): Որպես կանոն այդ բաժակները գտնվել են արբայսան դրամների հետ: Հնագիտական գրականության մեջ հայտնի, լայն տարածում ստացած այդ գլանաձև բաժակները կրում են բազմապիսի փորագիր զարդեր, կլոր բլթակներ, նշաններ և ոռոմբաձև զարդեր և այլն: Դվինի կենտրոնական թաղամասում վերջին տարիների պեղումներից գտնվել են նոր նյութեր, այդ թվում փորագիր զարդերով գլանաձև բաժակները: Դրանց մեջ ուշագրավ են 1977 թ. գտնված բուսական և երկրագիտական ճոխ դարձերով բաժակները (աղ. VII, VIII, X): Դրանցից մեկը կրում է արաբերեն՝ արձանագրության հատված՝ «Չուրբ-ը-Ճամակ» (աղ. XIII):

Դվինի ապակու ժողովածում կամ մի թա՞ւ՝ պասկի եղջին արարերին արձանագրությամբ: Դժբախտաբար թասը փշված է կաղապարի մեջ, որի պատճառով արձանագրությունը անընթեռների է, սակայն հնարավոր է քոփի գրով մոտավորապես ճշտել ժամանակը և պատրաստման վայրը՝ Հյուսիսային Միջազգետք, IX դար (աղ. XII):

Դվինից հայտնի ապակի անոթների խումբը ներկայացված է վերջին մասում լայնացող իրանով, համեմատաբար բարակ պատճերով, թափանցիկ ապակուց բաժակներով (աղ. XVI—XVIII): Բաժակների հարզարանքը հարուստ է դրանք կարելի է զամել թանկարծեք և հազարայում անընթեռների շարքը: Ապակու ժողովածումներում դրանք հազարեակ են հանդիպում: Նման բաժակները համանի են Սամառայից:

Միջազգային ապաբախիտանակության նմուշներ վաղող համարվում են հասա պատճերով փոքր սրբակները, որոնք մեծ քանակությամբ գտնվում են միջնադարյան քաղաքների և ամրոցների պեղումներից: Այդ սրվաները ունեն ամուր նստած հասակ և նեղ վիզ: Դրանք պատճառավոր էին կաղապարի մեջ և լուսուցիչ մշակվում սաղը վիճակում (աղ. XV): Այդ անոթները շատ հարմար էին անուշանու լուցեր և օժանելիք տեղափոխելու ու պահպանելու համար: Արգակների ձևերի, ապակու որպակի և հարդարանքի համեմատությունը ասորական և եղիպատական (Ֆուստատ) նույնա-

նման անոթների հետ մեզ համոզում է, որ դրանք կարմիկ է համարել ներմուծված: Հավանաբար աղբյուրներում այդ անոթներն են հիշատակվում, որոնք վաճառվում են Ասորիի և Եփիպտոսի շուկաներում դեղանյոթերի և անուշաճու յոտերի պահպանության համար: Անտարակսոսի է, որ ՀI—X դդ. Հայաստանը աշխալով առների մեջ էր հալիքաթի քաղաքների Բաղդադի, Սամանայի հետ և ապակի հիմնականում ներմուծվում էր այդ քաղաքներից: Անիի և Դիլինի նյութերը ցուց են տափակ, որ ներմուծումը շարունակվել է նաև XI—XII դարերում:

Դիլինի ժողովածուի մեջ կա երկկանթանի, անգույն, հաստ ապակուց սկահակ, որի ողջ մակերեսը պատած է խոշոր փորագիր զարդերով (աղ. V): Նման անոթների զուգահեռները շատ քիչ են: Մեզ հայտնի է մեկ անոթ կանաչ ապակուց, որը պահպանվում է Կորինթի ապակու թանգարանում (ԱՄՆ): Վերագրվում է IX—X դարերի իրանական արտադրանքին:

IX—X դդ. նյութերի մեջ հաճախ են հանդիպում սրվակներ և դրանց վկիրը (աղ. XX—XXI) պատրաստված են նիստավորման բարդ տեխնիկայով: Դիլինի ժողովածուում կա մեկ ամբողջական անոթ: Այդ անոթները հանդիպում են Առաջավոր Ասիայում, Սամասա, Ռիեյ, Նյուշապուշ, Քրիստիան Հնավայրերում: Հատկապես դրանք շատ են Միջին Ասիայի առևտրարինեստավորական նշանավոր քաղաքներից մեկում՝ նույնություն:

Դիլինի հավաքածուում առանձնանում է տանձած իրանուկ մի սափոր հասա բրուրեղապակուց (աղ. XIX): Անոթը հիշեցնում է մետաղական ձևերը, որոնք մասնավորապես հայտնի էին նախորդ դարաշրջաններից: Նույն անոթից գտնվել է նյուշապուհում (Բելլինի թանգարան): Երկու անոթներն էլ պատրաստված են միևնույն արհեստանոցում և թվագրվում են IX դարով:

Դիլինի կինտրոնական թաղամասի IX դարի շերտերի նյութերում առանձնանում է գումավոր ապակուց, նեղ բրանով ձևած մի անթ, որի իրանը նկարագրագիւծ է: Պահպանված է թունի, հավանաբար արծովի մի պատկեր, որը իր ճիրաններում պահում է զորհն: Պատկերների մեջ արլած է քոփի արձանագրություն, որը մաղթանք է: Գուգաշեներ այս անոթին չկան (աղ. XXVIII, XXVIII ա):

Այդ նույն հատվածում 1980 թ. գտնվել են երեք բաժակների բեկորներ բարակ թափանցիկ ապակուց, գումագրված և արձանագրություններով: (աղ. XXIII, 28, 29, XXIV, XXIV ա): Առաջին բաժակի իրանը նկարագրագիւծ է դեղին և դարչնագուն զուներով: Բուսական զարդի մեջ պատկերված է ինչ-որ ֆանտաստիկ կենանի: Ապակու վրա ներկով գրված է արձանագրություն, որը ընթերցվում է հատվածարար («Հանուն ալլահի... եղալու»): Երկրորդ բաժակից պահպանվել է բուսական զարդով փոքրիկ բեկոր, որի վրա պահպան-

վել է հինգ տառ՝ «...Նրանց մեջ ...»: Երբորդի զարդը բառապերթ ծաղիկներ են, թերթիրը արված կանաչը: Պասկ վրա արված արձանագրությունը նույնական կարգավում է հատվածարար:

Գունական բաժակների զուգահեռները քիչ են հանդիպում: Նման մի բաժակ ցուցարված է Մոսկվայի Գետական պատմական թանգարանում՝ «Ծորայի XIII—XIV դդ. առևտրական կապերը» ցուցաթեղիւում: Բաժակի գանձելու վայրը անհայտ է, թվագրությունը՝ ոչ ճիշտ: Ավելի մոտ զուգահեռները հայտնի են VIII—IX դդ. նյութերում (Ասորի, Եփիպտոս): Նույն նկարագրագրությունը բաժակ հայտնի է Մետրոպոլիտենի թանգարանի ֆոնդերից (ԱՄՆ), որը թվագրվում է IX դարով. գտնում են, որ ծագում է Եփիպտոսից:

Այս նույն խմբի մեջ է մտնում նաև ծալված շուրջով խորը թասը, որը պատրաստված է բարակ թափանցիկ ապակուց և նկարագրագրված է դեղին, շագանակագույն և կանաչ զուներով: Զարդը հորիզոնական չորս մասի է բաժակներում: Ամենավերևում արձանագրությունն է, երկրորդ գատին պատաժ է բառական զարդով՝ արձանագրությունն է: Չորրորդ գատին զարդարված է շեղանկունիներով և կետերով: Անոթի հատակին նույնական արձանագրությունն է և արեկ ու լուսնի խորդրովանշնը (աղ. XXV, XXV ա): Նույն ապակուց հայտնի է Դիլինի նախորդ տարերների պեղումներից, սակայն ինտոս բեկորացին են (աղ. XXVI, XXVII):

Ապակիների նկարագրագրան տեխնիկան ավանդաբար համարվում է եփիպտական արհեստանոցի արգասիք, IX դարից այս անցնում է Առաջավոր Ասիա և XI—XIII դդ. լայն տարածում է ստանում բյուզանդական և ասորական արհեստանոցներում: Այդ արհեստանոցներում, զենուա անտիկ շրջանից եփիպտական ավանդությունը արժնը (ՅԱՐԱ) զուգացում է ին ոսկու հետո: Այս տեխնիկայի զարգացման և կատարելագործման հետևանքով երկու հարյուրամյակում երեսն են գալիս առանձին դպրոց-արհեստանոցներ իրենց բնորոշ հատկանիշներով և գեղարվեստական ոճի առանձնահատկություններով: Առանձին զեպքրում ապակու նկարագրագրությունը հասնում է բարձրարվեստ արժարանքների մասն է կամ նյութը, բնորոշ գիծը ոչ թե անոթների ձևն է կամ նյութը, այլ գեղարվեստական ոճը, նկարագրագրման տեխնիկայի և հարդարանքի մաքրամասները: Արհեստանոցների մի մասը մասնագիտացված էր միայն նկարագրագրման ուղղությամբ, իսկ ապակի անոթները պատրաստվում էին այլ արհեստանոցներում: Այդ պատճենով էլ, ոչ թե անոթի ձևը, այլ հարդարանքի մասն է որոշում է նկարագրագրված անոթների պատրաստման կերպը: Ասորական քաղաքների մեջ Ռաքբան բոլորից շուտ յուրացրեց նկարագրված ապակու արտադրությունը: Այդ արհեստանոցների նկարագրագրման ոճը, ի տարբերություն Համասկոսի (XIII դ.), և հետագայում՝ Դամասկոսի (XIII դ.),

աշքի էր ընկնում իր ճռիտությամբ և ոսկու մեջ պարունակությամբ։ Դվինի կենտրոնական թաղամասում գրտերված նկարազարդված ապակիների ամբողջ խումբը թվագրվում է IX դարով և իր տեխնիկայով հցիցնում է ասորական արհեստանոցների արտադրված ապակին, մասնավորապես Ռաֆքալի հոչակված վարպետների արտադրանքը։

Մաքքան (նախկին Կալլնիկումը) գտնվում էր Նիբրաս գետի ափին և առաջապրասիական առևտորի կարևոր կենարուններից էր: Այն հայտնի էր շուկայով, արդեստավորական արտադրանքով, հատկապես ապահով արտադրությամբ:

Հսու հայիսական մղոնաշաղթի, առևտրական աշխուց ճանապարհներից մեկը անցնում էր Դվինից երուսա- ման, Միջերկրական ծով և ամռունում՝ Հյուսիսաստիքին Աֆրիկա: Այդ ուղին անցնում էր Հայուսատանի հարա- վային քաղաքներով՝ Մանազկեր, Խլաթ, Նիդրկերտ, Համեմիդի մոտ ուղիս Եր գալիս Տիգրիս գետը և Հաւե- պով ու Գամասկոսով շարունակվում էր գետի հարավ: Միջնադարում դա հայորդակցության կարևոր ուղինե- րից մեկն էր: Այդ ճանապարհով էին տարվում հավա- ած հարկեր Խալիֆաթի մայրաքաղաք Դամասկոս, անցնում էին զինվորական և դիվանագիտական շոկատ- ները, Մեքքա էին գնում մահմեդականները, երուսաղեմ՝ թրիստոնյանները: Այդ ճանապարհով մշտակես շարժ- վում էին առներական քարավանները: Միջազգային առևտրում այդ մարտունիքի շատ կարևոր դեր էր կատա- պատված և պահանջում իր նշանակությունը Արաբական Խալիֆաթի տիրապետության շրջանում (*VIII*—*IX* դդ.) և հնտապահ՝ *X*—*XIII* դարերում: Ճանապարհի վայ տե- ղադրված քաղաքների ներքին կյանքը բավականին կա- ռավական էր: Դրանք բաղմամարդ էին, բարեկարգ և ունեին ապ շուկաներ:

Դիմում և Անդում գտնվել են Խաքքայի (IX դ.), Հակեպի (XII դ.) և Գամակոսի (XIII—XIV դդ.) հըռ- ակված վարպետների ապակու արտադրանքի նմուշ- ները:

Հետաքրքիր էին Դվինից և Անդից գտնված բյու-
անդական ապակյա ի հրեթը: Այդ գտածոները մեծ նշա-
սկություն են ձեռք բրում ոչ միայն առտորական
ապակերի վերականցման համար, այլև հնարավորու-
թյուն են ընձեռության համար: Բյուզանդական արհես-
տային արտադրանքի, մասնավորապես ապակեգործու-
թյան պահպանին մահապահություն:

յա ապահովագութեան ապահովակը:

Դիմում գտնվել են մողաքի ապակու Հիանալի Թասեր և բեկորներ, որոնք Արևմտաքում, մասնավորապես Խոհայաց տարածում ունեին IX—X դդ.: Դրանցից երկուոր ոչ խորը թասեր են, պատրաստված միմյանցից (Հազարաթերթիկ) տեխնիկայով (աղ. XXIX, 37), ապակին հաստ է և խուր:

Թասերից մեկը գտնվել է միջնաբերդում XI դ. ոյուղանդական դրամների և կապույտ, թափանցիկ ա-

պակուց գլանաձև մի անոթի հետ, որի վրա արված են «թռչունի փետուր» անվանվող զարդը (աղ. XXXIII):

զրկաբայ ամենաշին վերարտագրությունը: Նրա հորի-
պոնական դիրքը, ձախ ձեռքով բռնելու ձևը, հնենելով
կպակին՝ բալմատյան երաժիշտներին հասուկ բնորոշ
կփծէ, այն զնապում, երբ Արևելքում աղջինավոր գոր-
ծիքները նվազելու ժամանակ բռնում էին ուղաճայաց
դիրքով:

Մասնագետների որոշմամբ աղեղնավոր գործիքները Արևմտաբռում հայտնի էին IX դարից: Անթիվ վրա պատտերված գործիքը պայմանականորեն կարելի է ջութակ անվանել, քանի որ այն շատ է տարրերվում ժամանակակից գործիքից: Զութակի իրանը ավելի լայն է, ուղիղ կամ կողմանակ կարճ և ունի երեք աղեղ, սակայն դեկայի վերջում վերաբարդրված է չորս ականց (КОЛОК):

ହ୍ରାକାନ୍ତମ, ମହ୍ନ ଅଯତନ୍ତ ତିନିନ୍ଦ୍ର ଦ୍ୱାରାମନାକାଳିଙ୍ଗ
ପ୍ରତିଷ୍ଠାକି ନିବାସିତିଥିବି ହାତପାଦ୍ଧିତ କରାରାଟାପରିପ୍ରକଟିତିମ;
ପିଲାକାନ କି ତିନିନ୍ଦ୍ରକାଳାନ ତପ୍ରଜାଳନକୁପାଇଁ ଅଜି ଅନନ୍ତରେ ପାଇଲାମ, ଏ ଯେତାମାତ୍ର

Անիի քաղմացի Հնագիտական պեղումները երևան
սերեցին քաղաքի առևտրարհեստավորական կարող
դերը Հյուսիսային Հայաստանի քաղաքների շարքում:
Ն. Մատի Կ նորա աշակերտների պեղումները ցուց տվեցին, որ Անիի առևտրական և արհեստավորական կյան-
քի կենտրոնն նոր քաղաքն էր, որն առաջացել էր միջ-
նաբերդի պաշտպանական պարիսպներից դուրս: Այն-
տեղ էին գտնվում առևտրական տները, շուկաները,
հյուրանոցները, որոնք տեղադրված էին միջնաբերդից
դեպի քաղաքային նոր պարիսպների (Մբատաշեն)՝
պիտի մուտքը ձգվող կենտրոնական փողոցի («Թում
փողոց») վրա: Այս փողոցի վրա գտնվում էին և այլ

բնուլիքի կառուցներ՝ և կեղեցիներ, մզկիթներ, բաղնիքներ և այլն:

Միջնադարյան այսպիսի խոչըր քաղաքներում, ինչպիսի Անին ու Դիլին էին, կենտրոնական շուկայից բացի կային նաև հատուկ մասնագիտացված փոքր շուկաներ Այսպես, Քեյ-Սուլթան Շեղադյանի 1198/9 թթ. արձանագրությամբ, Անիում բարեկի, բարեկի գոտովակի բրդավագի վաճառքը թուլատրում էր միայն Արուլ-Մարան մզկիթի հրապարակում: Քեյ-Սուլթանի հինգ Այրը՝ Արուլ-Սուլարը, որը Գվինի ամիրան էր և հարուստ վաճառական Անին կանիկի գումարով զնում է սելցուններից: Անիի բնակիչները աշխուզ առնետուր էին անում թյուղանդիայի հետ: Հայաստանի պետական պատմական թանգարանում պահպան է Անիի պեղումներից հայտնաբերված բյուզանդական ապակու մի փոքրիկ ժողովածու Ներմուծված ապակյա այս թանգարժեք առարկաները գտնվել են քաղաքի պալատական համալիրում, հարուստ քաղաքացիների տներում և տաճարներում:

Ժողովածում կան երկու ամբողջական անոթի, Մելքոն մուտ մանուշակագույն թափանցիկ ապակուց սրվակ է, ձգված իրանով, փոքր կոր հատակով և երկար գլուխ Այս գտնվել է 1907 թ. միջնաբերդի պալատի հանդիսարաններից մեկում (աղ. XLIII, 7): Երկրորդ անոթը կաթնագույն ապակուց ձարարձև զամպար է, իր վրա կրում է հորիզոնական շրջանաձև ակոսներ և կապտավուն ցայտեր (աղ. XLIII): Դրանք դրվում են հատուկ շրջանակի մեջ և կախվում շաճերից: Ժողովածուում կան երկու կիսագնաձև թասեր, բեկորներ, որոնք զարդարված են ոսկով, արծնով և նույնպես կարող են զարդարի մասեր լինել:

Պալատական համալիրում գտնված անոթների մեջ մեծ քանակություն են կազմում բյուզանդական կենտրոններից Ներմուծված ապակե անոթների բեկորները: Դրանք իրենց վրա կրում են արծնով և ոսկով արդարական, երկրաշափական և կենդանական տարբեր պատկիրներ (աղ. XLIII):

Այսպիսվ, Անիում և Դիլիում գտնված XI դարի վերջիշխալ ապակե անոթները, իրենց մեջ միավորում են այն բարոր հատկանիշները, որոնք հատուկ են բյուզանդական ապակեի գործարքական արհեստանոցներին: Դըրանք են մշակվածությունը, մոտիվները, ոճը, ոսկով և արծնով զարդարելու տեխնիկան և ալլն:

Թեև գրավոր աղբյուրների բազմաթիվ հիշատակություններ կան թյուղանդիայում ապակեգործության բարձր աստիճանի մասին, սակայն մինչև վերջերս շատ քիչ էին այն գտածները, որոնք ծագում էին այդ հսկայածավալ կամրության սահմաններից: Վերջինս պեղվել են ոսկով և արծնով գունազարդված ապակիների արտադրության արհեստանոցներ, որոնցից ամենամեծը ուսումնասիրված է Դավիթսոնի կողմից Կորընդուում:

Վերջին երկու տասնամյակներում բյուզանդական ապակի է հայտնաբերվել Հին Լաղոպայում, Նովգորոդում, Տուրովում, և երսննեսում Հատկապես հնատարբերական պատկե անոթներոց: Նման անոթներ հայտնի են Պաֆոս ամրոցից (Կիպրոս, Ա. Մեծությունի պեղումները), որոնք հարդարանագույն կ անոթների ձևով մոտ են նովգորովովի անոթներին: Այդ գտածոներով գիտությանը հայտնի դարձան լավ փաստագրված բյուզանդական ապակի անոթների առանձին ժողովածուներ: Բյուզանդական ապակու մասին գտածու էին մինչ այս գյուղը միայն ար Մարկոս տաճարում պահպան Կոստանդնուպոլիսից բերված միակ հայտնի սկահակով, Յուստատիաց օգիպուուսու գոնված մի քանի բեկորներով, որոնք հայտնաբերվել են արհեստանոցների ու առաջին ապակե պատրաստման տեխնիկայի նկարագրությունը XI դարում:

Ներկայումս վերը հիշատակված ապակու այս խըմբի անոթների առատության պայմաններում, կարելի է մակրամասն խօսել այդ առարկաների գեղարվեստական և տեխնիկական առանձնահատկությունների մասին, ճիշտ բնութագրել ունեն: բացահայտել բյուզանդական ապակեգործության տարբեր գաղտնաբերի արհեստանոցների ու տեղական պատրաստման տեխնիկայի նկարագրությունները:

Անիի կիսագնաձևն թասերն իրենց զուգահեռները ունեն Հին Լաղոպայից, նովգորովուրկից և Կիպրոսից գտնված նյութերում: Դիլինի շութագնարի պատկերով սրվակը շատ ընդհանուր գծեր ունի Կորնթոսի արտադրանքի հետ: Հնարավոր է, որ նովգորովուրկի և Կիպրոսի անոթները պատրաստված լինեն մեկ արհեստանոցում:

Բյուզանդական ապակե անոթների, դրամների հետ մեկտեղ, հնարավորություն են ընձեռում որոշել առերարական ուղիները և կայսերական առևտորի տարածման արեալը:

Խազարների պետության մայրաքաղաք Սարգիս պեղամաների ժամանակ գտնված ապակե ապարանջանների ժանգեցիներ են հնատագրի դիտողությունների այդ առաջարքի առաջարական կապերի մասին: X-XI դարերու Սև ապակուց պատրաստված ապարանջանները Սարգիս են բերվել Անդրկոլիկասի քաղաք-ներից՝ հիմնականում Դիլինից, այն գեղագում, երբ նկարագրված և մողակի ապարանջանները ծագում են հերսունեսի և Կորնթոսի բյուզանդական արհեստանոցներից:

Միջնադարյան մղոնաշաղկերում հիշատակվում են դեպի հյուսիս ընթացող և երկու ճանապարհ: Մեկը Դիլինից, Բանիի գրալով, Աղոտե-Հունան գետի կիբուզով գետի Թիֆլու, Մյուսը՝ Անիից կորիով Դմանիս: Վրաստանից Հայաստան էր ներմուծվում Խեցեղեն առարկաներ և ապակե անոթների: Հարկ է նշել, որ Վրաստանում IX-XIII դդ. ապակեգործությունը ամենատարածված

և զարգացած արհեստներից մեկն էր: Պեղումների արդյունքները ցուց են տալիս բազմաթիվ ապակեգործական արհեստանոցների առկայության, որի բարձրութակ արտադրանքը իրացվում էր ներքին շուկայում և արտահանվում Հարևան երկներ:

Դվինի նյութերում գտնվում է թափանցիկ ապակոց, բարձր ուսքավ մի հիմնալիք զավաթ, զարդարված վերադիր, նորրե թելորով և գեղին ու կարմրագրչնագույն կոճակներով (աղ. XL). Ինչպես հայտնի է, նման անոթներ պատրաստվել են Ռուսթավիում:

Ուշագրավ են անոթների երկու բեկորներ, նկարագրպակած տարրեր գույնի էմալով (աղ. XXVII, 16, 17): Դրանց մոտ գուգահեններ հայտնի են վրացական Օրբելի քաղաքի ապակեգործական արհեստանոցների նյութերում: Վրացական ծագում ունեն նաև Դվինում գտնված մուգ-դեղին ապակոց երկու թասեր:

XIII դարի 30-ական թվականներին Հայաստանին ժամանակ հարված հասցեին մոնղոլները, Հետագա դարե-

րում Հայաստանն անընդմեջ պատերազմների թատերաբեմ էր, որի հետևանքով երկրը ապրեց քաղաքական և տնտեսական անկում, ավերվեցին ծաղկուն քաղաքները և զավառները: Սկսվում է քաղաքային բնակչության՝ արհեստավորների և առևտրականների զանգվածային արտագաղթը երկրից:

Միշին և Առաջալուր Ասիայում ստեղծված քաղաքական իրազրության նոր պայմաններում, մշշազգային առևտրում սկսեցին կարևոր դեր խաղալ Թուրքմենիայից Խորեզմ, Ուկի Հորդալիք քաղաքներով գեպի թալիթիկ ծով տանող Հյուսիսային ճանապարհները, որը նույնպես ծանր հետևանքներ ունեցավ Հայկական քաղաքների համար:

Առևտուրը հիմնականում կենտրոնացավ Հայկական գաղթավայրերում, որոնք ստեղծվեցին Դերբենդում, Տրապիզոնում, Ղրիմում, Հյուսիսային Կովկասում, Լվովում և ալյով, որոնք գտնվում էին առևտրական ուղիների վրա:

- I. Կիսագեղածն թառ տաշված զարդերով; Դվին,
VI—VII դդ.:
- II. Կիսագեղածն թասի բեկոր տաշված խորը բըլ-
թակերով; Դվին, V—VII դդ.:
- III. Տանձածն սրվակ և տանկյունածն վերագիր զար-
դերով; Դվին, VI—VII դդ.:
- IV. Բաժակ տաշված բլազմակերով; Դվին, IX դ.:
- V. Երկանիանի անոթի բեկորներ, փորագիր զար-
դերով; Դվին, IX—X դդ.:
- VI—XIV. Փորագիր տարբեր զարդերով հասու պատերով
բաժակեր, Դվին, IX դ.:
- VX. Քառակող սրվակներ, փորագիր զարդերով; Դվին,
VIII—IX դդ.:
- XVI—XXIII. Բաժակներ բարակ պատերով, փորագիր զար-
դերով; Դվին, IX—X դդ.:
- XIX. Մեկ կանթանի տանձածն սափոր փորագիր զար-
դերով; Դվին, IX դ.:
- XX. Կոնակն վրայ խորը սափոր, Դվին, IX—X դդ.:
- XXI. Նույնատիպ սափորների վզեր, Դվին, IX—X դդ.:
- XXII. Բարձրարանակ փորագրութամբ (1,2) զար-
դառուն կազմաքար ճեղ փլված թասեր (3—
5), Դվին, IX դ.:
- XXIII—XXV. Նկարագար բաժակներ, բուսական, երկարա-
փական զարդերով և արաբերնե արձանա-
գործամբ; Դվին, IX դ.:
- XXVII—XXVIII a Նկարագար ծվածն սրվակ, կապույտ; Դվին,
IX դ.:
- XXIV. Մոզակ ապակոց թասերի (1,2) և փետրածն
զարդերով հասու պատերով սրվակների բե-
կորներ (3,4); Դվին, V—IX (?) դդ.:
- XXX—XXXI. Կակալի ծառ ունեցող բաժակներ; Դվին, IX դ.:
- XXXII. Գլանձածն մեծ բաժոկ զարդարված կապույտ
թելազգերով, Դվին, IX դ.:
- XXXIII. Սպիտակով նկարագարդված փոքր սափոր
Դվին, X—XI դդ.:
- XXXIV. Մանուշակագույն ապակուց անոթ; Դվին, X—
XI դդ.:
- XXXV. Նկարագար սրվակի բեկորներ, չութակահարի
պատկերով, Դվին, XI դ.:
- XXXVI. Նկարագար բաժակի բեկորներ; Դվին, X—XI դդ.:
- XXXVII—XL. Վերագիր ապակեթելերով և կաթիկներով զար-
դառած սափորներ և զավաթ; Դվին, XII—
XIII դդ.:
- XL1. Դրոշմած կանթեր և կշռաշաբեր, Դվին, VIII—
IX դդ.:
- XLII. Ջագորած զամպար; Անի ?, V—VII դդ.:
- XLIII—XLIV. Նկարագար տարբեր անոթների բեկորներ;
Անի, XII—XIII դդ.:
- XLV. Տանձած իրակու անոթ, ներսում՝ քառականի
սրվակի Դանի, XIII—XIV դդ.:
- XLVI. Մոզակ ապակոց կղաքարը և բյուզանդա-
կան էրգագիաներ (2); Դվին, V—VII դդ.:
- XLVII. Կամի կերպարութեր և բրոնզ կղաքար (7);
Դվին, V—VII դդ.:
- XLVIII. Սասակւան և բյուզանդական արծաթե դրամներ;
Դվին, V—VII դդ.:
- XLIX. Կորալով նկարագարդված հախճապակե թա-
սեր, Դվին, IX դ.:
- L. Ծողուն հախճապակի, իունագարդ Դվին, IX դ.:
- Ծողուն հախճապակի անոթներ; Դվին, XII—
LI—LII. XIII դդ.:

TRADE RELATIONS OF MEDIEVAL ARMENIA IN THE VI—XIII TH CENTURIES
(According to glass-work data)

H. M. DJANPOLADIAN, A. A. KALANTARIAN

Armenia, due to its geographical position, played an important political and economic role in Western Asia. During the formation of feudalism and its development and especially with an increase in the production of goods, Armenian's economic relations with various countries, expanded. Strategic and important trade routes connecting the East and the West, the North and the South lay through the Armenian highlands. To a certain extent the development of the historical-cultural life of the land was also connected with international transit trade, the direction of trade routes and the degree to which they were used. Armenians actively participated in that trade, exporting agricultural and animal products, natural mineral wealth and especially craftware of good taste.

From Western Asia, Byzantium, the Far East and the North, Armenia imported spices, aromatic oils, Chinese silk, furs, various goods of daily use, among them pottery and glassware.

Glassworking was well developed in Western Asia and in Byzantium during the Middle Ages; thus it was quite natural for it to become a means of exchange in international trade. That fact became evident during excavations at Ani and Dvin, the largest Armenian cities. Although Armenia was known for its goods used in trade, one of the more important being glassware, yet glass vessels from the famous workshops of Egypt, Syria, Iran and Byzantium, comprised a considerable part of imported goods. The main aim of this work is to present those articles and thus, by using different methods, complete as much as possible and verify Armenian's trade-economical relations with different countries.

Home trade in early medieval Armenian cities was relatively less developed and less active when compared with foreign trade. It was in the IV c. that urban life received a strong blow when Shapuh II attacked the land, when trade and crafts stood on the brink of destruction; much time and a new upsurge in urban life was needed to restore them. Some information on home trade has been preserved in church canons. One of these canons strictly forbade

the clergy to indulge in trade, since it was considered an occupation for laymen.

Armenia, being between two great powers, Iran and Byzantium, was a centre of international transit trade. In the Justnian code, the emperor's edict of 408—9, spoke of a pact concluded between the Byzantine empire and Sassanian Iran, according to which international trade exchange was permitted in Western Asia at only three places formerly decided upon: at Nizibin (Iran), at Gallinicum (Racca on the Euphrates, Byzantium), at Artashat (Armenia). In later centuries the role of the latter was taken on by Dvin, not far from Artashat.

The main trade routes of this region of Armenia are given in the map called *tabula peulingeriane*. According to that map Artashat, and after the V c. Dvin, were connected by main routes to seaports in Iran, Asia Minor, Georgia, and the northern and eastern shores of the Black Sea. It also shows the "royal road", the Artashat—Tigranakert segment a part of the "Great Silk Route" from China.

All cities on main trade routes, along with the capitals took active part in international trade. Theodosiopolis (Karin) and Vagharshapat differed in this respect.

From the V c. Dvin, the last capital of the Arsacids, founded in the 30's of the IV c., became a large centre of transit trade. Later it was the seat of Armenian marzpans, Arab ostikan (governors), of Mohammedan emirs and for 400 years, the residence of the catholicos

Dvin was one of the largest cultural and economic centres of Armenia. This is what the historian Procopius of Caesaria wrote in the VI c. "Dvin" (Dubois) has very fertile land; it has a mild climate and fine water. It is eight hours from Theodosiopolis. There the fields are level, suitable for horse riding. Well-populated villages close to each other are populated by tradesmen, since from India, from neighbouring Georgia and many places under Parsian and even Roman rule, goods are brought here to trade with...".

According to itineraries compiled by Anania Shirakatsi in the VII c., five trade routes lay in different directions out of Dvin. The Northern route went from Dvin to Partav and Derbend to eastern Europe. The Western route Asia Minor to Constantinople; the South-western road through Racca to Africa; the south-eastern to Nakhichevan, Tizbon, the Persian Gulf and the eastern to Paytakaran, the Caspian Sea and Middle Asia. Medieval Armenian itineraries show trade routes more extensively, not limiting themselves to only administrative centres. Another important trade route from India via Baktria, the southern shores of the Caspian Sea to Transcaucasia (Nakhichevan, Dvin, Shirak) is mentioned by Shirakatsi in another of his works. Jewels and other goods were imported on this route.

The infiltration of the Nestorians into Armenia for reasons of trade is particularly interesting. They came from Khuzistan, a large trade and handicraft centre in Sassanian Iran.

The Nestorians played an important role in Iran. Living in Armenia, they, therefore, organized their own community in Dvin and actively traded. Evidently, Syrians also had their trade communities in Dvin; they were a trade-loving people of the Near East and the Mediterranean basin. Archaeological finds are evidence of these communities; especially the seals, some stamps of which are not Armenian in origin.

Interesting material on the organization of trade in early medieval Armenia, is given by clay sealing bearing impressions of different seals, found at Dvin /tab. XLVII, 1-6/. They were used to ratify state documents, correspondence and also to stamp bales for trade. There were both stamps and personal stamps. Forty—one sealings were found at Dvin, some of them having as many as twenty stamps. Numerous impressions of the same stamp on various sealings lead to the conclusion that in medieval Armenia, merchants had their own organizations, necessary for long journeys by caravan and for foreign trade arrangements.

Numismatic material, especially monetary treasures /tab. XLVIII/ are particularly significant in studying and clarifying trade relations. The earliest coin in circulation at Dvin V—VII cc. was the Sasanian silver drachma, the basic unit of payment in Western Asia.

In Dvin coins of mints from thirty Iranian cities were in circulation in the VI c., besides which Byzantine copper and silver coins, gold dinars referred to in written sources, have been found during excava-

tions there. The discovery of coins vividly reflects international trade between the East and the West passing through Armenia.

Glass and bronze weights found at Dvin are most interesting from the point of view of trade—monetary relations existing between Armenia and Byzantium. Glass seals, of which bore the letter Z and two others bearing the letter N, used to weigh gold coins, so-called exagiums /tab. XLVI, 79/ whose weight (4.52, 4.52, and 4.40 gms) is equal to the weight (nomisma) of one gold Byzantine coin. The bronze weights are of 2 and 12 nomisma, with corresponding symbols /tab. XLVII, 7/. Fundamental changes in the monetary system used in Armenia were not observed during the initial period of Arab domination (end of VII-1st half of VIII cc.). It was only in the second half of the VIII c. that coins of the caliphate appeared and Armenia began to use the general monetary system of the Arab caliphate.

The economic decline of Armenia during Arab domination (end of VII-beginning of VIII cc.) influenced transit trade as well. In spite of certain conditions leading to extensive ties with various regions of the caliphate, Armenia, during that period, lost its position in international trade. In the initial period, trade relations between the East and Asia Minor came to an end, because of continual wars with the Byzantine empire. The breaking off of transit trade also had its influence on Armenian cities; it was a period of economic decline, and those cities became military-administrative centres. However, Dvin continued to be a main city, the capital and to a certain extent Theodosiopolis, about whose craftware Arab chronologists (Yakut, Yakubi and others) speak with high praise. In spite of limitations, foreign trade was conducted with different countries within the caliphate. There were trade relations with the Khazars.

Arab itineraries were compiled to help Arab soldiers and officials. They are in great detail giving all stops and the distances covered in one day. All the roads would finally meet at administrative centres in the northern region of the Arab caliphate such as Dvin, Partev, Maraga, Ardebil. Naturally enough, besides troops, tax collectors and trade caravans also passed along those roads.

Dvin began to mint its own coins from the first half of the VIII c. which along with other Arab dirhems were widely circulated in international markets, among them Armenia, then a province of the Arabian caliphate. Coins minted in Armenia may be found in the monetary treasures of European

countries—Sweden, Finland, Denmark (IX—X cc.). Similar coins have been found in Old Ladoga, Novgorod, Kiev, Moscow, and Ryazan.

In the VIII—X cc. monetary units of adjacent cities and states (Iran, Syria, Thabaristan, Fars, Nishapur, Merv, Herat, Bukhara, Samarkand, etc.) were circulated in Armenia, an evidence of the extensive trade relations with those countries. Coins of Baghdad and Rayy were widespread. In Armenia copper coins were mainly used in home trade.

In the countries of the Caliphate, among them Armenia of IX c., there began a brisk increase in the forces of production and economic progress. That development finally brought about the formation of feudal cities, an increase in the production of goods, the separation of crafts from agriculture and the growth in home and foreign trade.

The political situation changed in Western Asia too in the IX c. The formerly mighty Arabian Caliphate began to decline. The weakening of the central Abbasian power made it possible to activate political life in outlying semi-independent principalities. In northern Armenia, the Bagratid feudal family whose political aims were very definite, received sovereignty and the royal crown. The Bagratid kings wanted to regulate the economic life of the country. First of all trade-diplomatic relations with adjacent countries were put into order. The first step in this respect was the trade agreement with the Byzantine empire at the end of the IX c., according to which Armenian merchants could trade at Black Sea ports (Trebizond, Sinope, etc.). Armenian itineraries till that agreement, pointed out Armenia as the only land route, connecting Asia Minor with the capital of the empire. That route went via Karin, Yerzinka, Konia, Amasia to Constantinople and then on to Rome.

Thus at the end of the X c. and the beginning of the XI c. towns on the new route began to flourish and prosper. Contemporaries spoke with delight of the untold riches received at these cities from such sea—land trade.

As a result of brisk trade with Byzantium, a large quantity of Byzantine gold coins flowed into Armenia; being more stable currency, it gradually replaced the Arab dirhem. Byzantine gold coins found during excavations at Dvin were of Constantinople coinage.

After the fall of the Bagratids (1045) and with Seljuk invasions (1048), there was a temporary economic decline in Armenia. The political and economic life of Armenians was centered in Cilicia

where in the XI c. the Armenian kingdom was established. It played an important role in Western Asia for three centuries. Armenians, with their seaports and land routes, took an active part in trade between the East and the West. There existed ties between Armenia and Mohammedan countries in the East. Cilician coins and craftware found at different sites are proof of this.

In the XII c. a new rise in the economy of Armenia and growth of cities was noted. Large centres of trade and handicrafts in the XIII c. were such Armenian cities as Dvin, Ani, Karin, Kars, etc. Archaeological excavations at Ani and Dvin as well as written sources give evidence of the brisk trade with various countries. Outstanding among those are the fine porcelain objects from central Iran (Rayy, Kashan, Sultanabad), seladon of Chinese origin, Syrian glassware, etc. Precious stones, gold, spices and other goods were imported from the East.

Due to an increase in trade with Georgia in the XII c. large number of Georgian coins flowed into Armenia. Copper coins of Tamara and Rusudan were often found. Armenian-Georgian relations were the outcome of political events after the liberation of part of Armenia, the result of the political-military cooperation of these two peoples. The Zakarians were at the head of that movement.

The basic trade laws of Medieval Armenia are reflected in Mkhitar Gosh's code of laws. Many clauses of this XII c. code of laws reflect conditions which existed in the land in early times and traditionally passed on to the period of feudalism. The same thing may be said about the organization of trade.

Urban trade in the land was the privilege of the supreme sovereign and was supervised by the supreme power. Feudal lords controlled local trade; they supervised it both in cities and other settlements. Among the duties of the feudal lords was the establishing of measures and weights for goods sold. All throughout the state a uniform system of taxation was enforced. It was collected at the place of trade along with the sale of imported goods.

Home and international trade had to have its organization—a market. Among big trade institutions of the Middle Ages were market-fairs, which took place at previously designated places and times. The fairs had local and international significance.

As a rule, in large cities there were, beside the main market, many smaller markets, each specializing in the sale of a particular type of agricultural product or craftware.

Merchant organizations conducted their work locally. Generally, people, from the same city, of the same nationality and faith lived in a particular part of the city or settlement, basically outside the city walls. There, they had places to stop at, storage facilities and could hire watchmen.

If trade with a given city was conducted regularly, the more important trade settlements were transformed to permanent living quarters for merchants, thus organizing trade communities. To ensure the needs of merchants and caravans, special dwellings for caravans and inns were built on mountain paths. In cities too, inns were built for travelling merchants.

A few such constructions have been excavated at Ani. Two of them, the largest and more richly furnished, were located in the centre of the city, not far from "Main Street", near the central gates.

In one of the urban districts of Dvin, a large public building has been partly excavated, which was probably the central market of the town. That construction with its 36 columns (4 rows) is a fine example of early medieval monumental architecture.

Excavations at medieval monuments afford rich material to help in clarifying a number of problems concerning Armenian foreign trade. Artistic pottery and glassware stand out among the material found in Ani and Dvin. There is a collection of rare examples of local and imported glass vessels, which in respect to quantity have great historical value, widen our concept of glassworking in the IX—XIII cc. in Transcaucasia and Western Asia.

Glassworking in Armenia has very deep roots. Very early examples of glassware exist from the II—I millennium B. C., found in tombs and Urartian monuments. Glassworking reached a high level of development in ancient times (Garni, Artashat).

Medieval glassworking continued the best traditions of ancient production. This is evidenced by early medieval glass objects found at Dvin, Hatzavan, Aygevan, Garni.

Armenian and foreign sources give us much information on the development of glassworking in Armenia. First among them is Agathangelos' description of the life of Hripsimé. It contains much reference to different articles and glass vessels. In medieval Armenian manuscripts, interesting information has been preserved on the composition of glass. Armenia was rich in sources of raw material for glass. Much valuable material on that subject may be found in Byzantine and Arab sources. Metal-
tion is also made of imported glass. Thus king

Simbat Bagratuni presented the Arab emir with a coloured glass vessel, Byzantine in origin. Matheos Urhayetzi says that Katranidé, the Armenian queen, had a very expensive crystal torch brought from India for the Kathoghiké church in Ani.

Dvin was the famous centre of glassworking in medieval Armenia. The study of Dvin glass not only makes it possible to differentiate articles of local glasswork, but also to understand its development. In Dvin remains of a V—VI cc. glassworking furnace were revealed during diggings for a palace construction. Large quantities of leftovers were found there, glass panes for windows, pieces of lamps, etc. The chemical analysis of glass showed the extensive use of obsidian rocks and dolomite in the compound. In the IX—XIII cc. there were a number of workshops in Dvin whose products differed in characteristic features, style and technique, connected with different compositions of glass.

A large aluminium content is characteristic of Dvin glass of the IX—XIII cc. and is probably connected with local raw material. A comparison of Armenian glass with that of Georgia and the Near East, shows that the latter contain very little aluminium.

To determine where glassware was produced, especially by means of chemical analysis presents much difficulty, since craftsmen migrated from one country to another. There is such evidence concerning craftsmen who lived in Near Eastern countries. Those craftsmen brought with them not only traditions but also the basic part of the raw material used. That explains why components of glass found in different countries are similar.

Master craftsmen skillfully using old traditions and local raw material, created highly artistic objects of high quality. Glassware occupied a firm place in the life of city folk. Even though high-grade glassware could be found in Dvin, people, especially the upper strata, would get and collect in their homes aesthetically fine glassware made by famous masters of glassworking of Iran, Syria, Byzantium.

The collection of glassware in Dvin in VI—XIII cc. included wonderful objects brought from those countries, a fact confirming and outlining trade routes.

The oldest and best samples of imported glassware found during excavations at Dvin are products of Iranian masters. Those objects (mostly of everyday use) are varied in shape but have been prepared and ornamented by common techniques. There are thick, semi-transparent glass bowls on

which there are polished facets of diverse figures /tab. I-II, XIV, 1, 2/. Similar bowls were prepared locally, yet they were different in manner of execution.

The next group of imported vessels are thick-walled, conical cups, widespread in Western Asia in IX-X cc. /tab. IV, VI-XIII, XIV, 3-9, 11, 12/. In literature they are called products of the "Abbasian workshops" of Iraq (Baghdad, Samarra) and used for export. Similar cups have been found over a very large territory: in Middle Asia (Afrasiab, Kuldor-tepe, Karabulagh); in the north Caucasus and even in northern Europe (Birka, Sweden). As a rule such cups were found along with Abbasian coins. These conical cups, well-known in archaeological literature and territorially wide-spread have various facets, ornaments, circular facets, almond-shaped and rhombic facets, etc. Recent excavations at central Dvin, have yielded new material, among them conical cups with polished facets. Outstanding among them are those found in 1977 richly decorated with vegetative and geometric designs /tab. VII-VIII, X/. One of them bears part of an Arabic inscription /tab. XIII/.

There is a bowl in the Dvin glass collection with Arabic inscription along the lip. Unfortunately the bowl was mold-blown, and the inscription is illegible; however the time and place where it was prepared (Northern Mesopotamia IX c.) may be correctly discerned by means of Kufa letters /tab. XII/.

The next group of glass vessels from Dvin, are cups with a body widening in the upper part, comparatively thin walls of transparent glass /tab. XVI-XVIII/. They are richly ornamented and may be classified with rare, valuable glassware. They are rarely found in glass collections. Such cups are known to be from Samarra.

Small, thick-walled flasks have long been known as articles of international trade-barter; large quantities of such flasks have been found during excavations of medieval cities and fortresses. Those flasks have a firm base and a narrow neck. They were molded and then worked up when cold /tab. XV/. Those vessels were very convenient for keeping and transporting aromatic oils and perfumes. A comparison of the shapes, quality of glass and ornamentation of those flasks with similar vessels of Syrian and Egyptian origin (Fostal) convinces us that they were imported. Those vessels are mentioned in references, as being sold in Syrian and Egyptian markets for medicaments and aromatic oils. No doubt

in the IX-X cc. Armenia traded extensively with Caliphate cities Bagdad, Samarra and glass was basically imported from there. Material from Dvin and Ani show that such imports also continued in the XI-XII cc.

In the Dvin collection there is a two-handled vase, made of thick colourless glass. The entire surface is covered with large facets /tab. V/. Parallel vessels are very few in number. We know of one vessel of green glass, at the Corning Glass Museum (USA); it is thought to be Iranian glass of IX-X cc.

Flasks and their necks /tab. XX-XXI/ are often found in IX-X cc. material, made according to complicated glass cutting techniques. There is one such complete vessel in the Dvin collection. Similar vessels may be found over an extensive territory, in Western Asia, Samarra, Rayy, Nishapur, Afrasiab. They are found in great numbers especially in Khubuk, trade-craft centre of Middle Asia.

There is a thick, pear-shaped crystal jug which stands out in the Dvin collection. It is reminiscent of previous eras when metallic forms were known. Another one of the same vessel was found in Nishapur (Berlin Museum). Both vessels were prepared at the same workshop and are dated IX c.

Among material found in the IX c. layer of the central part of Dvin, a coloured-glass vessel stands out having a narrow oval lip and an ornamented body. A bird, probably an eagle, holding the victim in its claws, has been preserved. There is a Kufa inscription, a wish, among the pictures. Parallel vessels do not exist /tab. XXVIII, XXVIIIa/.

In that same place in 1980 fragments of three cups were found of thin transparent glass with coloured ornaments and inscriptions /tab. XXIII, 28, 29, XXIV, XXIVa/. The body of the first cup is decorated in yellow and brown. The vegetative design there includes a kind of fantastic animal. An inscription has been painted on the glass. Of the second cup only a small fragment with vegetative designs has been preserved. The ornament of the third cup consists of four-petaled flowers, the petals being green. The inscription on the lip may be read in part.

Similar copies of these coloured cups are not often found. There is a similar cup on display at the Moscow State Historical Museum in the showcase "Trade Relations of the Golden Horde XIII-XIV cc.". The place where the cup was found is not known, while the date is incorrect. More similar copies of the VIII-IX cc. are known in material found in Syria and Egypt. There is a cup decorated

in the same manner in the Metropolitan Museum fund (USA) dated IX c. and is believed to have originated in Egypt.

A deep bowl with folded lips is included in this same group; it is made of thin transparent glass and decorated in yellow, brown and green. The decoration is divided into four horizontal parts. The uppermost is an inscription, the second consists of vegetative design, the third is an inscription; while the fourth is decorated with rhombes and dots. There is another inscription at the bottom of the vessel with symbols of the Sun and the Moon /tab. XXV, XXVa/.

The same kind of glassware is to be found in Dvin excavations of previous years, though they are strictly fragments /tab. XXVI, XXVII/.

The technique of cut glass is traditionally considered the product of an Egyptian workshop; in the IX c. it spread to Western Asia and in XI—XIII cc. it was widely used in Byzantine and Syrian workshops. In the 200 years of development and perfection this technique, many separate schools—workshops appeared with characteristic features and aesthetic styles. Among Syrian cities it was Racca that first produced cut glass. The style of decorating used at those workshops, differing from those workshops, differing from those of Aleppo (XII c.) and later Damascus (XIII c.), stands out for its richness and its greater use of gold. The entire group of painted glassware found in the central part of Dvin are of the IX c. and from the point of view of technique. They remind one of glassware produced in Syrian workshops, especially the famous masters of Racca.

According to Armenian itineraries, one of the busiest trade routes went from Dvin to Jerusalem, the Mediterranean Sea and then on to North Africa. That route lay near the south Armenian cities of Manazkert, Khlat, Nprkert near Hamid, then to the river Tigris and then south through Aleppo and Damascus. It was one of the important extensively used of the Middle Ages. It was on that route that tributes collected were taken to Damascus, the capital of the Caliphate; military and diplomatic detachments moved, and Mohammedans went to Mecca and Christians to Jerucalem. There was a continual flow of trade caravans on this road. In international trade this main road played a very important role and maintained its significance during the Arab caliphate (VIII—IX cc.) and in later years (X—XIII cc.). Life in the cities on that road

was quite stable. They were well-populated, well-built and fine markets.

At both Dvin and Ani glass objects made by famous masters of Racca (IX c.), Aleppo (XII c.) and Damascus (XIII—XIV cc.) were found.

The Byzantine glass finds at Dvin and Ani are very interesting. They have great significance not only in restoring trade relations but also make it possible to study Byzantine craft, especially the development of glassworking.

Fine bowls of mosaic and such fragments have been found at Dvin, which were widely known in the West, mostly in Italy in the IX—X cc. Two of them are shallow bowls made by the «millefior» method /tab. XXIX, 37/, the glass is thick and frosted. One of the bowls was found in the citadel along with XI c. Byzantine coins and with a blue, transparent glass vessel conical in shape on which there is an ornament called "bird feather" /tab. XXXIII/.

In 1953 in one of the citadel rooms in Dvin a blue flask of thin glass was found, the entire surface decorated with gold and yellow, green and red enamel. The vessel has a conical body, a thin neck and circular base. On the body of the vessel there are four small and large circular medallions, with pictures of people and animals in the centre. One of the medallions shows a man sitting crosslegged with a violin in his hand. The rest of the surface of this vessel is covered with various animal, vegetative and geometric designs. The flask is a rare sample of the high-grade objects made by Byzantine glass workers.

This is the oldest picture of a violin. Its horizontal position, held by the left hand and leaning against the jaw, is characteristic of western musicians, while in the East stringed instruments were held in a vertical position, when played.

According to specialists, stringed instruments were used in the West from the IX c. The violin pictured on this vessel may be called a kind of violin since it differs greatly from modern instruments. The waist of the violin is wider, its finger-board is short and has three strings, although there are four pegs at the end of the board.

In reality, it is a rare reproduction of a prototype of the modern violin. In respect to style and technique this vessel may be dated as belonging to the XI c.

Many years of archaeological excavations at Ani revealed the city's significance in trade and crafts among the cities of Northern Armenia. Exca-

vations by N. Marr and his followers showed that the centre of trade and crafts of Ani was the new city which grew outside the defensive walls of the citadel. It was there that trade houses, markets, inns were located, that is on the "Main Street" which led from the citadel to the main entrance of the new city gates (Smbatashen). On this street there were other types of buildings too, such as churches, mosques, bath-houses, etc.

Ani residents conducted a brisk trade with Byzantium. There is a small collection of Byzantine glass finds during excavations by N. Marr at the State Historical Museum of Armenia. These valuable objects of imported glass were found in the palace complex of the city, where the houses and temples of rich townsfolk were located.

There are two complete objects in this collection. One of them is a flask of dark lavender transparent glass, with an extended body, a small, round base and a high neck. It was found in 1907 in one of the courtrooms of the citadel palace /tab. XLIII, 7/. The second object is of milky-coloured glass funnel-shaped lamp, on which there are horizontal circular furrows and bluish drops /tab. XLII/. They were inserted into special frames and suspended from chandeliers. There are two semi-spherical bowls and fragments in the collection, ornamented with gold and enamel that could have served as parts of a lamp.

Among those finds in the palace complex there is a large number of fragments of glass vessels imported from Byzantine centres. There are many pictures on them, of vegetative, geometric and animal design, of gold and enamel /tab. XLIII/.

Thus all the above mentioned glass objects found at Ani and Dvin in the XI c., have all the features characteristic of Byzantine glassworking workshops. They are well worked out in motifs, styles, in technique of gold and enamel decorations, etc.

Although there are many references in written sources to the high level of Byzantine glassworking, till very recently there were very few finds which had originated within the limits of that widespread empire. Lately workshops were found where glassware had been decorated with gold and enamel the largest of them being that studied by Davidson in Corinth.

In the last two decades Byzantine glassware has been found in Old Ladoga, Novgorod, Turovo, Khersones. Byzantine glass finds of Novogrudok are particularly interesting.

Objects from the fortress of Pafos (Cyprus, A. Megaus excavations) are similar in decoration and form to Novogrudok vessels. Thus a whole series of well-described Byzantine glass became known. If formerly fine crystals were judged by the well-known flask of Constantinople now at St. Mark's in Venice, a few fragments found at Fostat (Egypt) confirmed the Theophile treatise on the description of the technique used in preparing coloured glass XI c.

Since at present there are large numbers of objects of this group of glassware described, it is possible to speak in detail of their aesthetic features and techniques used, correctly define the style and, in specific cases, give characteristic features of different schools and workshops of Byzantine glassworking and of local ones.

The Ani semi-spherical bowls have their parallels in finds at Old Ladoga, Novogrudok and Cyprus. The Dvin flask with the picture of the violinist has much in common with products from Corinth. It is very likely that the vessels from Novogrudok and Cyprus were prepared at the same workshop.

Byzantine glass together with coins help to clarify trade routes and Byzantine empire trade areas.

Glass bracelets found during excavations at Sarkel, the capital of the Khazar state, have led to interesting observations on trade relations of that city X—XI cc. Black glass bracelets were brought to Sarkel from Transcaucasian cities, mainly Dvin, while ornamented and mosaic bracelets originated at Byzantine workshops in Khersones and Corinth.

Medieval itineraries mention two other routes northward: one from Dvin, via Bdjni, along the ravine of the Aghstev-Hunani River to Tiflis; the other from Ani via Lori to Dmanis, importing pottery and glass objects from Georgia to Armenia.

It must be mentioned that glassworking was one of the most widely-spread, developed crafts in Georgia in the IX—XIII cc. Excavations have shown the existence of many glass workshops, whose products of fine quality were sold at home markets and imported to adjacent countries.

There is a wonderful Transparent glass cup with high feet in the Dvin material, decorated with overlay glass threads and yellow and reddish-brown buttons /tab. XL/. It is known that similar objects were made at Rustavi.

Two fragments of vessels decorated with enamel of different colours are most interesting /tab. XXVII, 16, 17/. Parallels have been found in mate-

rial belonging to the glass workshops of Orbeti in Georgia. Also of Georgian origin are the two dark yellow glass bowls found at Dvin.

Armenia was given a heavy blow in the 30's of the XIII c. by Mongolian invasions. In later centuries, Armenia was a continuous battlefield, as a result of which it declined politically and economically; formerly prospering cities and provinces were destroyed. The urban population, craftsmen and merchants began to migrate from the land in great numbers.

As a result of the new political situation in Middle Asia and Western Asia, an important role in international trade was played by the Northern routes from Khorezm in Turkmenia via cities of the Golden Horde to the Baltic Sea. This, in its turn, had a negative influence on Armenian cities.

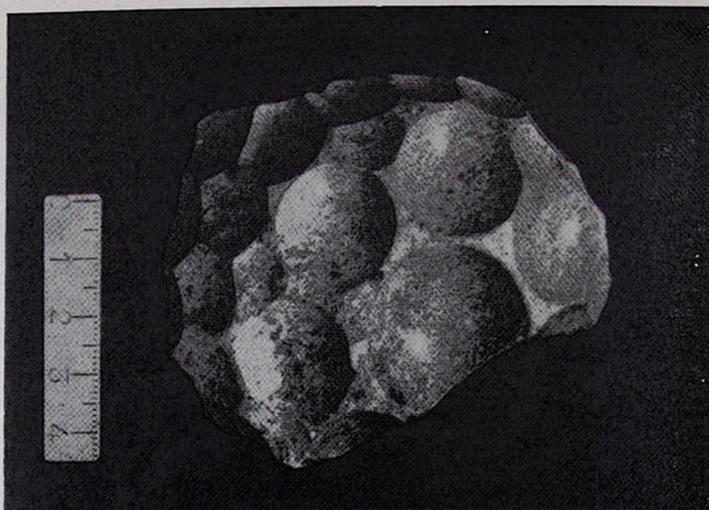
Trade was mainly conducted in Armenian communities established in Derbend, Trebizond, the Crimea, Northern Caucasus, Lvov, Podolsk and elsewhere on trade routes.

LIST OF TABLES

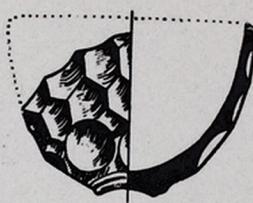
- I. Semi-spherical bowl with facets, Dvin, IV—VII cc.
- II. Fragment of semi-spherical bowl with deep facets, Dvin, V—VII cc.
- III. Pear-shaped flask, triangular overlay ornament, Dvin, VI—VII cc.
- IV. Cup with polished facets, Dvin, IX c.
- V. Fragment of a two-handled vessel, engraved ornaments, Dvin, IX—X cc.
- VI—XIV. Engraved ornaments on thick-walled cups, Dvin, IX c.
- XV. Four-sided flasks with engraved ornaments, Dvin, XVIII—X cc.
- XVI—XVIII. Cups, thin-walled, with engraved ornaments, Dvin, IX—X cc.
- XIX. Jug, pear-shaped, one-handled with engraved ornaments, Dvin, IX c.
- XX. Large jug with conical neck, Dvin, IX—X cc.
- ~~XXI.~~ Some kinds jugs, necks, Dvin, IX—X cc.
- XXII. Relief bowls /1, 2/, blown in decorated molds /3—5/, Dvin, IX c.
- XXIII—XXVII. Cups decorated with vegetative and geometric designs and Arabic inscriptions, Dvin, IX c.
- XXVIII—XXVIIIa Decorated oval flask, blue, Dvin, IX c.
- XXIX. Bowls of mosaic glass /1, 2/.
- Fragments of flasks, thick-walled, feather ornaments, Dvin, V—IX cc.
- XXX—XXXI. Tulip-shaped cups, Dvin, IX c.
- XXXII. Large conical cup ornamented with blue "threads", Dvin, IX c.
- XXXIII. Small jug with white designs, Dvin, I—XI cc.
- XXXIV. Vessel of lavender glass, Dvin, X—XI cc.
- XXXV. Fragments of decorated flask, with picture of violinist, Dvin, X—XI cc.
- XXXVI. Fragments of decorated cups, Dvin, X—XI cc.
- XXXVII—XL. Jugs and cup with overlay "threads" and "drops", Dvin, XII—XIII cc.
- XLI. Stamped handles and weights, Dvin VIII—IX cc.
- XLII. Funnel-shaped lamps, Ani (?), V—VII cc.
- XLIII—XLIV. Fragments of various ornamented vessels, Ani, XII—XIII cc.
- XLV. Pear-shaped vessel, interior four-handled flask, Garni, XIII—XIV cc.
- XLVI. Weights of mosaic glass and Byzantine exagions /2/, Dvin, V—VII cc.
- XLVII. Clay stamps and bronze weights /7/, Dvin, V—VII cc.
- XLVIII. Silver coins, Sassanian and Byzantine, Dvin, V—VII cc.
- XLIX. Faience bowls, decorated with cobalt, Dvin, IX c.
- L. Lustrous faience, bird design, Dvin, IX c.
- LI—LII. Lustrous faience vessels, Dvin, XII—XIII cc.

ТАБЛИЦЫ
ԱԴՅՈՒՍԱԿՆԵՐ
TABLES

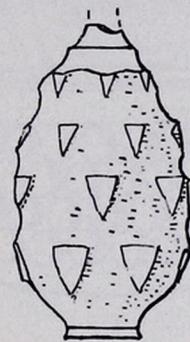
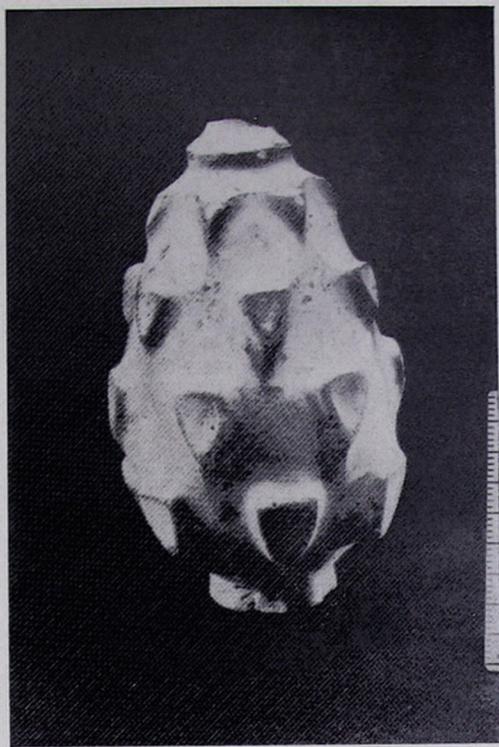

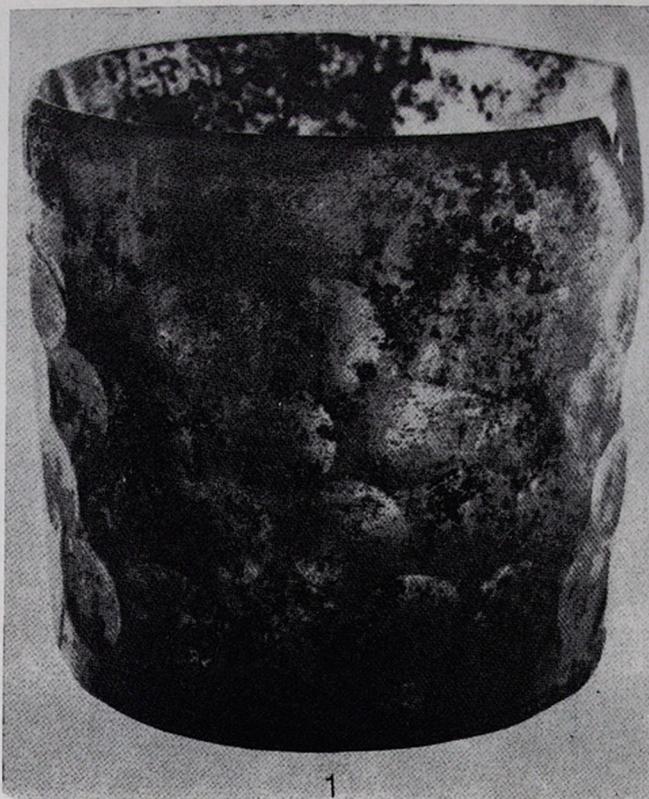
1

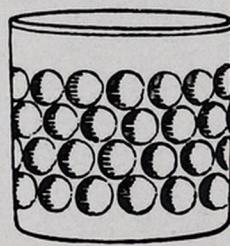
2

2

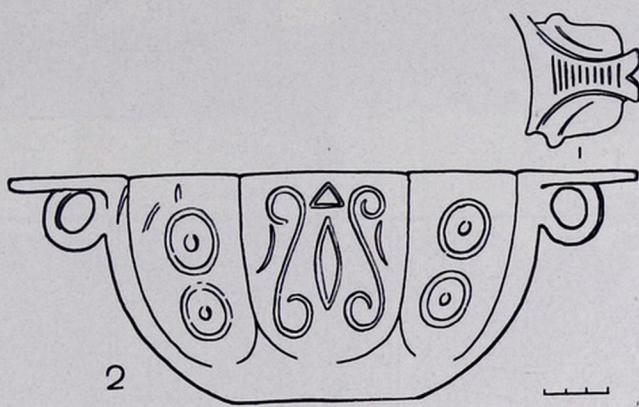
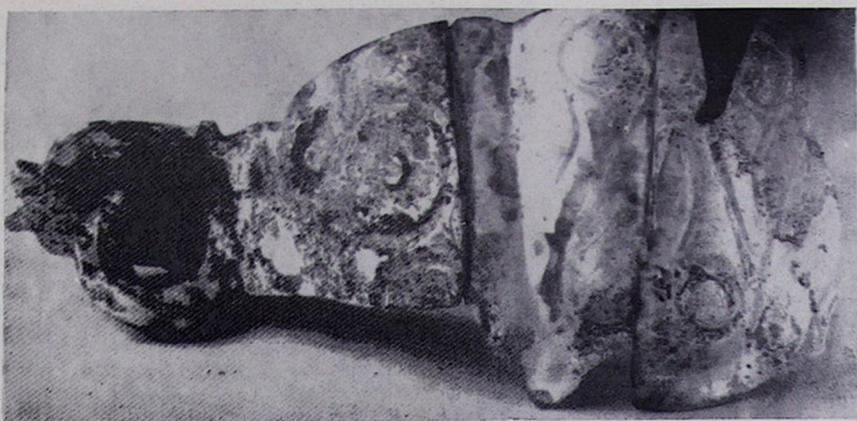

1

0—?

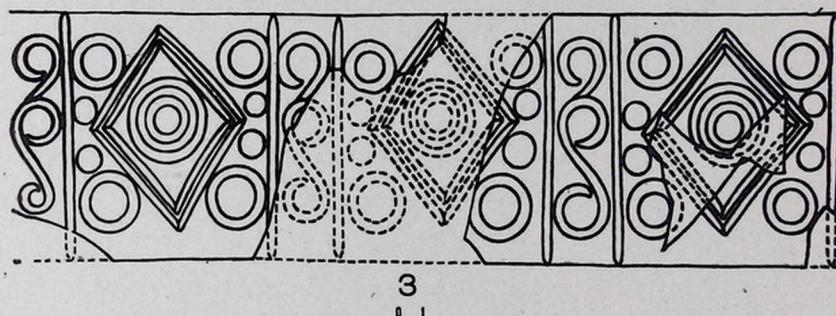
2

1

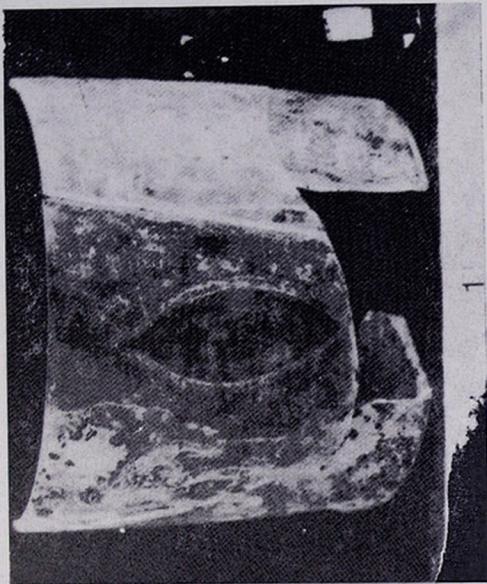
2

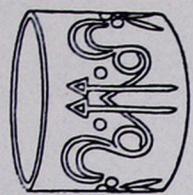
1

2

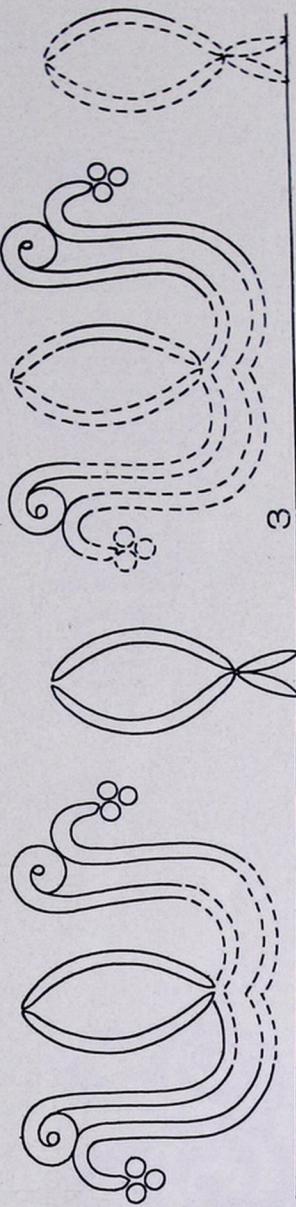
3

1

2

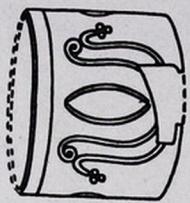

3

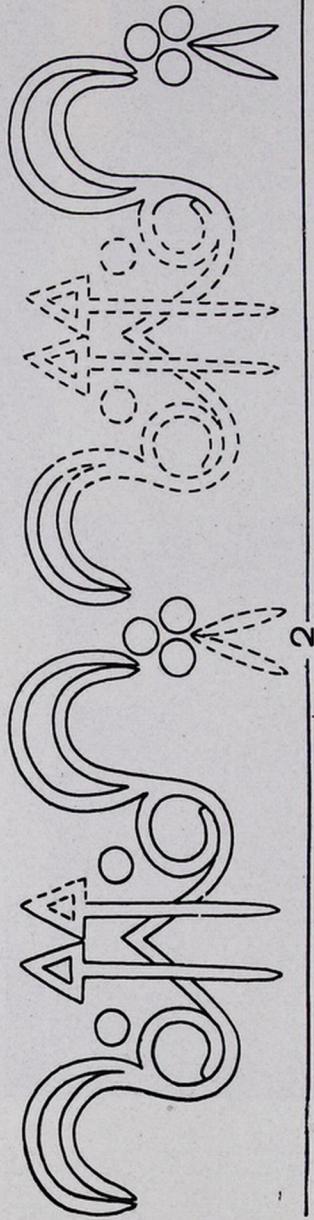
3

3

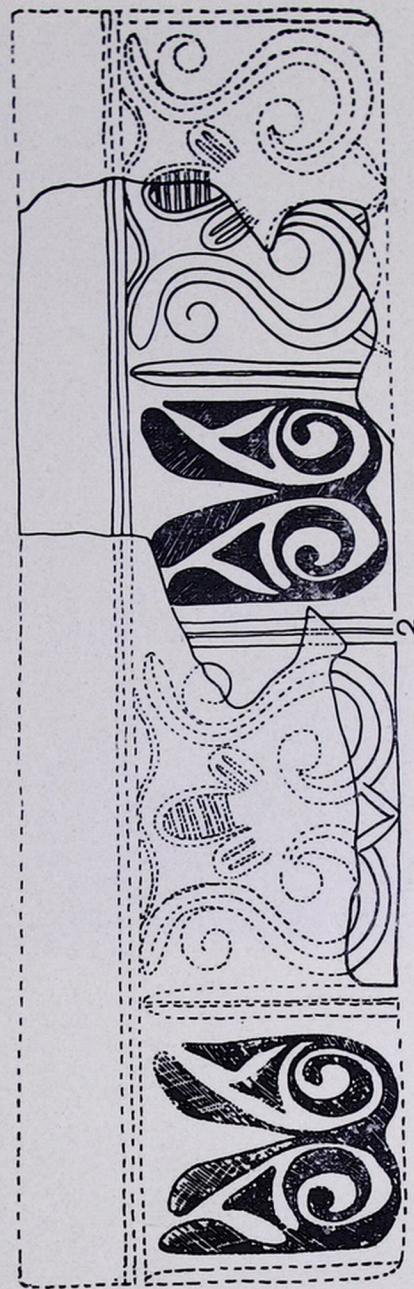
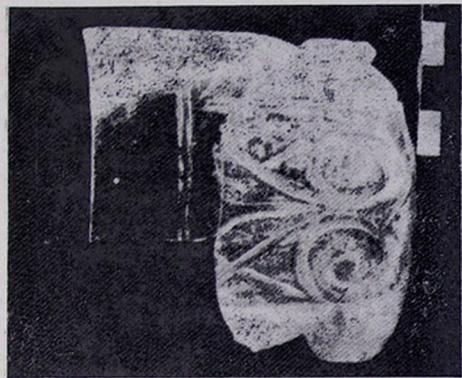
3

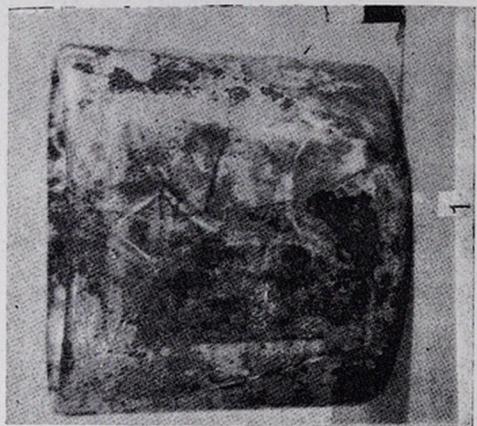
1

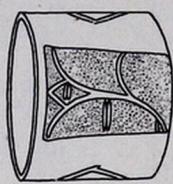
2

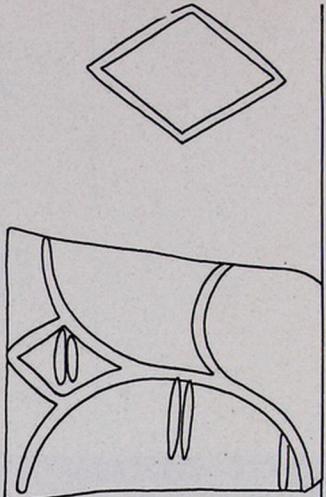
X

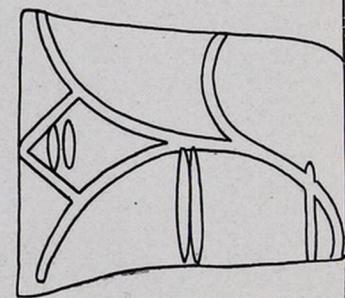
1

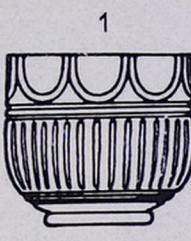

2

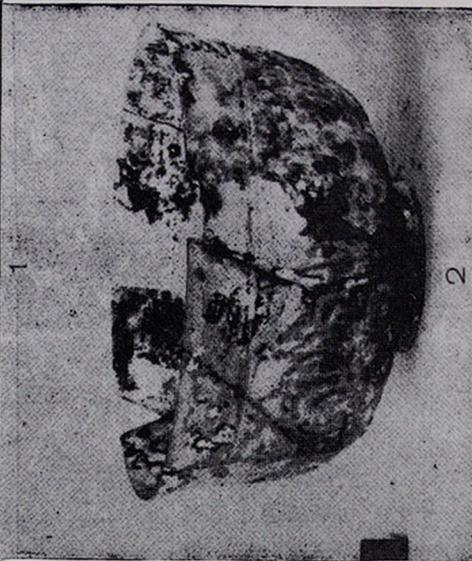
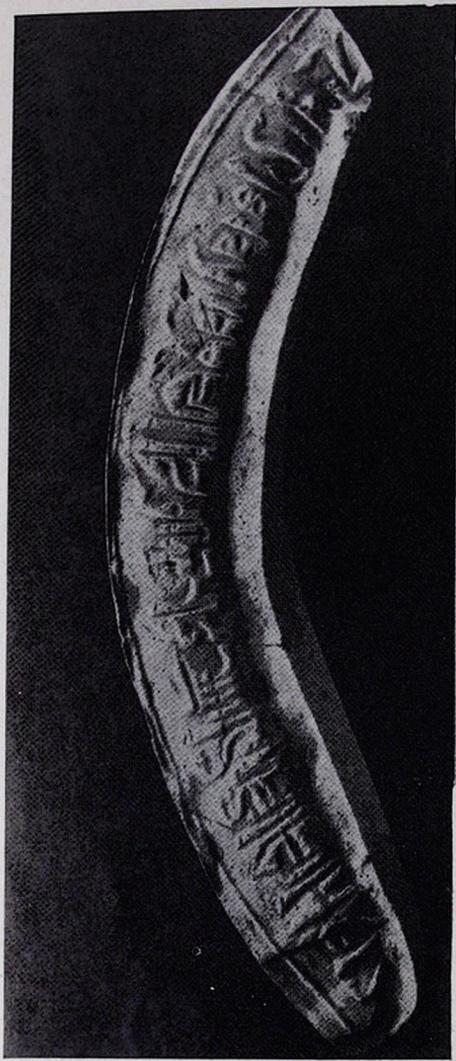
3

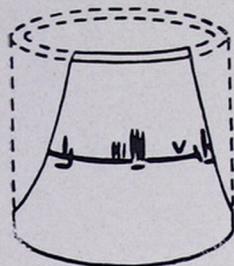

0 — 2

2

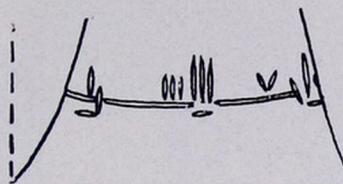

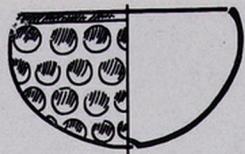

1

2

3

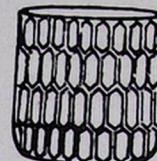

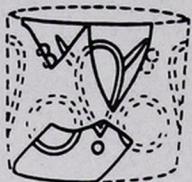
1

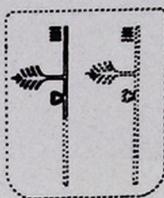
2

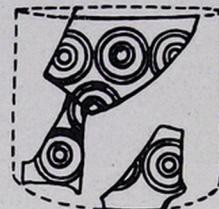
0
1
2

0
2

4

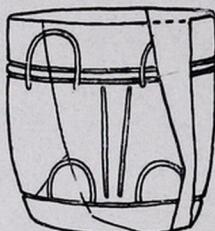

5

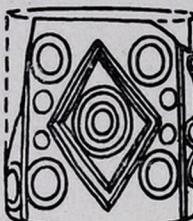

0
1
2

6

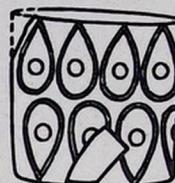

7

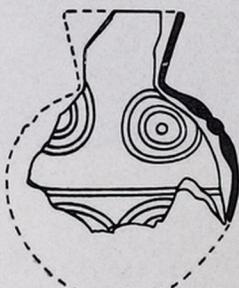

0
1
2

8

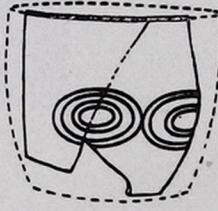

9

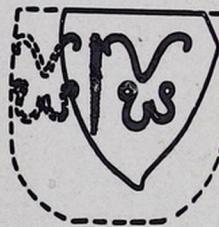
0
1
2

10

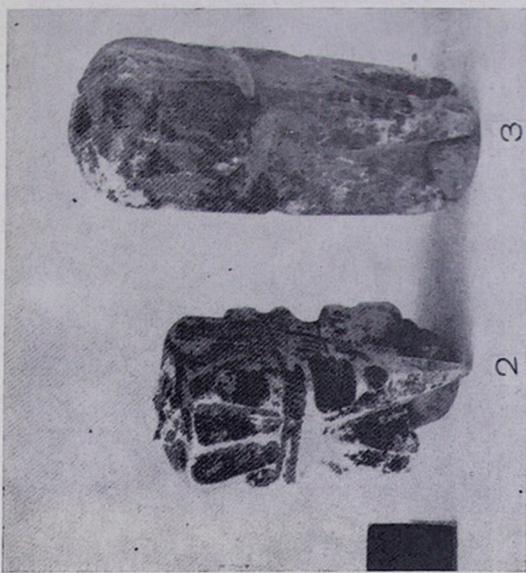
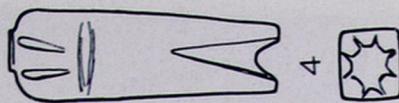
0
1
2

11

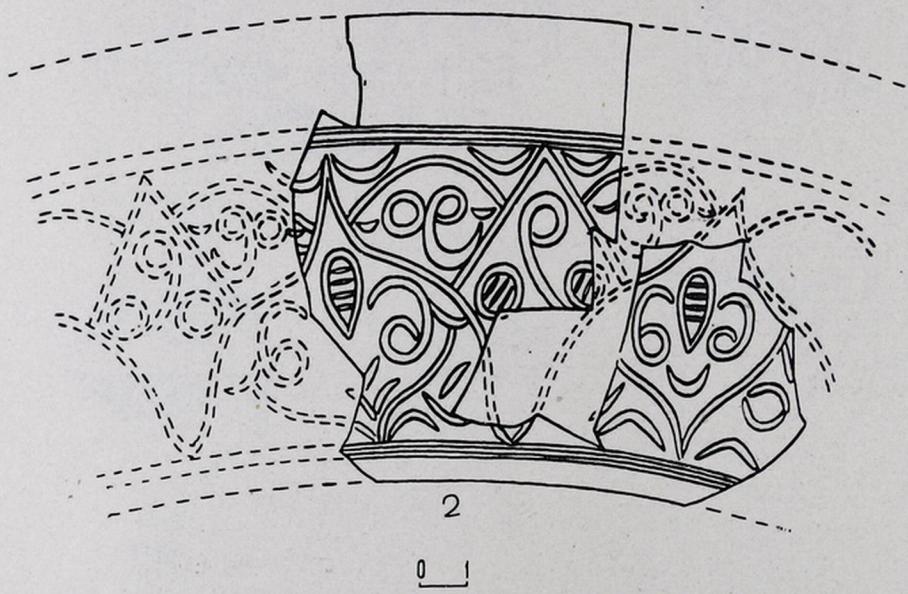
0
1
2

12

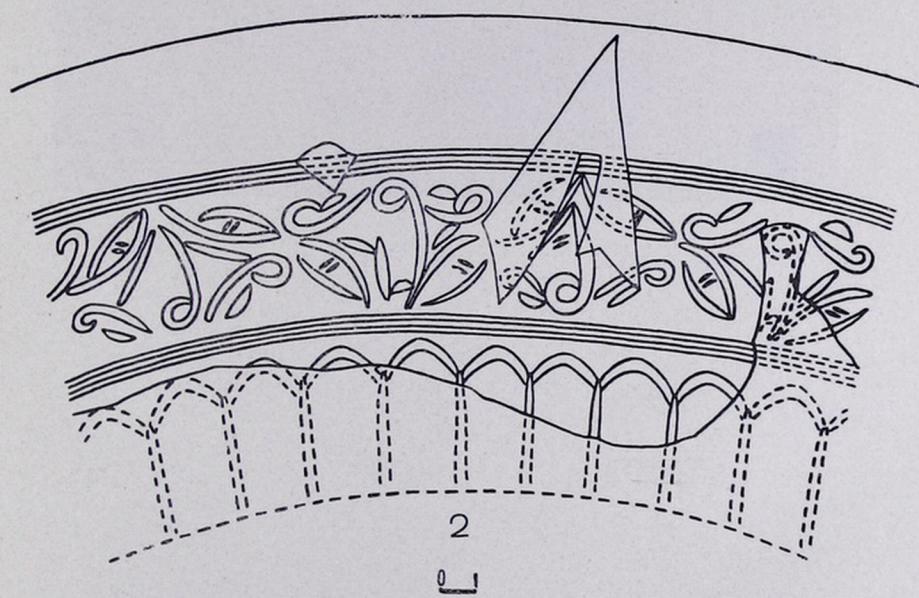

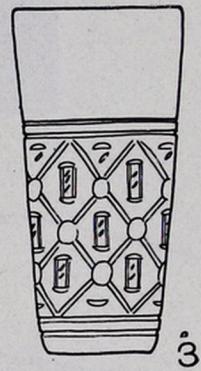
1

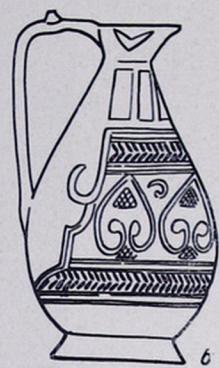

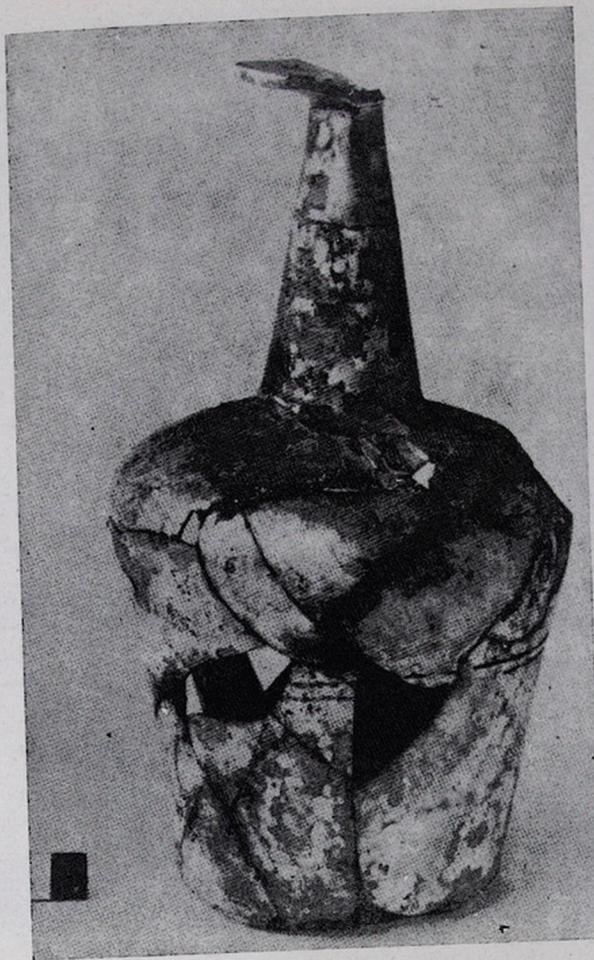

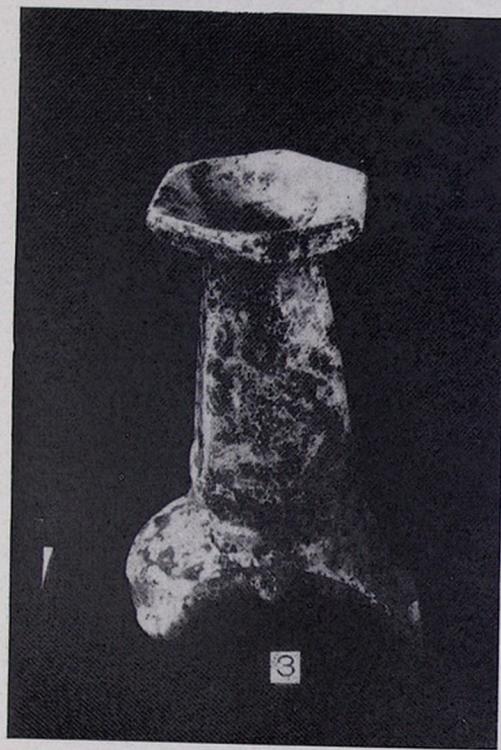
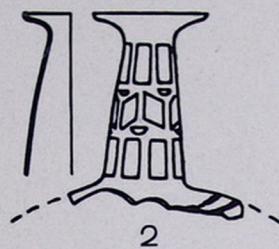
1

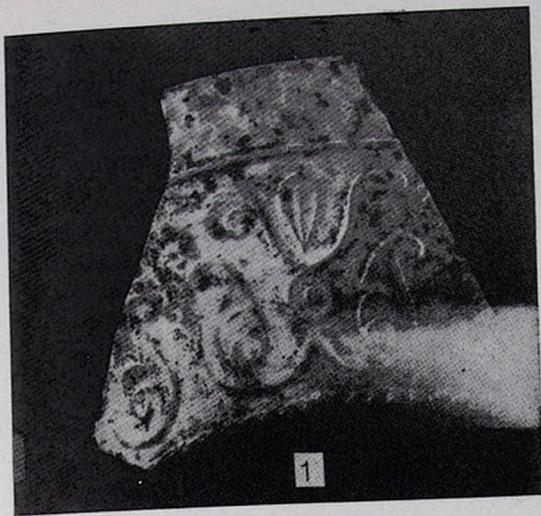

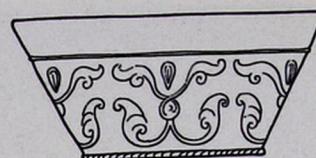

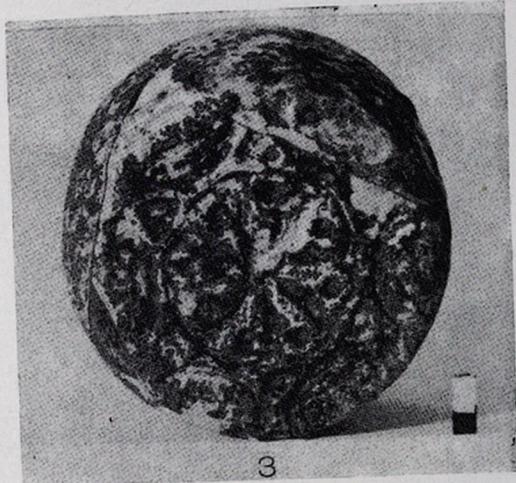
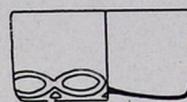

1

2

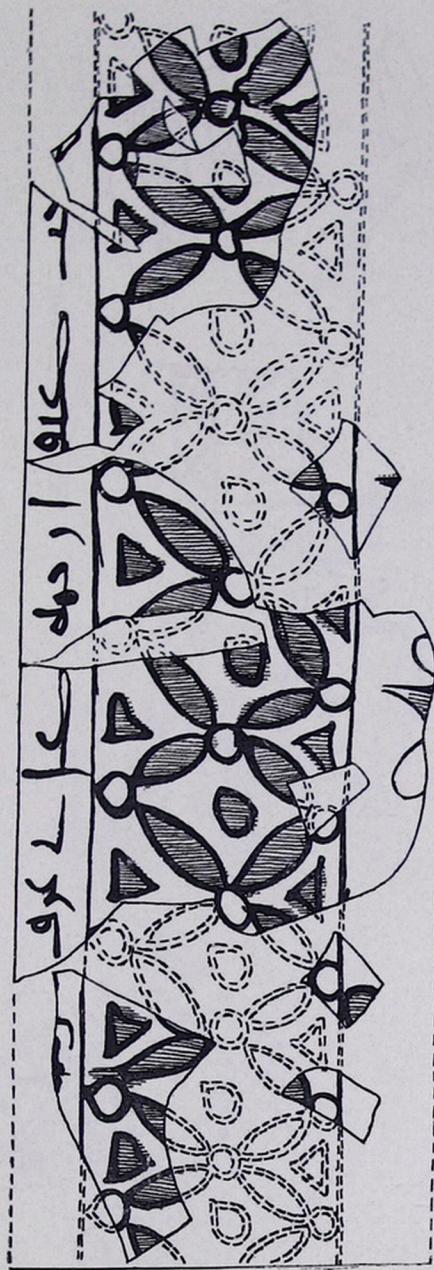
3

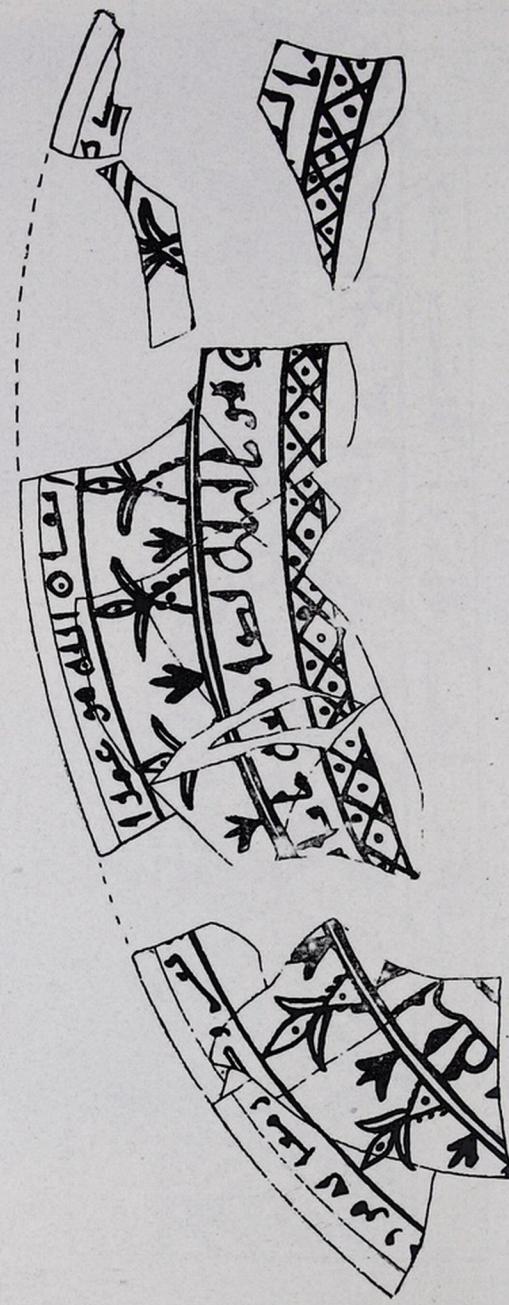

4

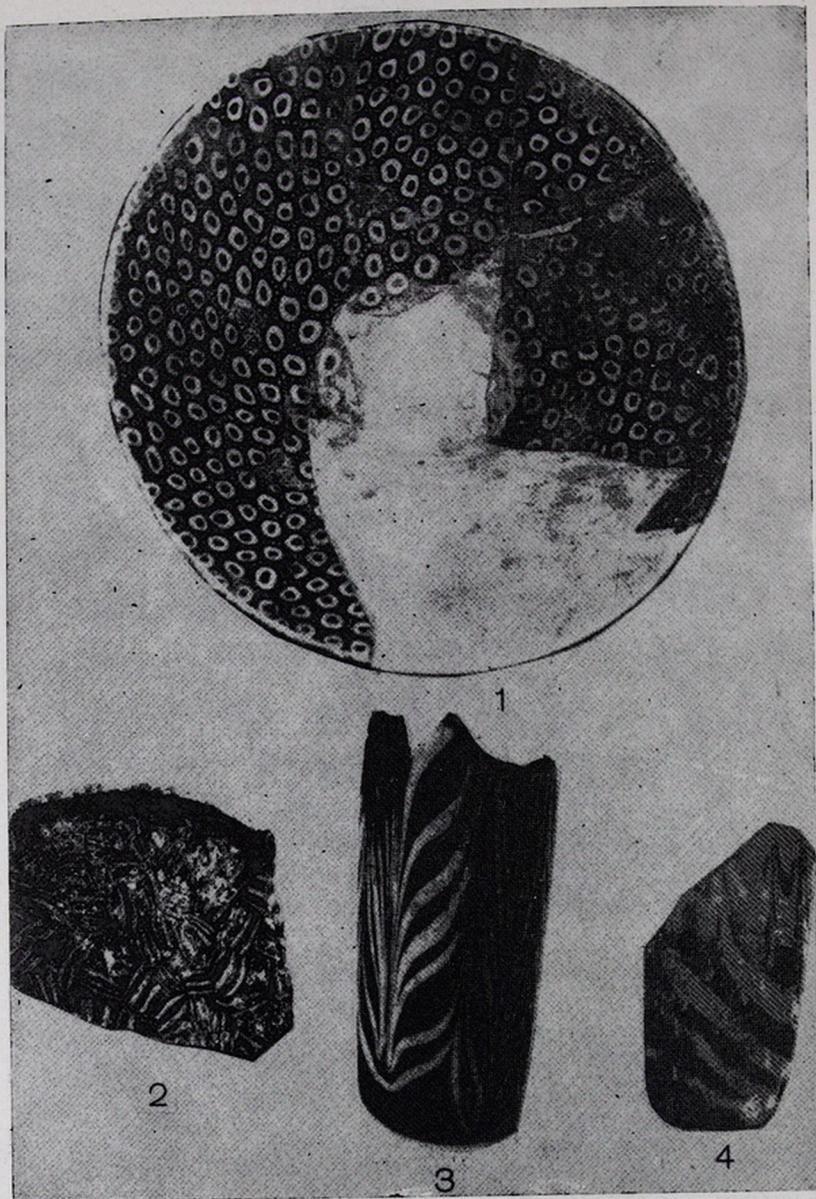

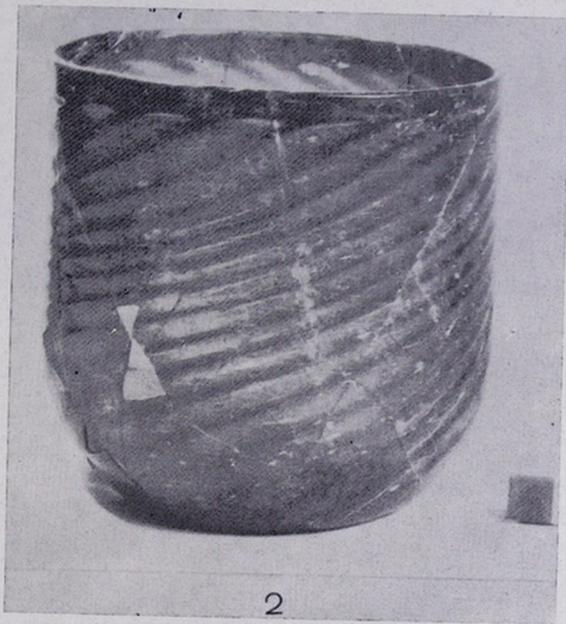
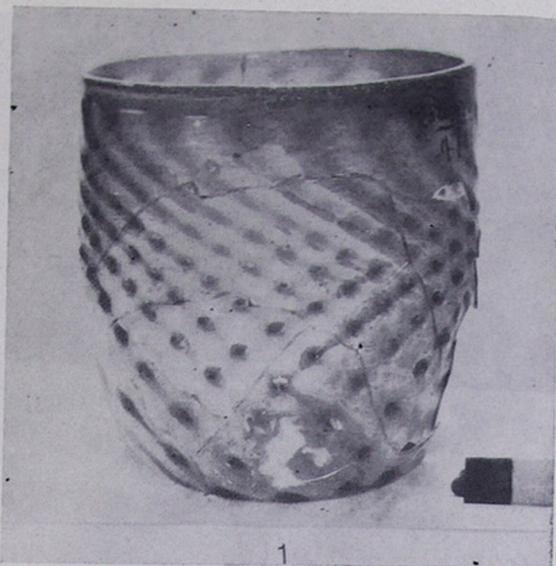
5

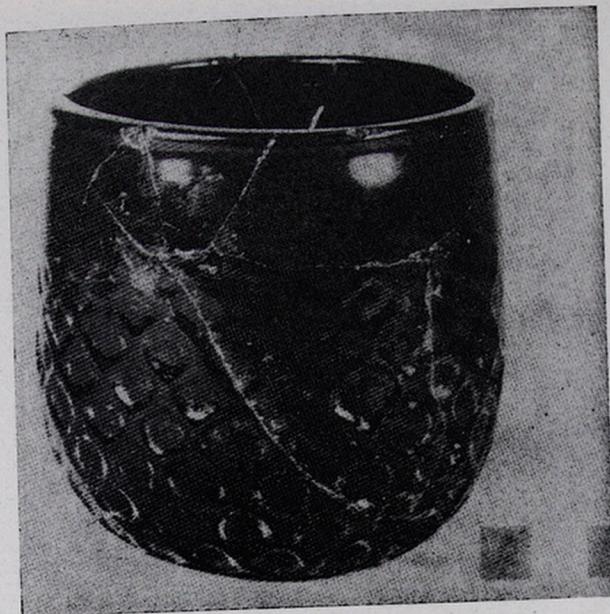

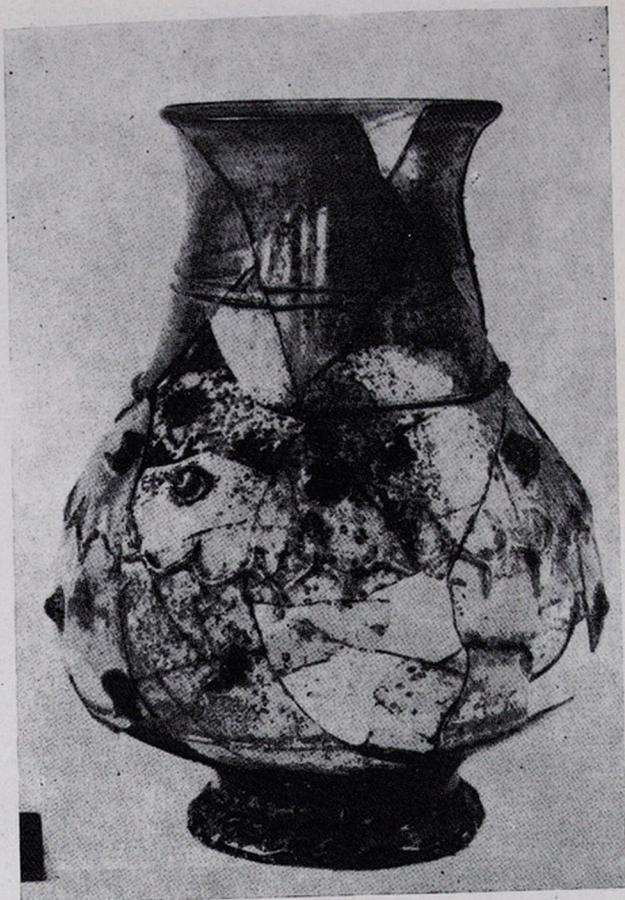

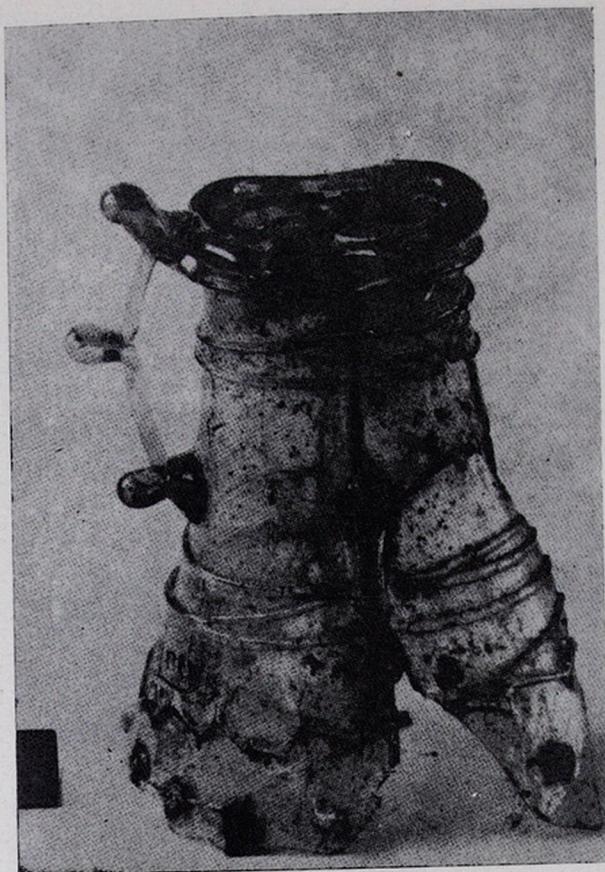

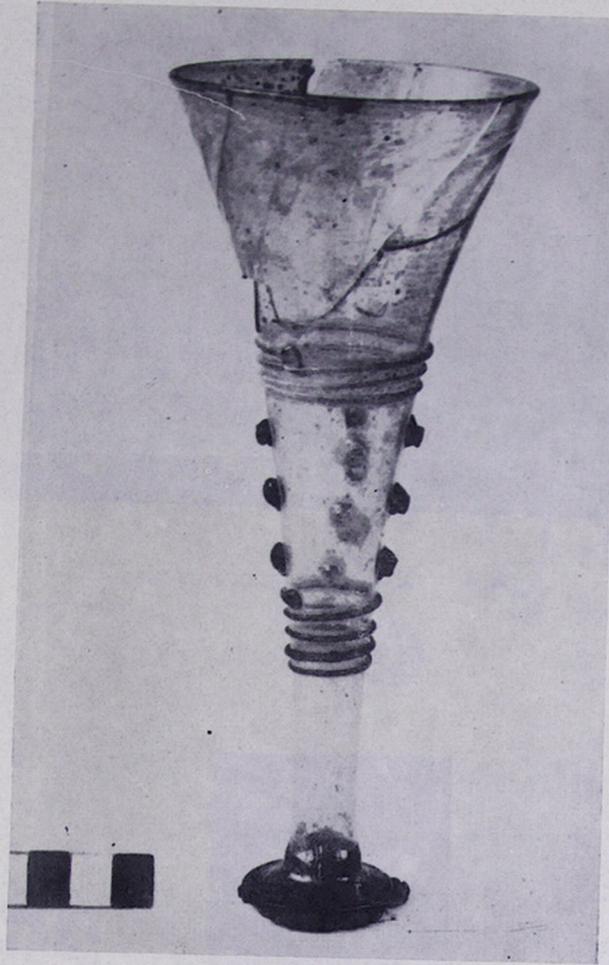

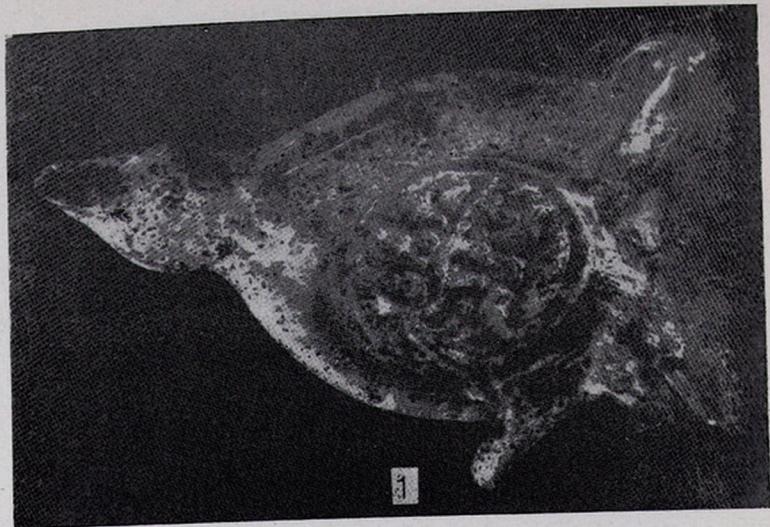

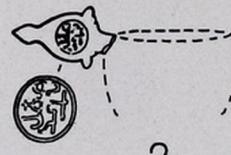

1

2

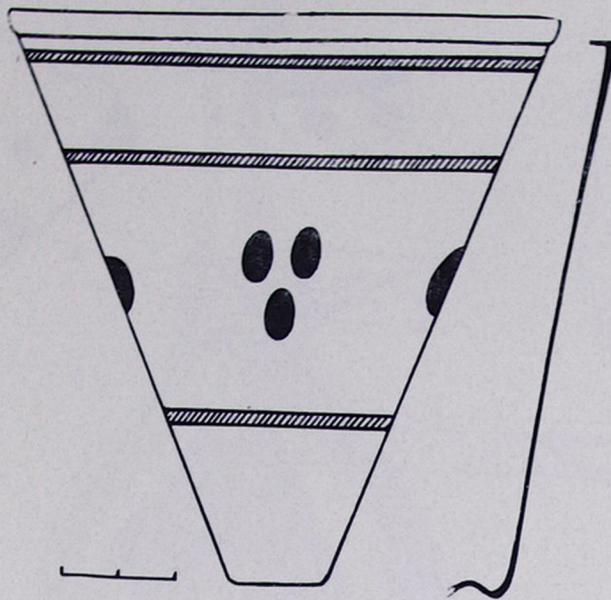
3

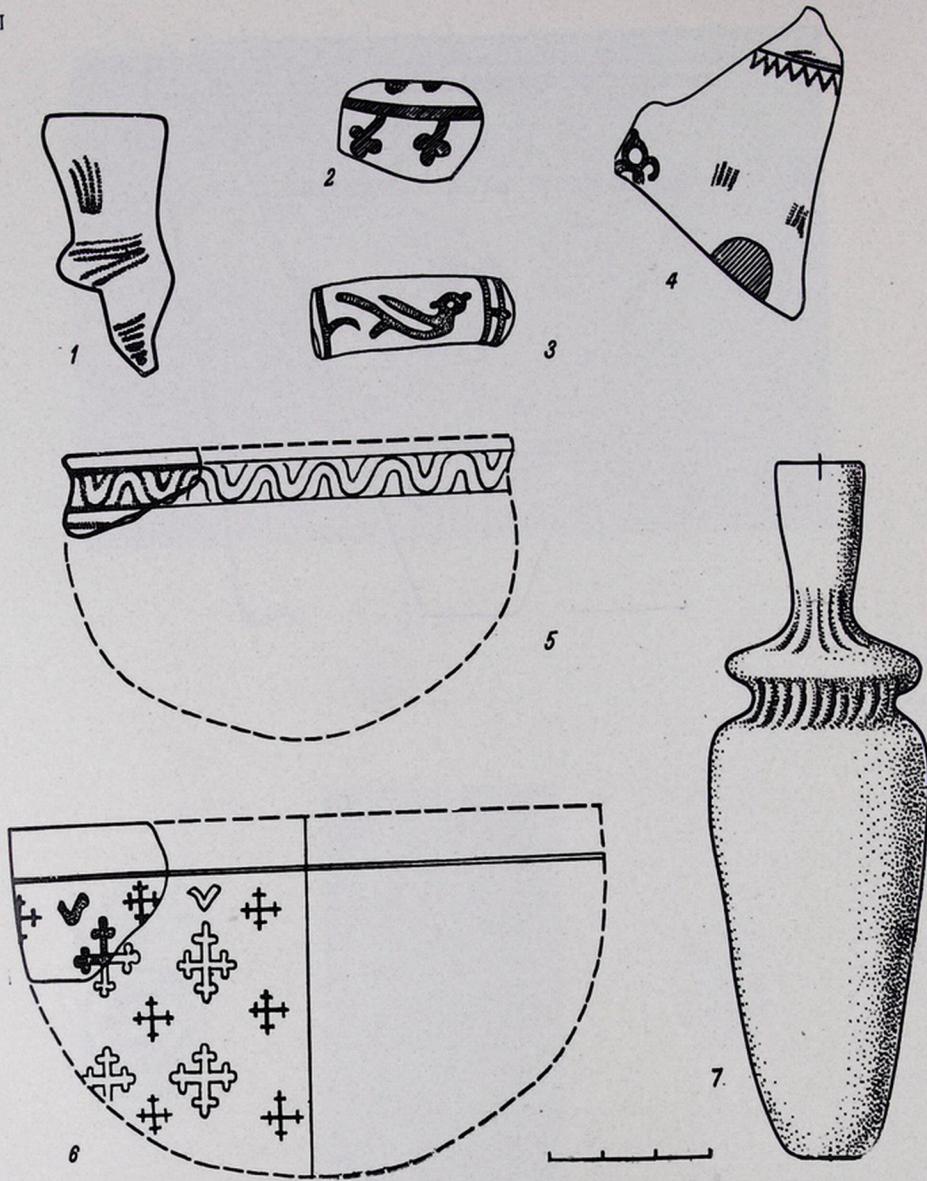

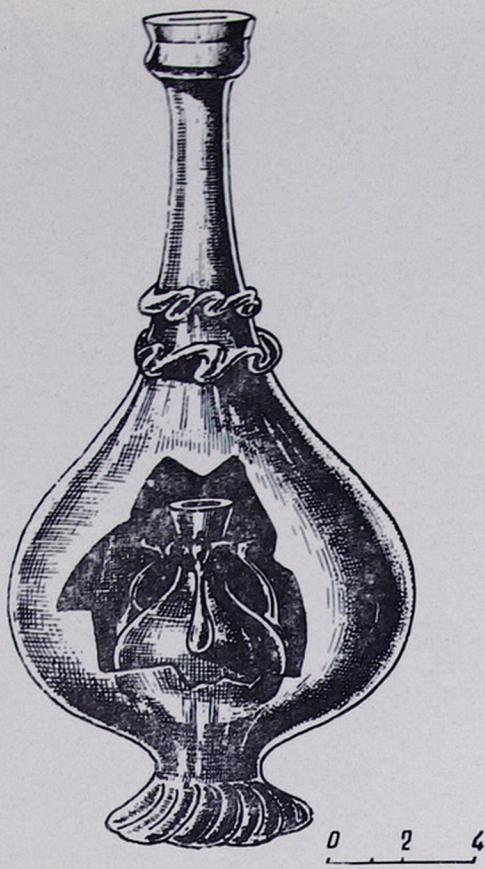
4

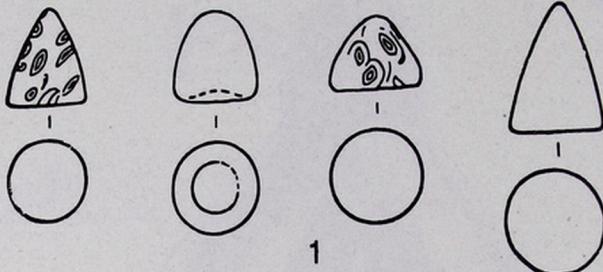
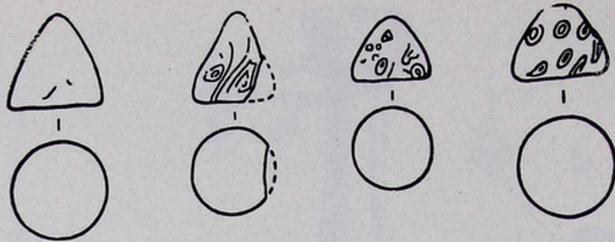

5

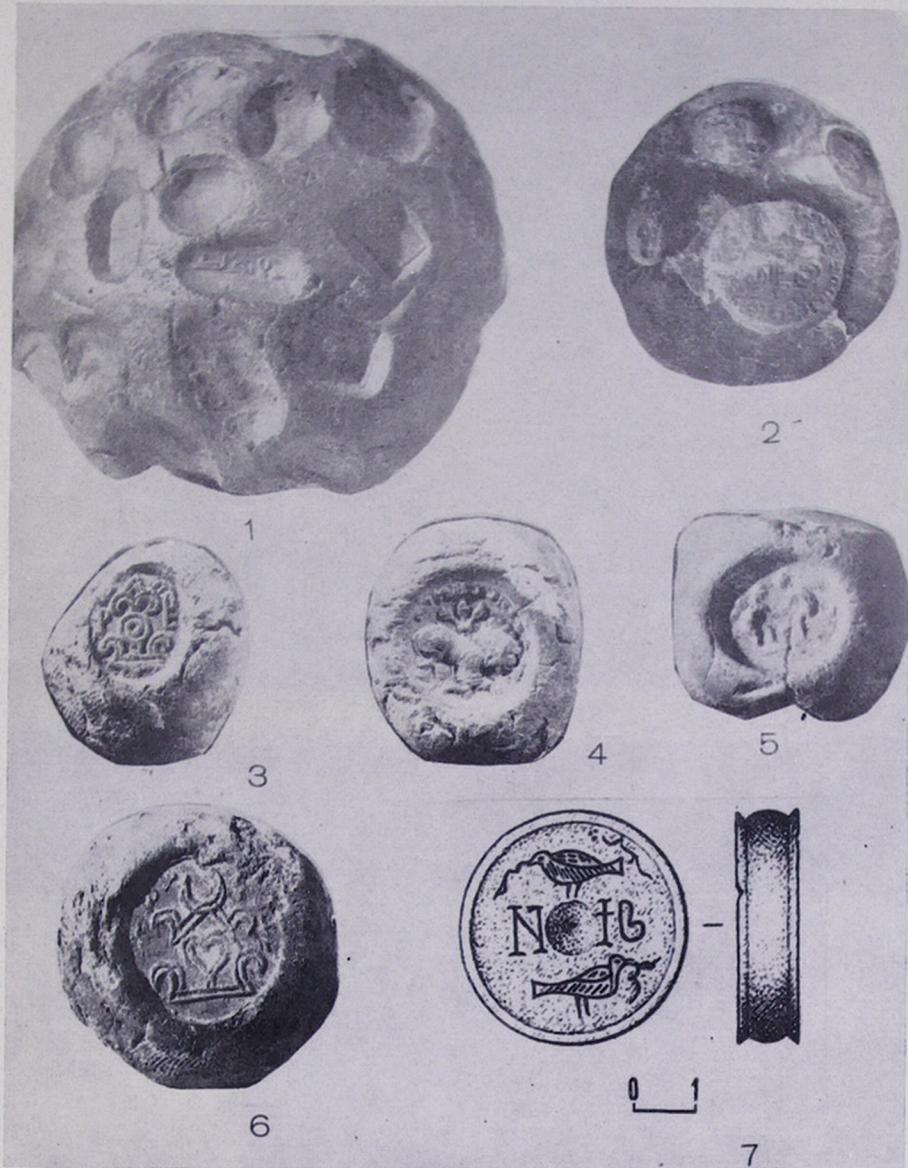

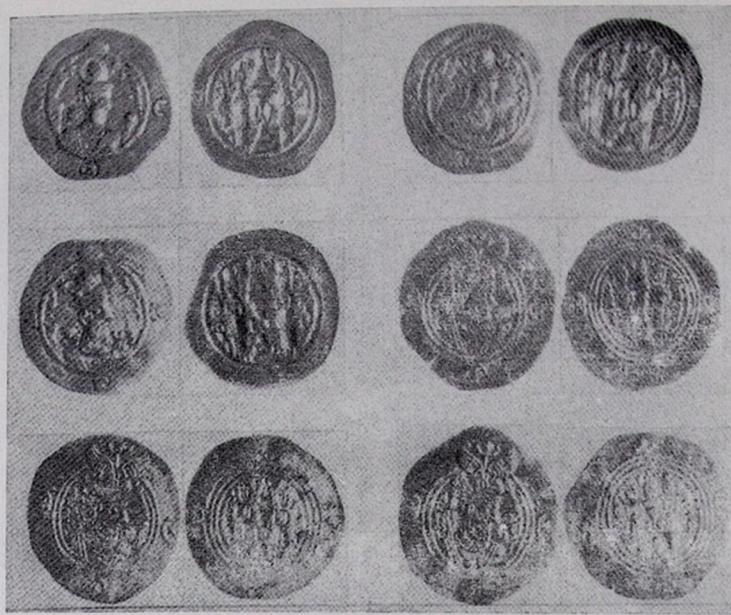

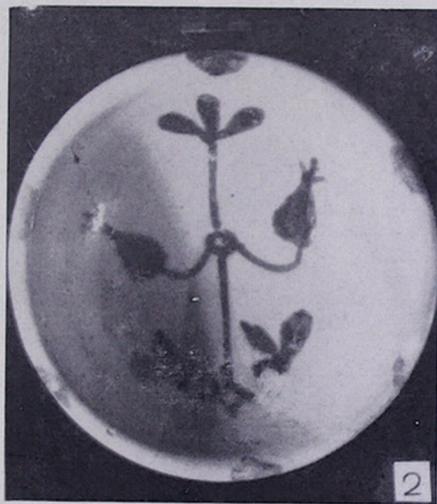
2

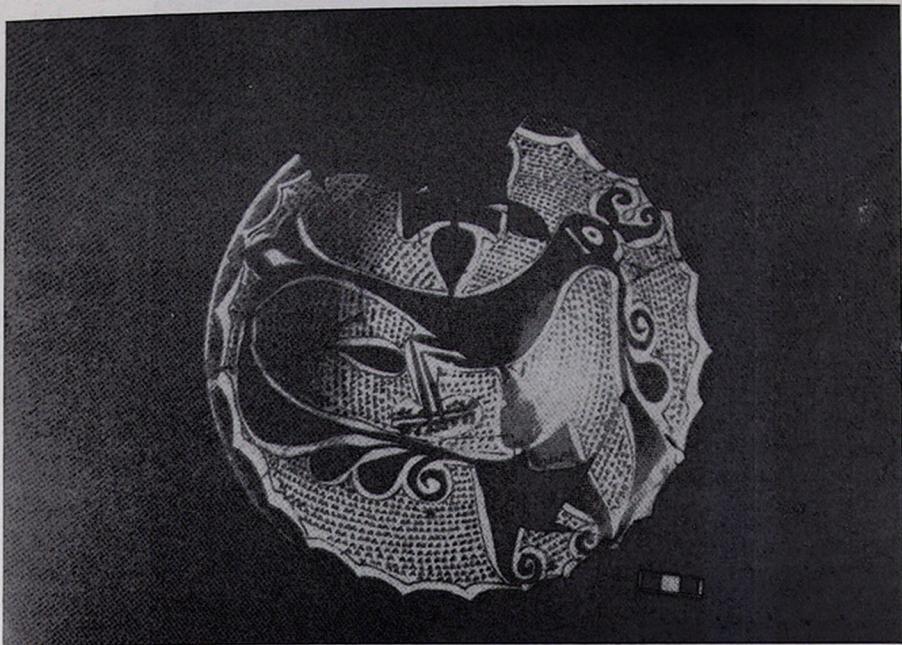

1

2

L

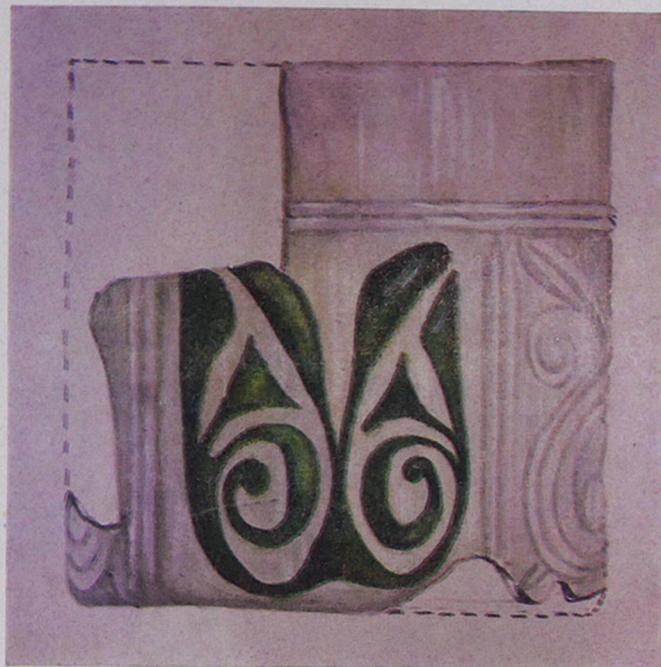

1

2

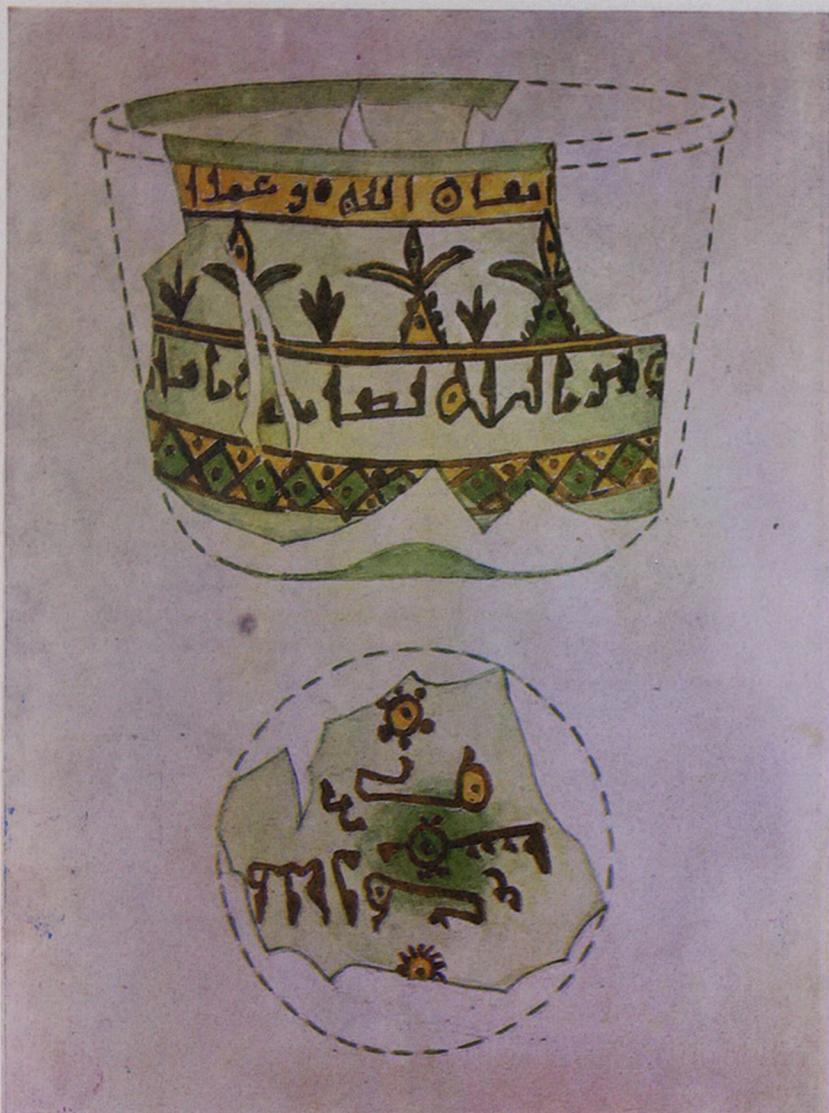

Xa

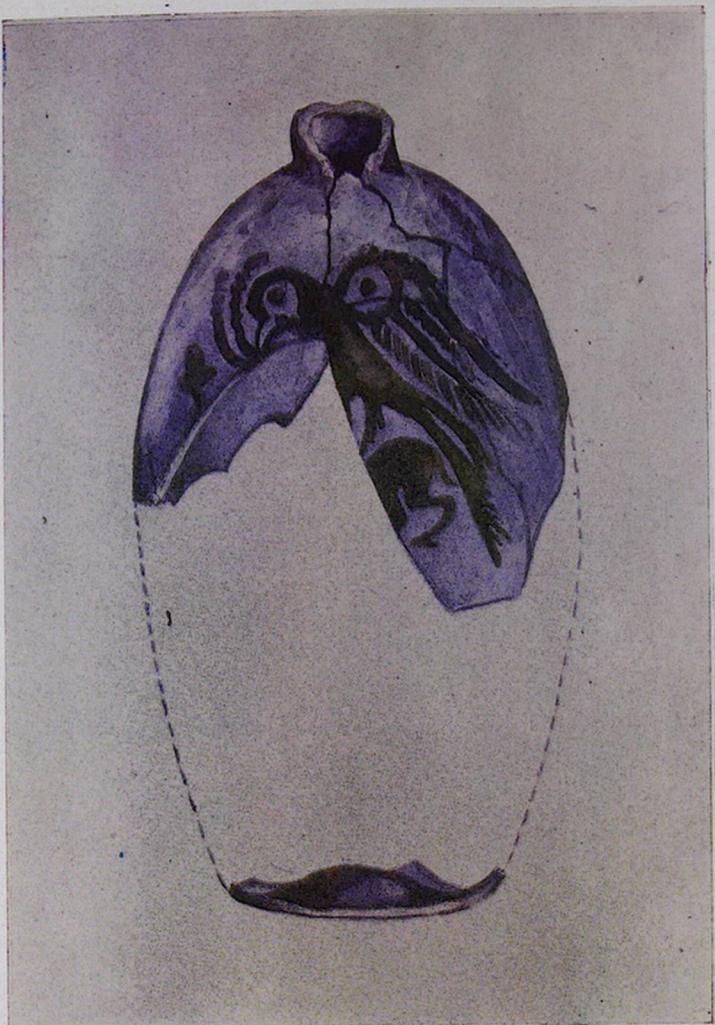

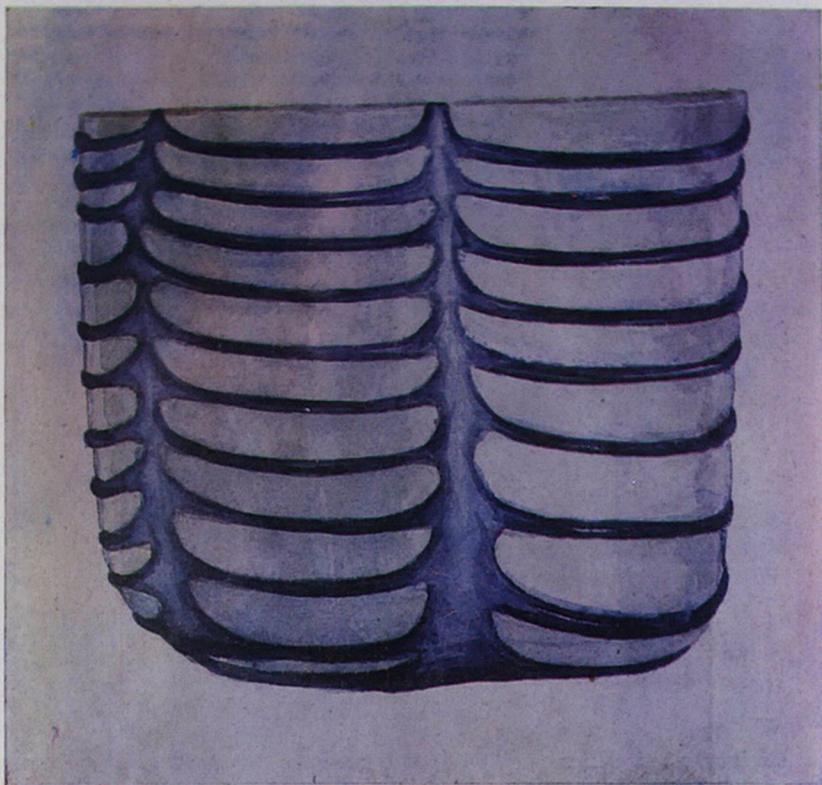

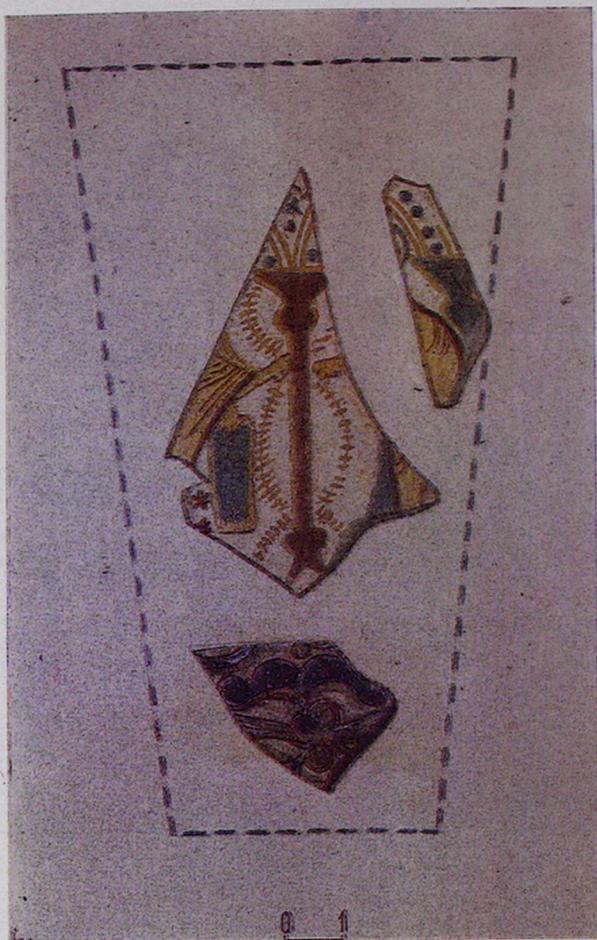

СОДЕРЖАНИЕ

Торговые связи средневековой Армении в VI—XIII вв. (по данным стеклоделия)	5
Примечания	16
Список сокращений	17
Каталог	18
Литература к каталогу	26
<i>Միապարյան Հայաստանի առևտրական կապերը VI—XIII դդ.</i> (ըստ ապակեգործովիան ավանելերի)	28
<i>Ազուակների ցանկ</i>	38
Trade Relations of Medieval in the VI—XIII centuries (according to glass-work data)	39
List of tables	47
Таблицы	48

АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ ПАМЯТНИКИ АРМЕНИИ 14 СРЕДНЕВЕКОВЫЕ ПАМЯТНИКИ ВЫПУСК VI

РИПСИМЭ МИКАЕЛОВНА ДЖАНПОЛАДЯН

АРАМ АШТОВИЧ КАЛАНТАРЯН

ТОРГОВЫЕ СВЯЗИ СРЕДНЕВЕКОВОЙ АРМЕНИИ В VI—XIII ВВ. (по данным стеклоделия)

Редакторы издательства *И. Г. Апкарян, П. А. Маданин*
Художник *К. К. Кафадарян*
Тех. редактор *Л. К. Арутюнян*
Корректоры *А. Н. Саакян, Э. А. Сохикян*

ИБ № 1254

Сдано в набор 24.12.1987 г. Подписано к печати 1.08.1988 г.
Формат 60×90^{1/8}. Бумага №1. Шрифт «Литературный»
высокая печать. Печ. л. 3,0+57 табл. Усл. печ. л. 13,26.
Учетно-изд. л. 9,21. Тираж 1000. Зак. №1643. Изд. №7419

Цена 1 р. 40 к.

Издательство АН АрмССР, 375019,
Ереван, пр. Маршала Баграмяна 24 г.
Типография Издательства АН АрмССР, 378310, г. Эчмиадзин.

1 р. 40 коп.

ИЗДАТЕЛЬСТВО
АКАДЕМИИ НАУК
АРМЯНСКОЙ ССР

ЕРЕВАН 1988